Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНА

№ 10

2022

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Ляман БАГИРОВА. *Новеллы* 3
Эмин М. **Пять шагов** 46
Гамид ПИРИЕВ. *Рассказы* 65
Марат КУЛАТАЕВ. **Усыновленный.** *Рассказ* 101
Захид САРЫТОРПАГ. **Будь мужиком!** *Рассказ* 109
Али Бек АЗЕРИ. *Рассказы* 125

ПОЭЗИЯ

Артём ТАСАЛОВ. *Стихи* 50
Адиля ЭФЕНДИ. *Стихи* 76
Геннадий ЛУКОМНИКОВ. *Стихи* 121
Сафа ГАЛЕЕВ. *Стихи* 131

ПУБЛИЦИСТИКА

Руслан СЕМЯШКИН. **Памяти Муслима Магомаева** 58
Намазали МУСТАФАЕВ. **Гражданский и научный подвиг Титанов** 85
Гюляр АБДУЛЛАБЕКОВА. Низами Гянджеви в польской энциклопедии XIX века 95
Марат ШАФИЕВ. **Низами, «Сокровищница тайн»…** 98
Агагусейн ШУКЮРОВ. **Творчество Абая Кунанбаева в Азербайджане** 105
Гюлюш АГАМАМЕДОВА. **Устрашение** 118
Марат ШАФИЕВ. **Краткая история русскоязычной бакинской поэзии** 120

Главный редактор – **Солмаз ИБРАГИМОВА**

Ответственный секретарь – **Эльдар ШАРИФОВ – СЕЙШЕЛЬСКИЙ**

Отдел поэзии – **Алина ТАЛЫБОВА**

Отдел подписки и рекламы – **Джамиля ШАРИФОВА**

Литсотрудники – **Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА, Ниджат МАМЕДОВ**
https://soundcloud.com/nijat-mamedov-489264474
https://www.youtube.com/channel/UCoPQ9ounuR9X3KgCh0JdFYg

Корректор – **Анна КУЗЁМКИНА**

Редакционная коллегия:

Почетный аксакал «Л.А.» Сиявуш МАМЕДЗАДЕ

Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелаля ГАСАНЛИ, Александр ГРИЧ (Лос – Анджелес, США), Динара КАРАКМАЗЛИ, Азер МУСТАФАЗАДЕ, Эльчин ШЫХЛЫ

Литконсультант – **Натиг РАСУЛЗАДЕ**

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:
AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53
Электронный адрес: litaz1931@gmail.com

Сдано в печать 23.09. 2022г.
Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16
Печать офсетная, 8.25 печ. л.
Тираж 400
Отпечатано в типографии «OL»NKPT MMC
Тел.: 497 – 36 – 23
Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
В публикуемые материалы редакция вносит необходимую правку.

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала обращаться в типографию «OL»NKPT MMC

© «Литературный Азербайджан», 2022 г.

ЛЯМАН БАГИРОВА

Н О В Е Л Л Ы

Май. Покой.

Мои слова печально кротки.
Перебирает тишина
Всё те же медленные четки…
В.Ходасевич

Когда шторм информации, обрушивающийся на несчастный человеческий мозг, грозит превратиться в цунами, когда беспокойство за день грядущий и усталость в дне нынешнем достигают пика, на помощь приходит тишина.

Это не злое, тревожное молчание, яростно вгрызающееся в душу и превращающее ее в ошметки. И не то, что сродни топкому смертному сну.

Это тишина сберегающая: копящая силы, мечты, впечатления и слова. Как рачительная хозяйка хранит семена редких цветов, чтобы по весне высадить их в землю. Не все взойдут; лишь самые крепкие и сильные, чтобы дать пышный и яркий цвет.

Слова – те же цветы. Мы бережем воспоминания, они сохраняют нам память, мы копим впечатления, они облекаются в слова. Но из древней сокровищницы слов мы выбираем самые сильные или самые нежные, что способны или пронзить человеческое сердце правдой, или зажечь его любовью, или утолить его нежностью.

У каждого своя тишина. Для меня до недавнего времени она была растворена в аллеях Монтинского парка – пожалуй, самого изысканного в Баку.

«До недавнего времени», потому что сейчас от тогдашнего парка мало что осталось. Да и осталось ли?.. Время преображает не только людей, его кисть всевластна, но если в человеческих лицах под слоем лет и бед еще можно угадать светлые тени юности, то строения и сады уходят безвозвратно. На их месте возносятся новые постройки, и они тоже уступят место чему-нибудь в свой срок, в свой час. Время все же более милосердно, чем люди, – оно иногда позволяет юности сверкнуть в старческих глазах или прозвенеть молодой силой в дребезжащем голосе. Но люди неистовы в своей ретивости забыть прошлое, каким бы оно ни было.

Этот парк, названный в честь активного участника Бакинской стачки 1904 года и пламенного революционного борца за дело трудового народа Петра Васильевича Монтина, был полон задумчивой прелести и какой-то сдержанной и совсем не революционной грусти. От всего его облика веяло духом старинных дворянских усадеб – очаровательных и заброшенных. А может, в этой заброшенности и постепенном дичании и была их прелесть?..

Что привлекательного, например, могли таить в себе неширокие аллеи, выложенные плитами из песчаника? Эта местная горная порода непрочна, камень слоистый, быстро обламывающийся, но, кажется, только он может вспыхивать на изломе мимолетным кварцевым блеском. Словно заплутавшая звезда отразилась в камне, а теперь дарит миру свой свет.

А уж трещины и расселины в нем были открытием. Песчаник подобно малахиту раскрывался невиданными узорами: оранжевые, охряные, красноватые и коричневые слои плавно заступали на место друг друга. И казалось: ступаешь не по выщербленным обломанным плитам, а по дворцовому паркету с интарсией.

И разве не чудом были в нем островки зацветающей дождевой воды? Она скапливалась в крошечных желобах и трещинах плит, покрывалась тончайшей ряской и напоминала сильно уменьшенные копии старинных прудов и купален.

Все, все в этом парке вызывало нежность, от которой сжималось горло. И залитая солнцем центральная площадка, на которой в окружении пламенных гераней стоял гранитный бюст Петра Монтина. И широкие деревянные скамейки с затейливыми подлокотниками – каждая изображала печального льва с открытой пастью. Бедняга лев скорее выглядел голодным, чем свирепым. И кокетливые беседки-ротонды – когда-то они были снежно-белыми, но потом приобрели устойчивый горчичный цвет. И невысокая эстрада, с которой гражданам отдыхающим вещались лекции о вреде пьянства и табака. Заржавленный стенд с афишами лекций высился рядом с эстрадой как символ былого величия сталинской эпохи. Но земля, в которую он был намертво врыт, была рыжей от осыпавшейся ржавчины, а издалека казалась красной, как если бы на нее пролилась кровь.

И грохот проносящихся электричек, и вздрагивающий свет фонарей – железная дорога была поблизости. И неповторимый, единственный в мире запах железнодорожного полотна – кисловатый запах железа, нагретой пыли, старого дерева, примятой травы и спирта: разбитые бутылки из-под водки и портвейна «777» валяются тут и там… И скрытый в глубине парка небольшой домик со странным названием «Комната смеха». Честно говоря, ничего смешного в нем не было, наоборот, огромные кривые косые зеркала и мое собственное отражение в них вызывали если не ужас, то какой-то трепет и глухое беспокойство, сродни нынешнему…

И скрипучая карусель – ее сиденья были разноцветными, и когда карусельщик, колченогий дядя Степа, словно священнодействуя, заводил мотор, казалось, что в воздухе раскрывается гигантский пестрый цветок и парит под смешную песню дяди Степы. Тот мог петь, вернее мурчать себе под нос ее бесконечно, и от пения этого становилось радостно:

Я пьян от шторы в квадрате окна,
Откуда мне не раз улыбалась она,
От белых скал прибрежных, что в солнечный день
Ее укрыли в тень.[1]

И высокие деревья, так плотно увитые неведомой лианой, что под нею трудно было распознать само дерево: так густо оплетали его тонкие побеги с копьевидными листьями и маленькими усами-вьюнами – ими лиана цеплялась за ветки дерева. Усы эти были свернуты в тугие зеленые локоны и стоило их распрямить, как они тут же с легким шелестом, словно вздыхая, закручивались вновь.

В мае лиана представляла собой диковинное зрелище. Сверху донизу она была усыпана крупными зелеными бутонами, развертывающимися как по команде. Вначале из узкой прорези бутона показывались бледно-зеленые, словно вырезанные из лунного камня длинные лепестки. Затем вокруг них появлялась фиолетовая бахрома. И наконец, из самого центра большого, величиной в женскую ладонь цветка вытягивались пять зеленых пестиков, похожих на молотки, и три крупные темные тычинки, похожие на гвозди. Цветок этот не имел запаха, но переливался на солнце мерцающим светом. Линии его были так точны и нежны, словно не природа, а мастер-искусник выточил его на волшебном станке.

– Цветок страстей господних, – очень тихо, почти про себя, говорила няня.

Это с нею каждый день мы гуляли в Монтинском парке. И она открыла передо мной его красоту и душу.

– Как это? – спрашивала я.

[1] Турецкая песня «Я пьян от любви» Здесь приведена в переводе на русский язык, но обычно она исполняется на языке оригинала.

Но няня поспешно называла уже другое имя этого цветка – «кавалерская звезда» и вообще переводила разговор на другое.

Это уже потом я узнала, почему страстоцвет, он же – кавалерская звезда, он же – цветок страстей господних, так называется. Что каждый из фрагментов этого цветка символизирует христовы муки: бледно-зеленый венчик – терновый венец, фиолетовая бахрома – обагренные кровью иглы венца, молоткообразные пестики – молотки, которыми забивали гвозди в руки и ноги Христа, три тычинки – сами гвозди, а копьевидные листья растения – копья, которыми гнали Его на казнь. Конечно, легенда, но суровая и прекрасная, как большинство легенд.

Но тогда для меня это был всего лишь загадочный цветок, мерцающий лунным светом.

Отчего-то казалось, что места, дорогие моему сердцу, места, к которым болезненно и сладко приросла душа, должны меняться вместе со мной. Что всякий раз, по прошествии какого-то количества лет посещая это парк, я буду находить в нем что-то новое, и это новое будет радовать. Или же наоборот, меняться буду я, а он будет оставаться таким же, полным задумчивой прелести и грусти, словно аромат осенних роз – сдержанный и деликатный. «Скорее всего, так и будет, – думала я, – он останется неизменным, только постареет и обветшает, но тоже очень элегантно – усыхая, но не разваливаясь».

Но оказалось совсем не так. Парк менялся, и в нем появлялось много нового, но оно, увы, не столько радовало, сколько ошеломляло. И дело не в том, что был снесен памятник пламенному борцу за счастье трудового народа, что исчезли Зеленый театр, эстрада, Комната смеха, летний киноклуб и кокетливые беседки-ротонды, что, расчищая площадь, вырубали деревья, увитые лунным страстоцветом. В конце концов, глупо было ожидать от жизни неизменности и элегантного старения. Все меняется, так и должно быть, но далеко не все, что приходит на смену, столь же пленительно и прекрасно.

Но если… Боже, но если от былого очарования Монтинского парка осталась хоть одна маленькая щербатая плита из непрочного песчаника, то и ее я готова нежно прижать к сердцу. Ведь она помнит все, всему была свидетелем, и в мимолетном кварцевом блеске ее излома все еще горит заплутавшая звезда нашей памяти.

У каждого из нас есть такие Монтинские парки – островки благодарности и покоя. Должны быть. Именно им – маленьким целителям – дан великий дар: возрождать человеческую душу.

Июнь. Жара. Кот.

Я – счастливый человек. Жизнь баловала меня впечатлениями, а природа одарила памятью и способностью анализировать. Корзинку щедрых даров довершила фантазия. Она услужливо приходила на помощь, когда впечатления оскудевали и память о них блекла. Фантазия, засучив рукава, принималась за дело, раздувала костры воображения, и жизнь снова становилась яркой, запоминающейся, а значит, счастливой.

Случайно на ноже карманном
Найди пылинку дальних стран.
И жизнь опять предстанет странной,
Закутанной в цветной туман.[1]

Как же правы те, кто называет поэтов пророками. Их мысль молнией пронзает вечность и видит то, что обыкновенный ум постигает годами.

[1] 1.А.Блок «Ты помнишь: в нашей бухте сонной…»

И когда пространство жизни отчаянно сужается до размеров карманного ножа (или ее искусственно пытаются сузить), то я так же отчаянно пытаюсь разглядеть на нем пылинки странствий. Не важно, дальних ли стран, или океана воображения и памяти. Путешествия от этого не станут менее яркими. Если при этом они принесут радость или научат чему-нибудь – это ли не счастье? Как оказывается прост его рецепт – яркость, радость, наука!

… Этот душный день складывался донельзя мерзко. Все вокруг будто сговорилось портить настроение, причем портило его со знанием дела, медленно и с наслаждением. С самого утра солнце обрушило на землю не только палящие лучи, но и отвратительную, доводящую до бешенства липкую одурь. В небе после краткой ночной прохлады словно зажгли гигантскую лампу и направили ее на землю так, как светят в лицо преступникам на допросе.

Через полчаса этого белого мертвящего света человек начинал ненавидеть все на свете: себя, окружающих, одежду, еду, пыльные деревья за окном, собак и кошек, в изнеможении развалившихся на тротуарах, работу, на которую надо было ходить, дом, куда надо было возвращаться. Умирали все желания, кроме трех: стоять под душем, под кондиционером и залезть в морозилку холодильника. Последнее было неосуществимо, поэтому о нем приходилось лишь тосковать. Но невыносимее всего была липкая испарина. Стояние под душем и кондиционером давало призрачный эффект – через пять минут все вновь становилось гадким и липким.

Жара погружала город в сонную одурь. Ленивыми становились движения, звуки, цвета, даже запахи. Какой-нибудь дом мог соединять в себе целую симфонию запахов. Так из одного окна доносился аромат горячего вишневого варенья – запах сладкий, душный, из окна напротив – запах борща и печеных баклажанов, они смешивались с запахом свежевыстиранного белья, – и плыл над землей раскаленный обморочный воздух.

Он разрушал сознание. Иначе как можно было объяснить совершенно сумасшедшую идею отправиться в перерыв в 12.30 бесцельно бродить по парку.

Он был весь залит солнцем. Гулять в это время было подвигом или безумием. Но скорее – отчаянием и дерзким желанием доказать, что клин клином вышибают! Наяриваешь, светило? А мы тебя не боимся, специально вышли на пекло. Лей свои лучи! Посмотрим, чья возьмет! На выгоревший газон и скрученные от жары листья было больно смотреть. С тутовых деревьев глухо шмякались перезревшие ягоды и оставляли после себя черный и липкий след. Скамейки и аллеи были пусты – везде царило солнце. Фонтаны отчего-то не работали, видно, городские службы решили в это пекло поберечь воду.

Я кружила по парку почти автоматически. Состояние было странное, близкое к эйфории: глаза слепило, а стоило их прикрыть, как сразу же перед внутренним взором начинали бешено вертеться оранжевые круги. Словно налитые свинцом руки и ноги внезапно обретали удивительную легкость. Казалось, еще мгновение, и я оторвусь от земли и растворюсь в густом синем мареве.

Краем обмирающего сознания я скорее не увидела, а угадала темное пятно.

Так и есть: на белом от солнца асфальте сидел большой серый кот. В спутанной шерсти его застряли сухие травинки и кусочки засохшей грязи, отчего он казался бурым. Глаза его слезились, язык высунут, а морда выражала такую мольбу, что первым моим желанием было отнести его хотя бы под скамейку – там была крошечная тень.

Но кот не шевелился, и поза его была странной и, видимо, очень неудобной. Он сидел не как обычно сидят кошки – кувшинчиком, а на хвосте, неловко завалившись на бок и опираясь правой передней лапой об асфальт. Издалека присмотреться – не кот, а крошечный, очень волосатый человек сидит, подавшись вперед, и опирается рукой о сиденье.

Кот поднял морду, чуть сдвинул опорную лапу, и вдруг я увидела у него под боком маленького черного голубя. У птицы было перебито крыло, она распласталась на асфальте, склонив голову и высоко подняв здоровое плечо. Изуродованное крыло лежало веером, голубь не мог не только пошевелить им, но даже сдвинуться с места. Так и сидел на пекле, медленно умирая. Кот примостился рядом, чтобы защитить его от солнца. Облегчение пришло от того, кто, казалось, вовсе не был на это способен. От врага, ставшего в одночасье собратом по несчастью. От врага, не поднявшего лапу на слабого. В грязном мохнатом тельце сострадания оказалось больше, чем во многих наделенных разумом и преисполненных величия существах.

Я сидела на корточках в пустынном, палимом солнцем парке перед этой странной парочкой, и у меня не было сил признаться самой себе, что я восхищаюсь ею. Маленьким подвигом добра и милосердия, ненавязчивым и кротким уроком нравственности, который эти двое, сами того не ведая, преподали мне. Пусть бессознательно, но какое это имеет значение? Поистине, *«великое безумье доброты – единственный спасающий нас разум»*[1].

Перерыв подходил к концу. Я вспомнила, что неподалеку есть зоомагазин, и помчалась туда. По счастью, ветеринарный врач – сонная, тучная, добродушная женщина была на месте и на мой сбивчивый рассказ отреагировала на удивление быстро.

– Сюда! Тащите сюда своих героев! – скомандовала она, и мы с одной из продавщиц снова побежали в парк. Герои были на месте. Кажется, они решили так и застыть здесь, явив миру символ молчаливой стойкости: испепеляемся, но не сдаемся!

Мы осторожно переместили их в переноски. Кот вздрогнул, глубоко вздохнул, затрясся всем телом и тихонько застонал, будто заплакал.

– Ничего, ничего, – улыбнулась девушка. – Это он лапу отсидел и вообще затек, а мы его сдвинули, и у него по всему телу иголочки пошли, вот и трясется. Сейчас пройдет. Не плачь, маленький!

«Маленький», больше похожий на миниатюрного медвежонка, размазывал по морде кровянистые слезы и качал головой, словно китайский божок. Потом учуял воду в углу переноски, недоверчиво понюхал ее и принялся жадно лакать. Пил он долго, изредка приподымая голову и всхлипывая.

Голубь был неподвижен. Мы приподняли его и увидели, что дела плохи – крыло нагноилось и между тонкими остевыми перьями уже виднелись черви. Голова птицы все так же свешивалась набок, а в полуоткрытом, затянутом пленкой черном глазу читалось равнодушное: *«оставьте меня в покое»*.

– Он умрет? – спросила я и замерла в ожидании дурного ответа. Неужели старания кота были напрасны, и птичья жизнь оборвется?

– Нет, – успокоила девушка. – Скорее всего, крыло придется ампутировать, видите, гангрена начинается, а так – молодая птица, будет жить.

– Идемте скорей, – выдохнула я, и мы защелкнули дверки переносок.

Ветврач уже ждала нас с инвентарем наготове. Пациентов у нее, видимо, было немного, и она с охотой демонстрировала свои знания.

– Какой грязный! – благодушно протянула она, склонившись над котом. – Ничего, это мы сейчас поправим. Искупаем, подстрижем, глазки подлечим, покормим, будет как новенький. Уличным животным услуги бесплатны, – хохотнула она и украдкой взглянула в зеркало на стене – хороша ли? Да, была хороша: улыбчива, доброжелательна.

«А потом опять на улицу, – тоскливо подумала я. – «Подлечим, покормим» и вали! Эх, жизнь...»

– И постараемся пристроить в добрые руки – ворковала она. – Ай, не кусайся, не стыдно тебе?

[1] Строчка из стихотворения Е.Евтушенко, посвященного Герою Социалистического труда Хураман Аббасовой.

Кот устало смотрел на нее, и на морде его читалось: «Прости, пожалуйста, я чувствую – ты хорошая, но так полагается. Мне же надо показать, что я – кот!» Потом он прикрыл глаза и блаженно вытянул лапы. В ветеринарной было прохладно – работал кондиционер.

– Как хорошо, что пристроите. Точно? – обрадовалась я.

Продавщица вместо ответа протянула руку в угол комнаты. Там в огромном «кошачьем» доме с бархатными подушками, лежанками и «гнездами» резвились три котенка.

– Было семеро. Уличные, – гордо сказала девушка. – Четверых пристроили в хорошие руки. Эти на очереди. Не беспокойтесь вы. Такого героического кота не пристроить по высшему разряду – грех!

Врач тем временем перешла к переноске с голубем и помрачнела.

– Ампутация срочно. Крыло, сустав, да и одна лапка тоже. Чувствуете запах? Гангрена уже вовсю. Бедняга, видимо, несколько дней мучился.

«А ведь каждый день мимо него шли люди, играли дети, – подумала я. – Да и сама сколько раз проходила. Отчего же не видела? Не замечала, торопилась, не обращала внимания?»

– Но жить будет. Молоденький, сердце здоровое, выкарабкается. Только его здесь оставим. Инвалидов голубиная стая не приветствует. Да и не сможет он уже на воле.

Я потянулась к кошельку.

– Нет, уличным услуги бесплатны, – улыбнулась докторша. – Но, если вы так хотите, можете пожертвовать сколько-нибудь в пользу бездомных животных или этим купить какой-нибудь еды подороже. Побаловать, так сказать. А насчет остального не беспокойтесь, живы-здоровы останутся ваши герои. Вы что-то еще хотели?..

Перерыв мой давно и безнадежно окончился. Но, Бог с ним, один раз не грех и опоздать. Еду я, конечно, купила. И в пользу бездомных животных пожертвовала тоже. А, вот чего хотела?..Чего я хотела? Да, только одного, чтобы милосердие, деликатность и кротость стучались в человеческие сердца чаще, чтобы уроки нравственности были легки и ненавязчивы, а подвиги тихи, великодушны и естественны. И что для свершения их вовсе не обязательно бряцать словами и оружием, а всего лишь протянуть руку или лапу помощи. И никогда не пожалеть об этом…

P.S. Финал этой истории оказался счастливым. Кот, названный Героем Медведевым (получил имя и фамилию в паспорте!), поправился, приосанился и обрел дом с любящими хозяевами. Голубь, вернее голубка, перенесла операцию хорошо, была названа Сироткой и осталась жить в зоомагазине. У нее персональная большая клетка со всеми удобствами. Сиротка встречает посетителей громким курлыканьем и в очередной раз с удовольствием слушает историю своего спасения. Ее продавцы и врач рассказывают без исключения всем посетителям!

Июль. Алые ангелы.

В июле я видал роскошный отблеск рая:
Сжигал себя закат безумием цветным
И, радугой сплошной полнеба обнимая,
Сливался в алый луч над лесом голубым.
В.Набоков

На раскаленной от июльского солнца крыше сидели два ангела в красных хитонах и обмахивались крыльями. Пот градом струился по их распаренным лицам, будто ангелы только что вышли из парной и завернулись в красные полотенца.

Солнце золотило крышу и ткань хитонов. Со стороны могло показаться, что на крыше разгораются маленькие костры.

Младший ангел плакал и размазывал слезы по круглому детскому лицу.

– Не могу я так бо-о-ольше! – гундосил он, всхлипывая. – День-деньской мотаешься по жаре, как проклятый…

– Тс-с-с-с! – предостерегающе цыкнул старший ангел и огляделся по сторонам: не слышит ли кто? Но в ярком, до рези глазах небе не было ни облачка, значит, вся остальная ангельская братия разлетелась по делам.

– Не могу! Сил больше нет, – продолжал заливаться младший. – Целый день – туда-сюда, солнце голову продырявило, даже крылья не слушаются, пересохли от жары, во рту – пустыня Сахара!

Старший ангел одобрительно кивнул.

– Ты и про пустыню Сахару знаешь? Молодец!

– Э, дядюшка…И так тошно, а вы шутите!

– Да не шучу я, дурашка, а тебя хвалю. Мало кто из нынешних ангелов географию знает. Да и другие науки тоже!

– Причем тут география?! – взвизгнул младший и стал обмахиваться еще и полами хитона. Делал он это резко и с раздражением, всем видом показывая, что обижен на старшего.

– Ноги подними-ка повыше, – деловито заметил тот. – Смотри, как у тебя вены от жары вздулись, а ты еще ноги вниз свесил. Проблем с венами хочешь?

Младший уставился на свои ноги, нехотя подобрал их под себя и снова завыл:

– Что ни делаю, ему не нравится! Позавчера загонялся так, что уже не ноги, а язык набок свесил. Прилетел ни жив ни мертв, во рту маковой росинки с утра не было, а он мне: «Вы нерасторопны, быстрее надо!» И целую лекцию прочел, что, мол, пока ты так медленно поспешаешь, кто-то твоих добрых дел может и не дождаться. Что, видите ли, ангелы должны летать быстрее молнии. И еще прибавил что-то по латыни, я не понял, что-то фис, фес…

– Наверно, festina lente – поспешай медленно, – рассудительно заметил старший. – Это он про тебя так сказал.

– Видите ли, ангелы должны летать быстрее молнии! Сам бы попробовал! Сидит целыми днями на мягком облачке, нежится в прохладе, звездный нектар попивает и еще недоволен!

– Так на то он и Начальник. Ему же надо что-то сказать для острастки, – ответил старший, рассматривая свои сандалии. – Смотри, пряжка лопнула, ремешок поистерся. Заменить бы, ах-ха-ха, – последние слова утонули в зевке.

– Дядюшка, не спите! На солнце спать вредно, – толкнул его младший.

– А, нет, ничего, не сплю, не сплю, – затараторил тот. – Да не бери ты в голову! Ну, начальник всегда пожурить должен, ему без этого нельзя! А твое дело верное, не бойся. Работу выполняешь, не пререкаешься ни с кем. В нашем ангельском чине покладистость – первое дело. Да и я заступлюсь за тебя в случае чего. Сам не бунтуй; кротость для отрока – украшение.

– Эх, дядюшка, и вы поучать решили! – младший ангел с досадой махнул крылом.

Старший усмехнулся в усы.

– Слепит! – он задрал голову вверх.

Ангелам можно смотреть на солнце безбоязненно, поэтому он на несколько минут застыл, глядя на белый солнечный диск, повисший в небе. Если бы ангел был домохозяйкой, он сравнил бы солнце со сверкающей алюминиевой сковородкой, висящей на ярко-голубой кухонной стене. Но он был всего лишь пожилым и уставшим июльским ангелом, которому до наступления темноты надо было еще переделать уйму дел.

Младший продолжал всхлипывать, но уже как-то обреченно. Старший встревожился. По опыту он знал, что громкие и яростные вопли лучше вот таких бесслезных всхлипов. Он покосился на младшего. Так и есть! Совсем приуныл!

Старший принялся обдувать младшего своим хитоном. Солнце встало у них над головой, и казалось, что две большие алые птицы взмахивают крыльями и о чем-то ведут разговор.

– Ты думаешь, мне всегда легко было? Смолоду гоняли так, что мало не покажется! Как поступил я в ангелы, так сразу определили меня в летнюю группу. Да еще в июльскую. В самую макушку лета! Повели в примерочную, выдали алый хитон; у июльских ангелов – алые.

– А у других? – заинтересованно спросил младший и перестал всхлипывать.

– У всех месяцев свои ангелы, – посуровел старший, – и у каждых – свои хитоны. Вот у августовских, после нас, хитоны синие, потому как август – месяц самой звонкой жары.

– Как это? – не понял младший.

– А так! Ты вот разнюнился: жарко, плохо ему, видите ли, устал, а июль против августа порой слабее будет! Это сейчас только воздух раскален докрасна, но в земле еще есть прохлада. А вот в августе, когда все раскалится, то воздух над землей – синий и дрожит от жара. И тишина такая звонкая, только слышно, как семена цветов с сухим треском выстреливают и рассыпаются. Потому и марево синее над землей, все умолкает, ни одна птица голоса не подает. Это сейчас еще воробьи чирикают, а в августе – мара и тишь.

– Мара? – озадачился младший. Слезы его высохли, и только на круглых щеках пролегли две трогательные белесые полоски. Слезы солоны даже у ангелов!

– Мара – это марево одуряющее, как призрак, – наставительно заметил старший. – Душит тебя, а ты и рад ему покориться, словно всего тебя околдовали. Так что радуйся, что в июльские ангелы попал; августовским тяжелее. А зимним каково? То бомжа из сугроба вытащи, чтобы не замерз, то бабульку до дому доведи, чтобы не поскользнулась, и позаботься о том, чтобы у нее в шкафу хоть что-нибудь съестное было. Да еще сделай так, как будто это съестное она сама нашла, а не ты ей подложил. Легко, думаешь?!

– Загоня-я-яли-и!!! – младший ангел приготовился завыть по новому кругу! – Ног под собой не чую, крылья чугунные, того и гляди отвалятся, язык набок уже! То этого утешь, то другого успокой, то идиотов пьяных из моря доставай, чтобы не утонули, то около беременной стой, чтобы не родила от жары раньше срока. И главное, хоть бы кто спасибо сказал! Все, как очухаются, только и говорят: «От жары красное пятно померещилось». А это не пятно, это я стоял, ноги от усталости уже алыми стали, как хитон! А они – «пятно»!

– Да будет тебе, – примирительно сказал старший. – Ты у нас кто? Ангел? Так и выполняй свою работу. Такая уж у нас служба. И не ругайся! «Пьяные идиоты…» Где ты слов таких нахватался?! Вымыть бы тебе рот с мылом, да жарко, лень.

– Простите, дядюшка, – буркнул младший.

– То-то же! Ладно, вот что расскажу.

Солнце чуть-чуть спряталось за маленькое кремовое облако, решив подслушать разговор с комфортом – в полутени и на мягком сиденье.

– Вот ты говоришь: никто не ценит. И вся твоя работа без отдачи. Нет, дурашка, есть отдача, только не всегда такая, какой тебе хочется.

Слушай! Это я еще молодой был, примерно твоих лет или чуть старше. Мы ведь ангелы – бессмертны, только старимся так же, как люди. И ты не всегда таким пухлощеким будешь, не бойся!

Лечу я по делам. Пекло страшное, хитон мой развевается и просвечивает насквозь, хорошо, хоть с земли не видно! Лечу и сам себя лягушкой-путешественницей

чувствую, которая все приговаривала: «Лечу это, лечу». Но в отличие от нее я был злой, как сто чертей!

При этих словах старший понизил голос и оглянулся.

– Дядюшка-а! – всплеснул крыльями младший.

– Ну, да, знаю-знаю, что нельзя ругаться. Но бывают такие моменты, когда и Бог закроет глаза и уши на ругань. Редко, но бывают. Но ты этому не учись, юн еще!

Не заладился у меня день с самого начала. Солнце наяривало так, что глаза закипали. И все, как ты говоришь: то одного утешь, то другого успокой, то с беременной рядом постой, чтобы не родила раньше времени, то пьяных из моря доставай, то у водителя автобуса всю дорогу виси над головой, чтобы его от солнца не разморило, и он в аварию бы не угодил. А благодарности, сам понимаешь, никакой. И все тоже, как один – «красное пятно от жары померещилось». Как мне обидно было за это красное пятно, слов не подберу…

А жара усиливается. И дорога такая сухая, ровная, как степь, рыжая от выжженной травы. У меня самого перед глазами рыжие круги заплясали. Понимаю, что не выдержу долго, надо отдохнуть немного. Куда там! Ни деревца на земле, ни облачка в небе. Наконец, заметил чуть правее от себя маленький дом с белой крышей и крохотным карнизом с желобом. Такие часто встречаются в старых деревенских домах. Вот на этом карнизе я и примостился. От стены дома была небольшая тень, и можно было спустить ноги в желоб, он был выкрашен голубой краской и от этого казался прохладным. Жаль, что воды вокруг не было ни капли. Только я прикрыл глаза, чтобы немного отдохнуть, как услышал тихие голоса. Женский и детский. Девочка хныкала, что ей жарко, а мать ее успокаивала, что надо немного подождать и скоро наступит вечер.И голос у нее был такой мягкий и спокойный, словно баюкал прохладой.

Опустился я чуть ниже и заглянул в окно. Вижу: маленькая комнатка с железной старой кроватью, круглый стол, и на столе почему-то разрезанная луковица на блюдце. Девчушка лет пяти, встрепанная, кудрявая. И одно ухо у нее почему-то перевязано платком. Видно, болело. И мать рядом, тоненькая, в синем платье в горошек, волосы на затылке подколоты, а лицо такое нежное и уставшее. И столько в нем любви и заботы было, что у меня дыхание перехватило.

Она обдувала дочку листом бумаги, а девочка теребила ее за платье и спрашивала:

– Мама, а где мой ангел-хранитель? Ты говорила, что он у всех есть? А где наш? Пусть он сделает, чтобы не было жарко. И чтобы у меня ухо не болело.

– Дочушка, подожди немного. Все сделает. Только ему тоже отдохнуть надо. Он целый день летает, ему тоже жарко. Вот отдохнет, наберется сил и все сделает. А ухо болеть не будет, только лекарство надо капать и есть вовремя. А теперь поспи немного, чтобы лекарство помогло. Проснешься, а ухо уже не болит.

– И жарко не будет?

– Не будет. Спи. А я тебя покачаю.

– И сказку!

– Хорошо. Слушай.

И вот этот разговор я, затаив дыхание, слушал. В первый раз кто-то меня пожалел. Все только и ждали от меня чего-то, надеялись, сердились, если я опаздывал с помощью. А тут – женщина, которой помощь, может, больше всего нужна, обо мне подумала. И только я об этом подумал, как стало легко, и захотелось сделать что-нибудь хорошее. От души, а не по долгу.

И только я успел об этом подумать, как на землю легла первая лиловая тень, а это значит, что скоро вечер. И наступит желанная прохлада. Когда же небо стало совсем лиловым, и все вокруг на его фоне казалось нарисованным черной тушью, я понял, что солнце уснуло, и земля наконец-то отдохнет от него до утра.

Мой алый хитон в сумерках казался совсем черным, и я смелее заглянул в окно дома. Все равно им меня не увидеть, а если и увидят (сердце ведь зорко!), то примут за тень большой птицы. Девочка сидела на коленях матери, прижавшись к ней больным ухом, а мать тихонько покачивала ее и рассказывала сказку. Я много слышал сказок на своем веку и много, наверно, еще услышу – люди постоянно рассказывают нам сказки, но такой не слышал никогда, потому запомнил слово в слово:

«Жили были на свете две сестры, старшая и младшая. Они были очень не похожи друг на друга. Старшая сестричка была очень веселая, улыбчивая, быстрая, подвижная, любила солнечный свет, яркие цветы, слушала пение птиц, любовалась бабочками в садах и лугах.

А младшая ее сестра была очень красивая и нежная. Но очень задумчивая, тихая, молчаливая и медлительная.

Девочки всегда выходили гулять вместе. И вот что интересно: старшая сестра всегда бежала впереди, прыгала, бегала, веселилась, собирала самые красивые цветы в букеты. А младшая сестра медленно шла за ней следом, но всегда догоняла. И старшая удивлялась: как это у нее получается – вечно плетется сзади, но всегда догоняет?

И вот однажды собрались сестры выйти на прогулку. И вдруг младшая сестра сказала: «Можно я сегодня с тобой не пойду? Мне спать хочется. Я не выспалась».

Старшая сестра удивилась и подумала: «Как это так? Мы же всегда вместе гуляем». А потом решила: ну, и хорошо! Никто мне не будет мешать бегать, прыгать и веселиться вволю.

И вот младшая сестра осталась дома спать, а старшая побежала в чудесный сад, полный прекрасных цветов. Несколько часов она веселилась в этом саду, собирала букеты, слушала пение птиц. А младшая все это время спала дома.

К вечеру прибежала старшая сестра, подарила маме и бабушке цветы и говорит:

– Мама, а сестра весь день проспала, не побегала со мной, не попрыгала.

А мама улыбнулась и сказала:

– Ну, и хорошо. Ей хотелось спать, и она выспалась, и тебе было хорошо, потому что ты веселилась вволю. И каждой из вас было хорошо по отдельности.

– Как так? – спросила старшая сестричка. – Почему?

– Потому, – ответила мама, – что тебя зовут Радость, а твою младшую сестричку – Печаль. Вы всегда в жизни будете рядом, потому что вы родные сестры. Но если вдруг она захочет поспать – не буди ее. Пусть Печаль больше спит, а ты бегай и прыгай и радуйся от души. И пусть каждой из вас будет хорошо.

Вот, доченька, я тебе желаю, чтобы Печаль в твоей жизни больше бы спала и отдыхала, а Радость всегда бежала впереди, радовала бы тебя и веселила. Чтобы Радости в твоей жизни всегда было больше!»

Под сказку девочка уснула. Мать положила ее на кровать, сняла повязку с уха – оно было немного распухшее, и осторожно влила в него теплое лекарство. Девочка вздохнула, почмокала губами, но продолжала спать. Я знал, что завтра ухо у нее перестанет болеть, и знал, что завтра будет чуть прохладней, и даже пройдет небольшой дождь. И что мать и дочь этому очень обрадуются. И, конечно, знал, что буду помогать им всегда.

Но мне хотелось подарить им еще немного радости. И решился на отчаянный поступок. Что смеешься? Думаешь, не способны ангелы на безумства? Еще как способны! Оторвал я кусок ткани от своего хитона, а ты знаешь, что он часть нашей силы вбирает в себя.

Бессмертия, конечно, подарить им не мог, но коснулся этой тканью до лица женщины, чтобы не меркла никогда ее нежная красота, а становилась только тоньше и благороднее. И до лица девочки, чтобы не болела никогда.

Потом, уже у наших, пришлось, конечно, выдумывать, мол, за дерево зацепился, когда летел, потому и порвал одежду. Главный ругал меня на чем свет стоит, потому как не берегу казенное имущество! Оно ведь нам один раз выдается и не старится в отличие от нас. Только я за всю свою жизнь ни разу не пожалел о своем поступке. А ты говоришь – отдачи от работы нет. Есть, дурашка! Есть! Только она, как радость-птица: по заказу не поет и прилетает, когда ей вздумается. Но если поселится в твоем сердце, то это дорогого стоит. И каторжная ангельская наша работа отдыхом и счастьем покажется. Так-то вот. Ладно, вставай, сумерки уже. Отдохнули, пора и честь знать. Полетели в ночную смену! Вперед!

На лиловом вечернем небом отчетливо вырисовывались черные контуры деревьев, крыш, столбов. Краски были мягкие, кроткие, словно ночь все прощала яростному дню. Ангелы летели, и звезды, словно маленькие голубые факелы, освещали им дорогу. Июльские ночи коротки, а дел у ангелов невпроворот. Нужно, чтобы дорога была светлой.

Однажды

Сказка

Если взглянуть на наш городок со стороны птичьего полета, он напоминает лоскутное одеяло – красные, синие, оранжевые, зеленые, желтые и даже бирюзовые крыши образуют причудливый узор. И можно подумать, что какой-то небесный великан придирчиво оглядывает свою огромную постель перед тем, как улечься спать. И уж, конечно, одеяло у него должно быть самое красивое – разноцветное, шелковое. Именно таким, шелковистым блеском отсвечивают в сумерках влажные от весенней мороси крыши.

А если как-то изловчиться и посмотреть на наш город сбоку, то он напоминает праздничный торт с разноцветными коржами с зеленым кремом. И все потому, что стены домов выкрашены разноцветной известкой, а проемы кладки покрыты плющом. Плющ разрастается буйно, его постоянно подрезают, выкорчевывают, но он неистребим и вечен, как жизнь.

Красивее всего наш город вечером, когда закат бросает последние багровые лучи на крыши и уступает дорогу звездам. В темно-синем небе их серебряный свет кажется волшебным. Город из карнавально-нарядного сразу становится утонченным, мерцающим и словно парит в воздухе.

Весна у нас в городе начинается по-разному. В этом году запоздала. Холодно. Чувствуешь себя не в весне, а в поздней осени: завывает пещерный ветер, дождь стучит в окна, кричат мокрые вороны. В такие часы хочется завернуться в плед, взять кружку свежезаваренного чая и читать старую книгу. Непременно старую, с пожелтевшими страницами, с неповторимым ароматом времени – оно пахнет увядшими розами, сухим деревом и печалью. Так пахнут руки очень старых, но чистоплотных и опрятных людей – легким древесным ароматом.

И иногда – если очень повезет, если бедный наш мозг не будет окончательно задавлен потоком информации, непрерывно льющейся отовсюду, если усталость и страх за будущее не лишат нас возможности свободно и вдохновенно мыслить, если воображение будет рисовать не тревожные, а радостные картины, то, может быть, через толщу памяти пробьются милые и дорогие воспоминания. Так сквозь окаменевший слежавшийся грунт пробивается вьюнок – самый нежный и цепкий цветок на земле.

Тогда та неведомая птица, с высоты полета которой мы обозревали город, замедлит взмах своих крыльев и плавно опустится на ветку ближайшего дерева. И, чуть отдохнув, заведет свою песню. Она будет очень стараться, извлекая из маленького

певучего горла немыслимые рулады. И бесхитростные мелодичные звуки сложатся песней во славу того, что дорого и памятно сердцу…

На улице…, назовем ее, скажем, Личковской, жили два товарища-старика. Вернее, товарищами их сделала жизнь: балкон одного был расположен напротив другого, но разделял их огромный платан, такой раскидистый и пышный, что за его кроной невозможно было увидеть друг друга.

Поэтому старики, как только выпадала возможность, выходили из своих домов и коротали время на скамейке перед подъездом. Бабки-соседки, ревностно охранявшие этот вечный атрибут «бабуляшистого» статуса, вначале пытались отвоевать его, но затем плюнули и смирились. Они облюбовали себе скамейку перед подъездом соседнего дома и лишь зыркали глазами на нахальных захватчиков.

Старикам до этого было мало дела. Чужие бабки их не интересовали. Оба вдовели уже давно и переносили свое вдовство не только с мужеством, но и с некоторой тайной отрадой. Со временем заглушилась боль потери, и они с удивлением обнаружили, что за постоянным пилёжем супруг не была заметна радость самых простых вещей: прозрачная тишина утра, ни с чем не сравнимый вкус свежего чая и даже стук переставляемых шахматных фигур, особенно гулкий в вечереющем воздухе. Долгая супружеская жизнь была наполнена бесконечной беготней и суетой, вечным соревнованием жизни. Вдовство наполнило их душу печалью, сузило пространство собственной жизни, но научило дорожить тем, что еще оставалось в ней.

Внешне они были очень разными. Один – крупный и худощавый с пронзительными черными глазами и таким крючковатым носом, что казалось – еще немного, и им можно будет ловить рыбу в запавшем рту. Великан с черными глазами… Другой – неприметный, щуплый, бледный, с маленькими руками и ногами – ни дать ни взять постаревший эльф из мультфильма о Дюймовочке.

Похожи старики были только кепками – одинаковыми, темно-коричневыми с пуговицей посередине и куртками – тоже темно-коричневыми. Издалека их можно было принять за двух нахохлившихся птиц на темно-коричневой скамейке. Да и сидели большей частью молча, сосредоточенно думая о чем-то своем, и лишь изредка нарушали молчание.

– Сосед, – обычно обращался первым Великан. – Дети-то навещают?

– Да, – бесцветным голосом отвечал Эльф.

– Это хорошо, – одобрительно сипел Великан.

– А ваши? – примерно через минуту так же ровно вопрошал Эльф.

– Да.

И так примерно строился их разговор. Они словно выплывали из зыбкой полуяви-полусна и снова уходили в свои думы.

Соседняя «бабуляшистая» скамейка кипела бурей и гневом, наблюдая этот почти беззвучный диалог. Но яростное кипение бабулек долетало до стариков в форме сдержанного шипения.

– Нет, ты посмотри на этих чудиков! Скамейку у нас отобрали и сидя-ят, как …бабки! Молчат!

Товарищи реагировали на это с высоты царского величия – не замечая…

Только один раз, когда градус шипения достиг немыслимого накала, Эльф первым нарушил молчание:

– Сосед, я все спросить хочу: у вас ссоры с женой были?

– Всякое бывало, – горделиво и как-то даже радостно воскликнул Великан. – И ссоры, и все! Бывало так, что в пух и прах раздирались!

– А как мирились? – безэмоционально продолжал Эльф.

Вообще, он был бы идеальной иллюстрацией к пособию «Как стать разведчиком?», если бы подобное существовало. Что бы ни случилось, Эльф не терял самообладания и флегматичности.

– По молодости понятно, как, – дребезжал коротким хохотком Великан. – А потом уже и не помню. Да и не ссорились особо уже. А что?

– Так, ничего, – едва поводил плечами Эльф и опять умолкал.

– А вы? У вас как? – Великан просительно взглядывал в непроницаемое лицо.

– Был один случай, – неторопливо, но, видно, ожидая этого вопроса и приготовившись к нему, начинал Эльф. И вид у него при этом был, как у былинного гусляра, заводившего свой сказ. Былинность позы была явно для бабок на соседней скамейке, мол, что нам, мудрецам, на каких-то пигмеев взирать?!

– Жили мы тогда с женой и детьми не здесь, а на другом конце города. И был у нас перед домом крохотный огород, так, одно название, но зелень для стола, черную смородину и морковь мы в нем растили. А смородина вдоль забора кустилась, там было больше света и влаги. Черная вообще неприхотливая, и в сезон ягоды на ней, как игрушки елочные, висели – глянцевые, крупные, тугие. И на варенье, и на соки, и на джем хватало. А зимой пирог с черной смородиной… ах!

Эльф потянулся и причмокнул. В его голосе появились теплые нотки. Через секунду он так же ровно продолжал:

– И вот заметила как-то жена, что смородины все меньше и меньше становится.

– Может, птицы объедали? – неуверенно предположил Великан.

– В том-то и дело, что нет. Когда птицы – это мы знали: они понадкусывают, сок вытянут, а ягода так и продолжает висеть, только сморщенная, пожухлая вся. Да и против птиц я пугало смастерил.

– Да ну?! – Видно было, что Великана все это забавляло: в черных глазах его искрилась детская радость.

– Да. С детьми наряжали пугалку. Ну, пугало… На палку нацепили старую женину кофту, ведро вместо головы, а на ведро мою старую фетровую шляпу. Фиолетовую, – добавил Эльф, вспомнив цвет шляпы. – И кофта была фиолетовая. Воробьи боялись.

С минуты оба молчали, видимо, представив пугало в элегантном фиолетовом ансамбле и нервных воробьев около него.

– Так, нет, не в птицах было дело. Как не выйдет жена утром собрать ягоды – так только на дне тазика штук сорок принесет. Не больше. И это при четырех кустах. А раньше по два-три килограмма собирала.

Не поймем, в чем дело. И вот как-то встали мы часов в пять утра, но из дома не вышли, спрятались за кухонной занавеской и наблюдательный пункт себе там организовали.

И что вы думаете? Смотрим – вылезает из прорехи в заборе наша соседка-разведенка. Крупная такая женщина была и как только умудрилась протиснуться?.. Это потом я понял – раскачала две палки в заборе, но для виду их укрепила, чтобы мы ничего не заметили, и повадилась так смородину таскать.

Жена смотрит и кровью наливается. Вы видели, чтобы человек вот так на глазах у вас кровью наливался? И я до этого не видел. А тут – вначале шея багровой стала, потом лицо, а потом даже лоб побагровел. У корней волос кожа и то красная стала. А соседка так деловито знай себе нашу смородину собирает и в ведерко ссыпает

Что потом было, я вам и передать не могу! Не успел я моргнуть, как жена выскочила, как дракон, налетела на соседку, та от перепугу ведро уронила, смородина во все стороны! Жена тоже не мелкая была, повалила соседку на землю и в волосы ей вцепилась. «Ах, ты, воровка, – кричит, – я-то думаю, кто нашу смородину таскает, а это ты, оказывается. И еще совести у тебя хватает, потом со мной мило здороваться, как ни в чем не бывало».

Соседка ей тоже в ответ что-то кричит, по земле обе катаются, все в смородиновом соке, в грязи, песке. Насилу их разнял, все перецарапанные, красные, заре-

ванные. Пока жену в дом увел, вернулся, а соседки уже и след простыл. Видно, через прореху к себе переползла и ведро свое оставила у нас.

– И что потом? – Великан даже подался вперед, так ему не терпелось дослушать. На соседней скамейке тоже приутихли, видно, бабкам было до смерти интересно, о чем это так разговорились молчуны, но слова до них не долетали.

– А что потом? Началась у них тихая война. То соседка как будто бы «случайно» перед нашей дверью помои выльет, то жена ее кошку через забор выкидывает, да так, что та, бедная, летит пулей и визжит от ужаса. В ответ соседка наших кур, что нечаянно на ее дерево вспорхнут, шугает так, их потом отпаивать приходится. А жена специально ветра дождется и сядет около забора семечки грызть, так, чтобы лузга отлетала прямиком на вывешенное соседкино белье. Какие только каверзы друг другу не чинили. На мелкие пакости женщины горазды.

Великан кивнул понимающе и бросил победный взгляд на соседнюю скамейку. Бабки изо всех сил делали вид, что заняты внуками, но по напряженной тишине можно было понять, что все их внимание сейчас приковано к «мужской скамейке».

– А уж ругани, проклятий, визга сколько было, – невозмутимо продолжал Эльф. – То жена от души желала, чтобы соседкины глаза выпали на тарелку, из которой та ест, то соседка вопила через забор, чтобы жена не могла разогнуться на своем проклятом огороде и так бы доживала свой век раскорякой. А иногда совсем уж неприличные проклятия слали друг другу. Ну, вы понимаете, о чем я…

Великан хохотнул и кивнул понимающе. На соседней скамейке вытянули шеи, как солдаты на параде.

Эльф замолчал, словно провалившись в томительную зыбь полусна-полувоспоминаний. Великан выждал с полминуты и тихонько тронул его за рукав. В эти минуты он напоминал ребенка, нетерпеливо ждущего окончания сказки.

– И что потом?

Эльф вздрогнул, сбрасывая с себя забытье. В расщелину сухой доски выглянула любопытная голова ящерки и тотчас спряталась обратно.

– Весну почуяла, вылезла, – добродушно протянул Эльф.

– Да это так, просто. Перепутала месяцы. Холодно еще для них. Вот в мае повылезают из всех щелей греться. – Великану не терпелось дослушать историю, и он не хотел переводить его на ящерку. – А потом что же?

Эльф пожевал бледными губами, и в голосе его появились озорные нотки:

– А ничего. Обошлось. И знаете, как? После очередной яростной ругани, такой, что чуть искры из глаз не сыпались, убить друг друга были готовы, я понял, что это все. Конец. Что завтра соседка потихоньку наших кур отравит, жена в ответ соседкину кошку, соседка – нашу собаку, потом «нечаянно» наши дети где-то поскользнутся, а там и до «нечаянного» пожара дойдет.

И как представил себе все это, так сразу спросил жену, где соседкино ведро, что она тогда впопыхах у нас во дворе оставила.

– Выбросила! – кричит. – Буду я всякую погань в доме держать!

– Возьми наше (у нас тоже такое было), наполни его морковью и отнеси ей. Ничего не говори, просто положи молча у дверей. Скажи, от меня. Только положи на землю, а не швыряй.

– Да чтобы я? Своими руками. Этой лахудре?! Яду ей надо, а не моркови. Тебе надо, ты и иди!

– Делай, как говорю.

Великан удовлетворенно крякнул. Ему нравился тихий и ровный голос Эльфа. Чувствовались за ним надежность и уверенность.

– Кричала, плакала, но еле уговорил. Пошла. Я смотрел ей вслед. Поставила ведерко с морковью у ворот, постучала. Соседка открыла, и пока изумленно хлопала глазами, жена всучила ей ведро в руки, буркнула: «Мой велел отнести» и опрометью

домой.

А через два дня слышим, кто-то стучится в дверь. Я открыл: на пороге соседка мнется.

– Это вам, – говорит и вручает мне авоську отборной картошки сорта «синеглазка». Рассыпчатая такая, вкусная.

Великан кивнул.

– А сама убежала. Жена молчала уже, только фыркала и сопела. Еще через три дня набрал я в огороде свежей зелени: пучки один в один – лук, укроп пахучий, петрушка, редиска молочная нежная. Глаз радуется.

– Отнеси ей немного, – говорю.

Жена уже не противилась, молча отнесла. А еще через несколько дней соседка нам банки какие-то принесла.

– Это, – говорит, – сама летом крутила закуску из помидоров и перца. «Огонек» называется, потому, что острая.

Тут жена голос подала:

– Я тоже такую делаю, только мои острое не очень любят, все больше сладкий перец кладу, болгарский.

И, смотрю, затихли обе. Смотрят друг на друга, будто сказать что-то хотят и не могут.

И я тут выпалил:

– Спасибо, соседушка. А ты чего стоишь? – повернулся к жене. – Посмотри, у нас в кладовке вроде варенье еще с прошлого года должно быть. Сливовое, вишневое, черносмородиновое…

Сказал и поперхнулся. Думаю, ну, каково сейчас будет?

А жена метнулась в кладовку и выходит сияющая. В руках три баночки: янтарное – из сливы-мирабели, рубиновое – из вишни-шпанки и темное, бархатное – черносмородиновое.

– Это тебе, – говорит, и все три банки соседке протягивает.

Та молчит, а потом прослезилась и на шею жене кинулась. Моя тоже носом зашмыгала. Так и стояли обнявшись. А я вышел в огород, пусть их себе поворкуют.

Это уже в конце октября было, и утром от земли пар поднимался холодный, и казалось, снег идет, но только не с неба, а наоборот, на небо летит. И земля, и деревья, и трава были словно седые и сердитые от холода.

А тут вышел – и глазам не поверил: туман этот белый, что от земли шел, расчерчен радугой. Вот как есть – разноцветные полоски света сквозь него вспыхивали. И весь он этой радугой словно стеганое лоскутное одеяло был прошит. Может, солнце на минуту через облака прорвалось, может, я как-то так встал, что увидел эту игру света, только хорошо мне стало на душе.

Вернулся домой, а жена мне:

– Чего стоишь, мерзнешь, иди за стол, сейчас чай с вареньем пить будем вместе.

Вот так и сели чай пить с вареньями и оладьями. И соседка с нами. И дружили они с женой потом долго. Мы уже сюда переехали, а они все дружили. До самой смерти.

Эльф, видно, исчерпал запасы красноречия и затих, опять погрузившись в забытье. Великан тоже сосредоточенно думал о чем-то. На соседней скамейке зашевелились, обеспокоенные внезапно наставшей паузой. Но старики молчали, и старушечье шипение, вначале тихое, а затем все отчетливей, прорезало вечерний воздух:

– Нет, ты посмотри на них? Сидя-ят, как бабки старые. Мужчины называются! Тьфу! – заводила бабка побойчей.

– И не говори, – вторила другая.

– И-и, милая, да где ж ты мужиков сейчас найдешь? Сорокалетние, смотришь, уж животы отрастили и шаркают, как старики, – подхватывала третья. – Вот у меня зять, сорока еще нет, а ходит – словно себя разбить боится. То кости у него болят, то голова. Так и хочется сказать – как же болит то, чего нет. Да, боюсь, обидится, а дочка мне потом высказывать будет!

Эти разговоры долетали до скамейки Эльфа и Великана и словно разбивались о невидимую стену. Два товарища сидели, погруженные в свои думы и вдыхали вечерний весенний воздух. Это было счастьем, еще подвластным им, счастьем воспоминаний. А если есть это счастье, пахнущее сухим деревом, увядшими розами и нежной печалью, так ли уж важно, о чем шипят бабки на соседней скамейке?..

Я зарастаю памятью,
Как лесом зарастает пустошь.
И птицы-память по утрам поют,
И ветер-память по ночам гудит,
Деревья-память целый день лепечут.
И там, в пернатой памяти моей,
Все сказки начинаются с «однажды».
И в этом однократность бытия
И однократность утоленья жажды.
Но в памяти такая скрыта мощь,
Что возвращает образы и множит…
Шумит, не умолкая, память-дождь,
И память-снег летит и пасть не может.

Давид Самойлов «Память», 1964г.

Искусство

К искусству нет готового пути.
Будь небосвод и море только сини,
Ты мог бы небо с морем в магазине,
Где краски продают, приобрести.

С.Маршак

– Хам! Хам и скотина! Фон-барона из себя корчит! Старый хрыч!

Танечка Листнева – 20-летняя студентка театрального училища – девушка, у которой в глазах были звезды, в волосах ветер, а в фигуре музыкальность, кипела бурей и гневом. Молодая кровь бурлила и шумела в ней и, казалось, заполняла все пространство съемной комнатки в коммунальной квартире.

Гневливость вообще была одной из черт Таниного характера. Но – щедры боги к молодости – искаженные гневом черты старческих лиц не приятны, а сердитый блеск глаз и румянец делают молодые лица очаровательными. Ах, как хороша была Танечка в гневе – глаз не оторвать! Тоненькая, как струна, с пылающими щеками, бисеринками пота на верхней губе, завитками темных волос на висках и сияющими зелеными глазами – ни дать ни взять, сама грозная Алекто, сошедшая на землю и оправдывающая свое имя![1] Но грозность ее была умилительна, и хотелось любоваться ею как можно дольше. Танечка была так поглощена гневом, что не заметила, как в полуоткрытую дверь на нее внимательно смотрит сосед по квартире – Георгий

[1] Алекто – одна из Эриний (богинь гнева в греческой мифологии) Ее имя означает – Непрощающая, Безжалостная.

Адамович Шеленгин, по прозвищу Квазимодо. Трудно сказать, сколько лет ему было – иной раз можно было дать 50, а иной и все 80. На прозвище он не обижался; жители шестикомнатной коммунальной квартиры с ним особо не церемонились и называли Квазимодо и в глаза, и за глаза. Шеленгин относился к этому философски, считая героя Гюго образцом красоты душевной, что неизмеримо выше физической.

Когда соседские дети слишком уж расходились и с ухарским гиканьем и подвизгом вопили: «Ква-зи-мо-до! Ква-зи-мо-до!», Георгий Адамович добродушно усмехался в сивые усы и бормотал себе под нос:

А если так, то что есть красота,
И почему ее обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде?..

Н.Заболоцкий. «Некрасивая девочка».

Но слов этих, конечно, никто не слышал, да, если бы услышали, то не поняли бы, откуда они и к чему…

А всего «квазимодства» в Шеленгине и было что только неимоверная худоба, плотно прикрытый левый глаз и развороченная немецким осколком скула. Перед самым концом войны, 15 апреля 1945 года угодил подлючий вражеский осколок в юное мальчишеское лицо рядового Шеленгина и навсегда перекроил ему жизнь. Осколок в госпитале извлекли, но то ли хирург оказался неопытным, то ли еще что-то, но был задет лицевой и тройничный нерв, и левая половина лица перекосилась. Рядовой Шеленгин об этом поначалу не думал, до того ли, когда вот-вот грянет Победа и начнется новая прекрасная, мирная жизнь? Да и к тому же шрамы украшают мужчину – это он затвердил еще с детских царапин и синяков. До свадьбы заживет!

Но не зажило до свадьбы. Не было ее. Началась новая прекрасная жизнь, отстраивали страну после войны, и бывший фронтовик Шеленгин был, как всегда, в строю, теперь уже на мирном фронте. Но отшатывались девушки от перекошенного лица, крепко прижмуренного левого глаза и развороченной скулы.

Не мог же он в самом деле поворачиваться к людям всегда только правой здоровой стороной. Хотелось смотреть людям в глаза прямо, стоя в анфас, хотелось любви верной, а не продажной, и семьи надежной, а не случайных связей. Но, видно, все же с лица воду хоть чуть-чуть, да и пить: никакие душевные красоты не затмевали физического уродства. Он примирился с этим. Как примирился и даже полюбил свою сплошь заставленную книгами угловую комнату – самую маленькую в коммунальной квартире.

– Вам не скучно все время дома, Георгий Адамович? – как-то спросила его Танечка, олицетворявшая молодость, красоту и грацию квартиры.

Таня приехала в столицу из маленького городка, взяла штурмом театральное училище, триумфально поступила в него и сняла жилье у старухи Мельниковой – та занимала большую комнату в центре квартиры и с удовольствием сдала половину площади новоиспеченной студентке.

Старуха была глуховата и страдала артритом, ей иногда нужна была помощь, да и просто хотелось, чтобы кто-то был рядом в этой самой большой, но и самой холодной комнате в доме. В остальных, более светлых и теплых комнатах жили семьи с детьми и оглашали квартиру многоголосными криками. И если бы кому-нибудь вдруг пришла в голову мысль запечатлеть жизнь дома в музыке, то получилась бы прелюбопытная симфония: угловая комната Георгия Адамовича непременно звучала бы в темпе *lento* (медленно, слабо и тихо), следующие две комнаты с детьми стремительно перескакивали бы на темп *alleqro* и *alleqro vivace* (скоро и очень скоро), затем комната Мельниковой мгновенно переключалась на темп *larqo* (широко и очень мед-

ленно), но при этом иногда звучала бы Танечкиными эскападами в ритме *allegro agitato* (взволнованно). Затем в темпе *vivace* (очень живо) следовали бы две комнаты с вечно верещащими младенцами, и наконец все венчала *кода* – темная тесная кладовка. Ее угасающий звук сползал в паузу и завершал музыку коммунальной квартиры.

– Нет, Танюша, – мягко отвечал Георгий Адамович. – Не скучно. У меня есть все, что я люблю, и мне никуда не хочется. Если бы я мог, то ничего не делал, только бы читал.

– У вас золотые руки, – парировала Танечка. – Вы такую мебель можете сотворить, что готовая из магазина с нею не сравнится. А вы силы убиваете на починку соседской рухляди.

Георгий Иванович буквально за копейки чинил пришедшую в негодность мебель жильцов всего дома, и старые деревяшки в его руках обретали новую жизнь. Он не только возрождал, он дарил им красоту – подпиливал, вытачивал, шкурил, красил, покрывал лаком, обтягивал новой тканью и… одухотворял. Грубо сколоченные табуретки, столы и стулья становились изящными и благородными и долго еще мерцали лаком, словно боялись поверить в свою задумчивую прелесть.

– Зачем, Танечка, – улыбался Шеленгин. – Лишнего мне не надо, а насущное я имею. Новую мебель делать хлопотно, а вот починить – и мне в радость, и людям помощь.

Но в этот раз Танечкина пылкость перешла все возможные границы. Она метала молнии и не забывала при этом посмотреться в огромное наклонное зеркало старухиного трюмо. Перед этим старинным зеркалом студентка театрального училища отрабатывала актерское мастерство, и постоянный взгляд в зеркало стал уже для Танечки привычкой.

– Вы чем-то взволнованы, Танюша? – голос Георгия Адамовича прозвучал в знакомом темпе *lento*.

Девушка круто развернулась на каблучках, отчего подол ее платья чуть взлетел и сразу же плотно обвернулся вокруг ног. Мгновенный взгляд в зеркало, фиксация движения и…

– Вы представляете, Георгий Адамович, какие бывают хамы?! Других людей ни во что не ставят!

Шеленгин тихо, как тень, сделал два шага и остановился на пороге комнаты.

– Ну, немного могу себе представить. Так что же случилось? Может, я могу быть полезен?

Вся его худая фигура, повернутая правой стороной к собеседнику, и даже маленький эмалированный чайник, который он прижимал к груди, выражали внимание и спокойную готовность помочь.

Танечка бросила еще один взгляд в зеркало и размашистым жестом пригласила мужчину войти. Старухи Мельниковой не было дома, отправилась навестить дочь с маленьким внуком.

Как только Шеленгин сел, Таня затараторила быстро и сердито:

– Пошли мы сегодня с подружками в кафе после занятий. Так за соседним столиком такой хам оказался! Весь из себя лощеный, в костюме дорогом, в шелковом платке вместо галстука, на мизинце перстень и ноготь такой длиннющий – фон-барон доморощенный! Заказал стакан чая и официанта бедного загонял. То ему скатерть не такая, то салфетка не накрахмалена, то чай недостаточно крепкий, то недостаточно горячий, то слишком горячий, то стакан не блестит, то подстаканник не такой, то до краев налито, пить, видите ли, неудобно, то еще что-то. Шесть раз ему чай приносили, и все не так! Официант аж с ног сбился! Наконец, на седьмой раз вроде как милость проявил – брезгливо взял, выпил, цедя сквозь зубы, копейки на чаевые кинул и ушел. Даже спасибо не сказал. А официант весь изогнулся, смотрит ему вслед и еще

умиляется: «Барин», – говорит. Ненавижу таких, кто о людей ноги вытирает, а они и рады! Холуи! Ненавижу! А еще с виду приличный интеллигентный человек и так издеваться над обслуживающим персоналом? Только потому, что он официант?!

Шеленгин слушал спокойно, повернув к Танечке правую половину лица, так, чтобы другая оставалась в тени.

– Ну, отчего же, Танюша? Зачем ненавидеть? Ничего ведь страшного не произошло.

– Как? – воскликнула пораженная студентка театрального училища и кинула украдкой взгляд в зеркало. Она было чудо как хороша в эту минуту – твердый овал лица, пунцовые губы и влажные кудряшки на висках! – Как, Георгий Адамович, по-вашему, это нормально – унижать человека?

– Не тот это случай, Танюша, где можно говорить об унижении. Совсем не тот.

– Объясните, Георгий Адамович! – голос Танечки звучал требовательно, а фигура выражала решимость.

Шеленгин посмотрел на нее и улыбнулся.

– Я только хочу сказать, что на многие вещи в жизни, если только они не совсем уже страшные, кошмарные и мерзопакостные, можно взглянуть под другим углом зрения. Вот как мебель. Стоит себе покрытая лаком в темной кладовке, и никто ее блеска не замечает. Так и простоит, пока не рассохнется от времени. А поставь ее на солнце – засияет всеми красками.

Танечка нетерпеливо била носком туфельки в пол. Шеленгин вздохнул и еще ниже наклонил голову. Левая сторона его лица совсем ушла в тень.

– Вот ты говоришь, один – хам, а другой – холуй. Ну, так. А может, «хам» дал возможность «холую» проявить себя во всем блеске своего мастерства?

Танечка распахнула глаза и перестала стучать туфлей. Она развернулась спиной к зеркалу и подалась корпусом вперед к говорившему. Тот продолжал осторожно, словно нащупывая мысль:

– Вот один раз «хаму» чай некрепким показался, официант разлетелся и принес другой – свежезаваренный, бархатный. И подал его не просто так, а красиво, так, чтобы белая салфетка оттенила рубиновый оттенок чая. Это ему, официанту, в плюс. Не для кого-нибудь, для себя. Потому что тут не просто мастерство, а искусство.

Подстаканник не тот, так в следующий раз официант принесет другой, более удобный для пальцев клиента, да еще постарается выбрать такой, при каком кольцо на мизинце будет сверкать эффектнее. Видишь, сколько официанту возможностей блеснуть мастерством? Конечно, он будет благодарен «хаму» за это и называть его «барином». Ведь тот с барского плеча позволил проявить ему свой профессионализм. И в следующий раз он постарается сделать все наилучшим образом с первого раза, чтобы показать себя во всей красе. Никакого холуйства тут нет! Ты слышала, как торгуются на рынке? Чудеса красноречия проявляют! Думаешь, это все просто так? Нет, иной продавец не того покупателя уважает, кто сразу все не торгуясь берет, а того, кто даст ему, продавцу, развернуться, товар свой расхвалить, о своем труде рассказать! Это тоже искусство. Как же за него не благодарить?!

Шеленгин воодушевлялся и все больше поворачивался лицом к Танечке. А та, совсем не замечая его уродства, смотрела на него во все глаза, и гнев медленно утихал в них. Ярко-зеленые от недавнего гнева они медленно становились оливковыми, спокойными.

– Я тебе случай расскажу, давнишний, – Шеленгин хлопнул себя по лбу и негромко рассмеялся. – Голова садовая, шел чайник поставить, да так и не дошел.

– Давайте, я поставлю. У меня есть варенье сливовое. Из мирабели. Очень вкусное. – Таня унеслась на кухню, а когда вернулась, Георгий Адамович сидел так же и улыбался. И складки-шрамы на его лице, на изуродованной левой половине казались мягче и светлее.

– Мама часто водила меня в театр, – начал он задумчиво. – Ни одну премьеру, ни один концерт не пропускала, а дома стихи и рассказы мне читала, сказки рассказывала, хотела, чтобы я рос культурно развитой личностью.

И вот, пошли мы как-то с ней на спектакль по «Мертвым душам». Не то, чтобы всю поэму Гоголя на сцене поставили, а так – встречи Чичикова с помещиками. Но было волшебно. До сих пор помню это ни с чем не сравнимое ощущение – гасится свет в зале, озарена только сцена, и тебя уже нет, ты весь растворен в спектакле!

Но в этот раз мы с мамой опоздали. Она особенно тщательно готовилась к «выходу в свет», как она называла походы в театр. Наглаживала платья, доставала туфельки на каблуках – как я любил, когда она их обувала, ножки у нее становились такими маленькими, изящными, и она словно парила над землей – тоненькая, красивая. И единственное синее пальто с белым меховым воротником сбрызгивала духами и закалывала у ворота брошкой. Мне она казалась принцессой, и я гордился, что у меня мама такая красавица.

Но тут как назло утюг прожег ее любимое платье, мама расстроилась, пока достала другое, пока собралась, спектакль уже начался. Поспели мы только к сцене, когда Чичиков сидит в гостях у Коробочки.

Танечка довольно потерла руки. Сцена «Чичиков у Коробочки» часто ставилась на занятиях в училище, студенты любили ее.

– И вот, – продолжал невозмутимо Георгий Адамович, – сидят друг против друга два героя и должны приступить к важному разговору о купле-продаже мертвых душ. Коробочка, одетая, как и полагается, в темное старушечье платье в горошек, с какими-то буфами и фланелевой повязкой на шее вопрошает жалостливым голоском:

– Здравствуйте, батюшка! Каково почивали?

Чичиков сидит напротив нее, вытянув ноги и сцепив руки на жилете, и словно глубоко задумался о чем-то. По Гоголю, он должен ответить: «Хорошо, хорошо, матушка. Вы-то сами как?» Но Чичиков молчал. Коробочка подождала немного, но он вновь не издал и звука. Мы с мамой сидели в третьем ряду, и я вдруг отчетливо увидел, что актер, игравший Чичикова, попросту спит. Может, устал, а может, и выпил лишнего перед спектаклем. В театре такое не редкость.

Танечка кивнула понимающе.

– И вот тогда-то я увидел самый подлинный спектакль в своей жизни, Танюша. – Это было такое филигранное искусство, перед которым меркнут многие талантливые постановки. Коробочка повела сцену и за себя, и за спящего партнера, боясь только, чтобы он не засопел или не захрапел. Тогда бы все поняли, что он спит. Коробочка начала плести беспрерывную словесную вязь «под Гоголя», ювелирный воображаемый диалог:

– Экой ты неразговорчивый, отец мой. Слова из тебя не вытянешь, а приехал-то зачем? Купить что? Как же жаль, право, что я продала мед купцам так дешево, а вот ты бы, отец мой, у меня, верно, его купил. А, может, пеньку купишь? Да, и ее у меня теперь маловато. Да и с крестьянами плохо, – тараторила, не останавливаясь, актриса, – осьмнадцать человек померло…А может, покойничков у меня купишь, – сама предложила Коробочка спящему Чичикову и тут же, не переводя дыхание, продолжила: – Вот ты, наверно, думаешь, отец мой: «Мертвые в хозяйстве! Эк, куда хватили! Воробьев разве пугать по ночам в вашем огороде». Ну, да изволь, я готова отдать по пятнадцать ассигнаций, только уж, пожалуйста, не обидь меня!

И все в таком духе, Танечка. Безостановочный, виртуозный двуединый монолог минут на семь! А Чичиков мирно проспал все это время в кресле. И зрители ничего не заметили, только аплодировали.

Когда мы возвращались домой, я спросил маму:

– Он пьяный был, Чичиков? Вот ему достанется от нее, когда проснется!

– Не достанется, – уверенно сказала мама. – Ты видел, как она довольно кланялась, какая радостная была? Ведь это она не только коллегу выручила, так, что никто не заметил, но и благодарна ему была за то, что дал ей возможность еще раз проверить и отточить свое мастерство. У нее теперь двойная, нет, тройная радость: незадачливого товарища спасла, за свою роль аплодисменты получила и за его тоже. Это высшая награда для артиста – значит, есть еще порох в пороховницах!

Шеленгин перевел дух, из-под крепко прижмуренного левого глаза его вытекла слеза и сразу же скрылась в бесчисленных складках шрама.

– Ты, Танечка, небось, громы и молнии бы метала, если бы тебе довелось в такую передрягу попасть – и коллегу своего пьяненького возненавидела, и вообще с ним вместе потом играть отказалась. Верно?

Танечка засмеялась, а Шеленгин продолжил, улыбнувшись:

– Говорят, на каждого мудреца довольно простоты, а я думаю, что и в каждой простоте есть своя мудрость. Вроде бы все ясно – тут черное, там белое, тут «барины», там «холуи», и ярлыки навешать легче легкого, а на самом деле не все так просто, Танечка. Будем ли чай пить, чайник-то уже закипел, наверно?

– Будем! – весело кивнула девушка. – Как это у вас так получается, Георгий Адамович, красиво успокаивать? – Она подумала секунду и уверенно повторила. – Красиво.

– Вот уж не знаю, – развел руками Шеленгин. – Но как по мне, любое дело надо делать красиво. Вот тогда это и будет искусство, а не просто работа.

«Все пропаль!»

И обратился я, и видел,
что не проворным достается успешный бег,
не храбрым – победа, не мудрым – хлеб,
и не у разумных – богатство,
и не искусным – благорасположение,
но время и случай для всех их.
Ибо человек не знает своего времени.
Книга Экклезиаста. Гл.9. Стих 11

Который раз убеждаюсь в том, что ничто хорошее не повторяется. Впрочем, как и ничто дурное. Если повторяется, то уже в таком измененном виде, что кажется абсолютно новым и неизведанным.

Во всяком случае, прав поэт: *«Никогда не возвращайся в прежние места. /Даже если пепелище выглядит вполне/Не найти того, что ищешь, ни тебе, ни мне»*.

Но, что же делать, если настоящее тревожно и неопределенно, а будущее вообще покрыто мраком неведения? Что? Унывать? Можно, конечно. Причем со смаком, с чувством, с толком, с расстановкой, погружаясь в уныние, как в нежнейшую пену морского прибоя после душного дня.

Но это не выход. Даже из нежнейшей пены хочется когда-нибудь вынырнуть и обтереться досуха полотенцем. Что уж говорить об унынии, разъедающем душу лучше любой кислоты?.. Погрузиться недолго, а вот вынырнуть… Коготок увяз – всей птичке пропасть.

Остается одно – искать отрады в памяти и верить, что ее дворцы и сады, озера и водопады не осыплются, как замки из песка, от соприкосновения с настоящим. Что только в памяти они будут несокрушимыми и пронизанными розовым светом радости. Видно, так уж устроен человек, что с бесконечным упорством ждет повторения прекрасных моментов своего прошлого, ждет неистово, страстно, и прошлое, смягченное временем, кажется ему пленительней и ближе…

…Июнь 1988 года выдался в моем родном городе дождливым. В небе словно прорвало невидимую плотину, и оно обрушило на землю стены воды. Это в прямом смысле были стены. Дождь падал отвесно, густой плотной пеленой, и казалось, что тебя со всех сторон окружает неведомое серое войско. По улицам вместо привычного в это время тополиного пуха неслись потоки. Все канализационные люки были открыты, и возле них вода плескалась бурунами. Асфальт был отмыт дочиста, спутанная сочная трава полегла на землю, как осенью, и цвет ее тоже сменился на осенний – буро-серый. В воздухе пахло мокрым металлом, кожей, смятыми листьями, горчицей, валерьянкой и нагретой резиной – от огромных шлангов. Ими откачивали грязную воду из затопленных подвалов домов. Но почему-то все эти запахи, причудливо смешавшись, явили миру один – кислый и неистребимый – запах незрелой алычи. Вероятно, потому, что дождь напрочь оббил цветы церсиса – излюбленного дерева городских озеленителей. В мае-июне оно выглядело очень нарядным, потому что сплошь покрывалось мелкими розовыми цветами. Казалось, что вдоль дорог стоят сказочные великаны в розовых доспехах. В городе были аллеи, обсаженные одним только церсисом, и гулять по ним было удовольствием – они струили на землю розово-перламутровый свет. А некоторые особо романтические натуры обрывали пригоршни цветов и старательно разжевывали их на счастье! И утверждали при этом, что примета такая же верная, как если разжевать на счастье пятилистник сирени. Но в отличие от сирени цветы церсиса не горчили, а отличались приятной кислинкой. И теперь эта же кислинка в громадном объеме ощущалась в воздухе. Дождь нещадно измял маленькие цветы, расшвырял их по земле, исхлестал струями, превратил в розовое месиво, печально всхлипывающее под ногами, отнял и передал воздуху их неповторимый свеже-кислый аромат. «Такова жизнь», – воскликнул бы какой-то доморощенный философ при виде этой картины. – «Все мы приходим в мир, чтобы украсить его или защитить, или же отдать ему то, чем владеем». И слова эти были бы, конечно, банально верны.

20 июня перекрыло все рекорды! Сезон дождей в Индии – не шел ни в какое сравнение с этим днем! Казалось, что Зевс забросил молнии в дальний угол и вооружился огромным брандспойтом. Хохочущая, осатанелая вода низвергалась на землю, и все, что могло двигаться, попряталось кто куда.

Я, возвращавшаяся с экзамена (они, как правило, бывают в самое неподходящее время), забежала под какой-то навес. Стена дождя была сплошная, серая, под навесом не было ни одного сухого места, но все же оставался пятачок, где влаги было чуть меньше. В этом месте над крышей возвышался еще и кипарис, и его мощная раскидистая крона отражала натиск воды.

– Все пропаль! – сокрушенно произнес кто-то рядом со мной. – Все, все пропаль!

Обернувшись, я увидела… гриб-боровичок. Именно таким мне показался невероятно маленький (почти лилипут), но кряжистый человек со сморщенным, словно печеное яблоко, личиком. На нем были светло-коричневые выцветшие брюки, бежевая рубашка со смешными кисточками-завязками у горла и почти детские сандалии на крохотных ножках. Голову его украшала огромная коричневая соломенная шляпа, что еще больше усиливало его сходство с грибом. Ни дать ни взять сказочный персонаж из фильма «Морозко». Боровичок сокрушенно глядел перед собой, горестно разводил ручками, прицокивал и вздыхал.

– Все, все пропаль, – бормотал он, почему-то на ломаном русском языке, и покачивался как при молитве. Сандалии его при этом издавали странный всхлипывающий звук, словно жаловались на что-то.

Дождь и не думал прекращаться. Временами он чуть слабел, но через минуту с невиданной силой обрушивался вновь. Было ясно, что застряла я под спасительным навесом на час, если не больше.

Боровичок продолжал покачиваться и бормотал что-то теперь уже на родном языке о несправедливости судьбы, посылающей свои блага в неурочный час. Из сбивчивого его монолога я поняла, что он школьный сторож, и на него возложены еще и обязанности по уходу за маленьким пришкольным участком. И что именно теперь, когда дети на каникулах, он решил возделать его так, чтобы в сентябре все – и дети, и учителя, воскликнули: «Чудо!»

– Что пропало? – осторожно поинтересовалась я.

Чувствовалось, что Боровичок только и ждал собеседника, чтобы начать горестное повествование. Но начал он его почему-то снова на ломаном русском.

Оказалось, что вся его жизнь состояла из одних потерь, причем с младенческого возраста.

– Родился – мами патирял, два лет бил – папи патирял, пять лет бил – бабушка-дедушка патирял, семь лет бил – дядя-тетя патирял.

В результате всех потерь Боровичок оказался в детском доме, где воспитывался до 17 лет.

– Патом работа бил – тоже патирял, потом второй работа бил – тоже патирял, жена – ушол, дочка – ушол.

Куда «ушол» жена и дочка, я постеснялась спросить, да это и не нужно было. Боровичок жаждал выговориться и нашел в моем лице неожиданного слушателя. Тем более, что дождь все усиливался.

Как выяснилось, после долгой череды потерь Боровичок нашел место сторожа при школе и стал ухаживать еще за садом. Он решил засадить его одними розами всех цветов и оттенков, потому что роза лучше всего приживается в нашей засоленной песчаной почве. Из сбивчивого рассказа выяснилось, что была посажена сотня саженцев карминных, алых, темно-рубиновых, розовых, палевых, оранжевых, лимонных, желто-красных, сиреневых, кремовых и снежно-белых роз. И вначале все они были, как один, похожи друг на друга – маленькие зеленые ветки. Но дивно поднялся на славу возделанный сад, трепетали на ветру темно-красные лакированные молодые листья саженцев, и уже дремали в одинаково-зеленых тугих чехлах острые бутоны. И каждое утро Боровичок осторожно, чтобы не потревожить легкий их сон, обходил свое крохотное владение, бережно прикасался к кустам и старался угадать, какой краской распишет Создатель ту или иную розу. И, прикрывая глаза от солнца, Боровичок старался представить себе цветущий душистый сад, в который вложил он столько труда и любви.

И вот теперь этот страшный дождь. За четверть часа от дружных розовых кустов не осталось и следа. Жалкие, оббитые, исхлестанные, они испуганно прижались к земле, словно ища у нее защиты. Но земля сама перестала быть твердыней. Она превратилась в бурую жижу, с чмоканьем вбиравшую в себя сорванные листья и бутоны.

– Все пропаль, – рефреном повторял Боровичок, и видно было, что эта потеря дается ему очень тяжело и может даже стать последней.

Надо было что-то сказать. Невозможно было слышать дальше это «все пропаль». У меня возникла мысль. Спасительная или нет, пока не знала, действовала наобум.

– А где он, ваш сад? – как можно более безразлично протянула я.

Боровичок взглянул на меня из-под шляпы. Глаза его были цвета засохшей горчицы и почти утонули в морщинах темного лица. Но он словно ждал, что кто-то хоть из вежливости или скуки заинтересуется его садом.

– Там, – махнул он назад ручкой. – Издес!

Сообразив, что «там» и «здесь» для него понятия тождественные, я робко попросила:

– А можно посмотреть? Все равно ведь стоять еще неизвестно сколько.

Боровичок посмотрел на меня удивленно и благодарно. На мгновение мне показалось, что эту историю под девизом «все пропаль» он рассказывал уже не в первый раз. Бог его знает, сколько людей в течение этих «стенодождливых» дней пережидали под навесом потоки воды. И вынуждены были слушать историю о «погибшем саде». И, скорее всего, отмахивались от нее, как и от самого рассказчика, как от чего-то бессмысленного и нудного.

Сад, вернее, пришкольный участок оказался в двух шагах от навеса. По сути этот навес был большим козырьком, невесть как сооруженным над частью глухого забора, ограждающего участок.

Он действительно был жалок. Повсюду валялись сломанные ветки, размытые с корнями травы, разметанная кипарисовая хвоя, разорванные листья. Все это утопало в грязи, которая до этого была плодородной унавоженной почвой. Но самое несчастное зрелище представляли розовые кусты. Плотно прижатые к земле, почти лишенные листьев, они были похожи на изнемогших путников, в отчаянии царапающих бесконечную дорогу.

Позади снова прошелестело: «Все, все пропаль», и в шелесте этом была безнадежность.

Дождь шел, но уже слабее, чем раньше. «Если через пять минут не обрушится с новой силой, то можно потихоньку идти домой. Значит, уже стихает на сегодня», – смекнула я и безотчетно сделала шаг вперед.

Передо мной наполовину ушедший в грязь лежал маленький розовый куст. Видно было, что он только начал разрастаться и покрываться листьями. Сейчас они были густо облеплены грязью. Я осторожно, чтобы не сильно испачкаться, потянула к себе одну из веток. На ней было всего пять листьев, сморщенных, жалких, но почему-то все, как один, устремленных вверх и изогнутых, как бока крохотной чаши. Словно несколько человек в едином порыве сложили ладони лодочкой, оберегая нечто очень важное и хрупкое.

И внутри этих сморщенных, почерневших от нескончаемого дождя листьев действительно было бесценное чудо. Крошечный острый бутон, живой, не надломленный! В прорези тугих зеленых лепестков виднелась тончайшая розовая полоска – значит, скоро явится миру юная красавица в розовом платье!

Я потянула к себе еще несколько веток теперь уже других кустов. На некоторых из них точно так же страшные, почерневшие листья сложились лодочкой, оберегая маленькие бутоны с пока еще спящими в них красавицами в вишневых, белых, лимонных, оранжевых и сиреневых платьях.

– А вы говорите: «все пропаль»! – сказала я и протянула Боровичку одну из таких веток. – Смотрите.

Он недоверчиво, словно не желая еще расставаться с унылым «все пропаль», поднес к глазам ветку, потом вторую, третью, напряженно вглядывался и вдруг распустил все морщины на темном лице, расцвел, словно еще неведомая миру коричневая роза.

– Ай, дай Бог тебе счастья за такую весть, ай, добрая судьба занесла тебя, дочка, сегодня сюда, – забормотал он вновь на родном языке, и это было началом бесконечного, теперь уже счастливого монолога, краткий смысл которого был в том, что высшие силы всегда будут милосердны и вступятся за тех, кто старается жить по совести, не имеет в душе злых помыслов и работает для радости и красоты.

За монологом мы совсем не заметили, как дождь совсем ослабел, выдохся, и теперь на землю падали уже редкие капли. Небо, словно красивая капризная женщина, закатило истерику с бурным плачем, но теперь устало рыдать и лишь иногда судорожно всхлипывало. Но вскоре и этим всхлипываниям пришел конец, и на грязи, в которую мы с Боровичком ушли по щиколотку, появилась тонкая бледно-золотая полоска – несмелая улыбка солнца. Оно сразу же скрылось за еще плотными тучами,

но тут же появилось снова – легло широкими полосами на изгвазданную землю, лежащие на ней розовые кусты и прибитую траву.

– Все пропаль? – улыбнулась я.

Боровичок улыбнулся в ответ, и мне показалось, что так, наверно, улыбалось бы само счастье – смущенно и светло.

– Нет, – тихо ответил он. – Будут жить. Приходи сюда, дочка, через десять дней. Самые красивые розы для тебя соберу. Такого сильного дождя уже, наверно, не будет. Приходи через десять дней, они все расцветут.

Боровичок оказался прав – после 20 июня дожди стали убывать и вскоре совсем прекратились. Но мне не удалось прийти туда снова. Вначале было некогда, потом – тоже некогда, затем – как всегда, некогда, а после, наверно, и незачем. Сейчас на этом месте давно уже возвышается другая постройка. И только в памяти моей будет вечно цвести благоуханный розовый сад, который мне довелось увидеть неприглядным и жалким. Но каких только чудес не бывает под солнцем?.. И последние становятся первыми, и дивно расцветают мертвые сады, и «все пропаль» сменяется на «будем жить».

Каких только чудес не бывает под солнцем!..

Две памяти. Две жизни. Две Маши.

Детей чужих не бывает.
И в минуты наибольших мировых
потрясений больше всего
страдают дети.
Будем помнить о них...

Удивительная штука – человеческая память. Избирательная и прихотливая, беспощадная и умиляющая, жалящая и исцеляющая – она всегда разная. Постоянное в ней, пожалуй, только одно: способность ярко запечатлевать самое дорогое или самое болезненное. Но иногда то и другое переплетены так тесно, что невозможно их разъединить. Так и впечатываются в память – яркой вспышкой, прекрасной и пронзительной до боли. И кажется, что все это было совсем в другой жизни…

Воспоминание первое. Август 1978 года. Мы едем в Крым! Мы – это родители и я, превратившаяся в один сияющий и извертевшийся от любопытства комок. Сияю, понятно, от предвкушения счастья! А как же иначе?! Я – не какая-то хухрымухры, а отличница-третьеклассница и теперь могу с чистой совестью обозревать красоты ЮБК. Заслужила!

Мы сняли комнату в гостеприимном доме супругов Бельтюковых. Чета жила в Алупке и очень любила свой небольшой город и дом с огромной верандой, выходящей всеми окнами на море. Вид из окон открывался потрясающий! В безветренную погоду Черное море казалось громадной глазурованной бирюзовой чашей с узором из кипарисовых веток. Сердце мое заходилось от восторга. В бабушкином серванте высилась горка тарелок из тончайшего китайского фарфора и таким же а-ля китайским рисунком – по краям почти прозрачной светло-кремовой тарелки словно тушью были прорисованы черные веточки пиний. Бабушка никогда не называла их обыкновенными сосновыми ветками! Только – «веточки пиний»! И почему-то от этого становилось радостно на душе. Сосновые ветки – это будни! А вот «веточки пиний» – праздник, волшебство. Не хотелось отрывать взгляда от этого рисунка, от мерцающего загадочного фарфора. И сейчас словно гениальный художник тончайшей кистью прорисовал кипарисовую хвою вокруг бирюзовой чаши моря – вдоль всего берега тянулись кипарисовые аллеи, и хвоя их была особенной – с легким сизым оттенком, отчего деревья казались лазоревыми.

Заманчивые открытия поджидали нас на каждом шагу. И величественная «Ай-Петри», действительно похожая на мирно спящего медведя, и галечный пляж, так не похожий на привычные песчаные бакинские пляжи, и потрясающий Воронцовский дворец, и парк со знаменитыми тремя прудами: большим, средним и малым. Сколько радости, сколько незабываемых впечатлений.

А потом выяснилось, что расстояния между городами ЮБК настолько небольшие, что можно без труда пройти три или четыре километра и оказаться в Бахчисарае, или Симеизе, или Евпатории. Сами названия этих городов уже звучали, как музыка, и обещали встречу с прекрасным. Чего стоили, например, наши пешие прогулки вдоль лазоревых кипарисов! Они пахли нагретой смолой, морской солью и йодом и мерцали легким сиреневым светом – ветки были густо усеяны светлячками. Счастье, чистое, незамутненное, веселое дарили эти прогулки.

Только одна из них оказалась печальной. Как-то по дороге в Симеиз мы набрели на старое алупкинское кладбище. Оно представляло собой грустное и тяжкое зрелище. Неприветливый лес, груда камней на земле и куча сломанных железных крестов. Тропинки поросли травою и были густо усыпаны прошлогодними листьями – черными и сухими. Разбитые покосившиеся каменные могилы, металлические спинки кроватей вместо оград. От каждого уголка здесь веяло заброшенностью и сиротством.

Мы быстро поднимались по пригорку, чтобы поскорее миновать это место, и вдруг мама ахнула и легко схватила меня за руку:

– Смотри!

Прямо перед нами у кривого дерева стоял покосившийся железный крест из двух сварных труб. На нижней перекладине была прикреплена ржавая табличка с неровной надписью:

«Мурочка Чуковская. 24. 02. 1920 – 10.11.1931».

– *«Мурочку баюкают, милую мою»,* – тихо сказала мама, и голос ее дрогнул. Сколько раз она читала мне эти строки, закрывая томик сказок Чуковского, – кажется, самых веселых, самых звонких сказок на свете. Могли ли мы подумать, что одна из ежедневных прогулок из Алупки в другой крымский городок обернется для нас таким горьким открытием. На заброшенном алупкинском кладбище нашла свой последний приют и покой Мария Корнеевна Чуковская, Мурочка, младшая дочь Корнея Чуковского, его муза, героиня сказок, соавтор, и самая большая потеря в жизни Корнея Ивановича.

Это ей, родившейся в эпоху «ГОРОХРА и тифа», Чуковский посвятил свои лучшие сказки: «Муха-Цокотуха», «Путаница», «Мойдодыр», «Телефон», «Тараканище» и «Айболит».

Это во многом благодаря ей была создана замечательная книга о детской речи «От двух до пяти».

Это она – смешная, изобретательная, творческая, чувствительная, талантливая, смогла стать отцу настоящим другом. Он читает Муре написанное, они обсуждают книги. *«Может быть, потому, что я пропитал ее всю литературой, поэзией… она мне такая родная – всепонимающий друг мой»,* – пишет Чуковский в своих дневниках.

И вдруг гром среди ясного неба: Мурочке был поставлен страшный диагноз – костный туберкулез. Болезнь и сейчас довольно тяжелая, а в те годы вообще считалась неизлечимой. Но страшное было не только в этом. Чуковский считал болезнь любимой дочери возмездием за предательство. Его, отцовское, предательство своей маленькой музы.

В феврале 1928 года в «Правде» вышла статья Надежды Крупской «О «Крокодиле» Чуковского»: *«Такая болтовня – неуважение к ребёнку. Сначала его манят пряником – весёлыми, невинными рифмами и комичными образами, а попутно дают глотать какую-то муть, которая не пройдёт бесследно для него. Я думаю, «Крокодила» ребятам нашим давать не надо…»*

Началась травля писателя. Из издательств, из продажи изымались книги, в типографиях рассыпались уже набранные экземпляры изданий. Те самые добрые, веселые, звонкие сказки, на которых выросло не одно поколение детей Советского Союза.

И Чуковский не выдержал. В декабре 1929 года в «Литературной газете» вышла покаянная статья Корнея Ивановича, в которой он признавал собственные ошибки и клятвенно обещал *«вместо глупых сказок»* написать поэму *«Весёлая колхозия»*.

Но поэма так никогда и не будет написана. И Чуковский вообще больше ничего не напишет для детей. Он – литературный и художественный критик, автор фундаментального труда о русском языке «Живой как жизнь», исследователь творчества Некрасова, один из лучших переводчиков английской литературы, прославился и вошел в историю лишь благодаря своим искрометным сказкам. Об этом он как-то даже пошутил: *«Я написал 12 книг, но кто их помнит? А стоило мне один раз шутя написать сказку «Крокодил», и я сделался знаменитым писателем. В общей сложности на свои сказки я потратил шесть месяцев, на написание других книг – всю жизнь. Но прославился благодаря этим шести месяцам».*

Но после своего отречения он не создаст ни одной сказки. Буквально через несколько дней после его статьи о «глупых сказках» и «веселой колхозии» Мура заболела, и тогда же прозвучал приговор: «костный туберкулез».

Болезнь прогрессировала стремительно. Отец метался между надеждой и отчаянием и не переставал корить себя за малодушное отречение. Временами он просто убегал из дома, не в силах вынести страдания девочки. Читать дневники Чуковского той поры очень тяжело: *«Ребенок слепнет на один глаз, начинаются боли в ноге, потом поражается второй глаз, вторая нога. Муре все время больно».*

Кто-то из друзей узнает о чудодейственном санатории доктора Изергина в Крыму. Доктор лечит ребятишек с таким диагнозом по собственной методике: закаливанием, ваннами, солнцем, морским воздухом.

Начались лихорадочные сборы. Но Муре уже так плохо, что она с трудом выносит дорогу. *«При каждой выбоине, при каждом камушке, при каждом повороте Мура кричала, замирая от боли, – и ее боль отзывалась в нас троих таким страданием, что теперь эта изумительно прекрасная дорога кажется мне самым отвратительным местом, в к-ром я когда-либо был».*

До конца своей долгой жизни Чуковский ненавидел Крым, не хотел даже слышать, содрогался при упоминании о нем. Волшебный край, пропитанный солнцем и морем, оказался пропитанным для него горем.

«Ну вот были родители, детей которых суды приговаривали к смертной казни. Но они узнавали об этом за несколько дней, потрясение было сильное, но мгновенное, – краткое. А нам выпало присутствовать при ее четвертовании: выкололи глаз, отрезали ногу, другую – дали передышку, и снова за нож: почки, легкие, желудок…»

Невозможно без содрогания читать эти самые горестные страницы дневника Чуковского. Невозможно читать и о страданиях матери – Марии Борисовны, она была на грани безумия.

Наконец, 10 ноября 1931 года двухлетние мучения Мурочки окончились. Корней Иванович сам уложил ее в гроб, который смастерил из кипарисового сундука. *«Легонькая»*, – записал он в своем дневнике. Муру похоронили на старом Алупкинском кладбище.

«Погребение кончилось. Все разошлись молчаливо, засыпав могилу цветами. Мы постояли и понемногу поняли, что делать нам здесь нечего, что никакое, даже – самое крошечное – общение с Мурой уже невозможно, – и пошли к Гаспре по чудесной дороге – очутились где-то у водопада, присели, стали читать, разговаривать, ощутив всем своим существом, что похороны были не самое страшное: гораздо мучительнее было двухлетнее ее умирание».

Смерть маленькой музы Чуковского, его друга, светлого духа его поэзии поделила жизнь семьи на «до» и «после». Мария Борисовна стала все чаще замыкаться в себе. А Корней Иванович знал только одно лекарство – общение с детьми. Он не делил их на своих и чужих. Лишенный в детстве отца, всю жизнь мучившийся из-за своего незаконного происхождения – он сам становился добрым отцом всем встретившимся ему в жизни детям. Но Другом – всепонимающим, таким родным называл только младшую дочь – Марию – незабвенную свою Мурочку. И после ее ухода так и не нашел в себе силы посетить Крым.

3 ноября 2021 года на могиле Мурочки вместо ржавого креста был установлен трогательный памятник работы скульптора Евгения Козина. Памятник представляет собой стопку книг, на одной из которых изображена Муха-Цокотуха, а на корешке написано – «Муркина книга».

Но в моей памяти так и остались покосившийся крест из двух сварных труб и ржавая табличка с надписью – «Мурочка Чуковская». И мамин дрогнувший голос. И редкие звезды на уже вечереющем алупкинском небе. Они горели совсем низко над верхушками сосен, и свет их был зыбким, мерцающим, словно они тоже покачивали, баюкали «Мурочку, милую мою».

Воспоминание второе: Июль 1987 года. Мы с папой в Ленинграде или, если уж быть более точной, – в зеленогорском пансионате.

Таких огромных комаров и такой холодной воды, как там, мне не приходилось встречать. Небольшой и очень уютный пансионат был окружен лесом, и вместе со смолистым воздухом в низенькие окна врывались огромные в пол-ладони и толстые болотные комары. Жалили они немилосердно. После укусов оставались болезненные волдыри. Спастись от этих летающих злобных слонов можно было только плотно пригнанной к телу одеждой – комары за версту чуяли открытые полоски кожи и мгновенно пикировали на них.

Но, как говорится, кроме яда, есть и противоядие. Ничто так не снимало зуд и боль после укусов, как холодная, льдистая вода из рукомойников. За ночь вода в них отстаивалась и вместе с прохладой, кажется, вбирала в себя отражение звезд и запах хвои. От воды сводило зубы, и лицо полыхало румянцем.

Публика в пансионате подобралась на редкость дружная. Все как на подбор (и пожилые, и более молодые) дружно обсуждали свои болячки, смаковали их, охали, вздыхали, делились впечатлениями о медицинских процедурах и ассортименте блюд в столовой. Я отчаянно скучала, а папа искренне не понимал, как можно скучать в этом *«чудесном месте с целебным воздухом»*. Спору нет, все так и было, но мне хотелось посмотреть город, а не любоваться каждый день соснами из окна.

Вот и этот день 9 июля был похож на предыдущие. После ужина отдыхающие чинно прогуливались по центральной площадке. Она представляла собой четырёхугольник, выложенный каменными плитками и обсаженный по периметру розами. Розы были северные: неброские, пыльно-розового цвета, изящные и пахли дождем. На влажной деревянной скамейке кто-то забыл выпуск «Вечернего Ленинграда». Я машинально развернула его, и на последней странице мне бросилось в глаза известие в черной рамке:

«…скончался писатель Алексей Иванович Пантелеев, писавший под псевдонимом Леонид Пантелеев, автор «Республики «Шкид» и рассказов для детей…».

На газету упало несколько капель дождя. Надо было возвращаться в коттедж.

– Что с тобой? – спросил папа. – Холодно?

Нет, мне не было холодно. Просто стало грустно, что от скалы по имени «детство» откололась еще одна часть…

Леонида Пантелеева я, конечно, знала по рассказам «Честное слово», «Часы», «Трус», «Качели» и многим другим. В любой хрестоматии и книге для внеклассного чтения были его произведения.

Но больше всего любила я перечитывать его книгу «Наша Маша», посвященную единственному его ребенку – дочке Машеньке.

По сути это дневник любящего родителя, который он вел с рождения дочурки до пяти лет. Со страниц его встает образ чудесной девочки – отзывчивой, умной, талантливой и очень эмоциональной. Казалось, что этому ребенку уготовано счастливое будущее и долгая жизнь. Машенька Леонида Пантелеева была действительно нашей, своей, родной.

Могла ли подумать тогда, в июльский сырой вечер, что Маша проживет всего три года после отца и будет похоронена в одной могиле с ним? Что из короткой своей тридцатичетырёхлетней жизни последние семнадцать лет она проведет в психиатрическом диспансере и уже не выйдет оттуда? Что состояние ее будет настолько тяжелым, что лекарства она будет принимать по 18 раз в день?..

Ни о чем этом я в тот июльский вечер не знала. И была уверена, что героиня «Нашей Маши» станет заботливой хранительницей архива своего отца, а возможно, и дома-музея писателя.

Но у Судьбы были иные планы.

В августе 1956-го 46-летний Л.Пантелеев впервые стал отцом. Жене писателя – Элико Кашидзе – уже 40. Ее первый ребенок умер во время блокады. *«Давно ли был он, этот пасмурный августовский день, когда я стоял в подворотне родильного дома имени Видемана и с трепетом читал на доске, среди прочих фамилий, фамилию некоей Пантелеевой-Еремеевой, пол женский, рост 50 сантиметров, вес 3050 граммов! Давно ли, казалось бы, мелькнул и другой, ясный, пронизанный солнцем осенний денек, когда я через ту же подворотню бережно вынес на улицу нечто, завернутое в синее шелковое одеяло, нечто крохотное, живое, шевелящееся, незнакомое и вместе с тем уже бесконечно близкое, вызывающее слезы на глазах!»* – запишет он в дневнике.

И мгновенно, буквально с первых же дней началось воспитание, довольно суровое. Нет, конечно, речь ни в коем случае не идет о рукоприкладстве, но, прочтя «Нашу Машу», я недоумевала, почему автор в предисловии написал:

«Появление в моей жизни дочери было благодатью, чудом – тем чудом, какого не знают, вероятно, родители более молодые. Читателям этой книги – тем, кому мое отношение к Маше покажется чрезмерно горячим, экзальтированным, я советовал бы помнить то, о чем я только что сказал».

Его отношение к дочери я бы не назвала ни горячим, ни экзальтированным. Тем более – чрезмерно. Скорее – полумуштровым.

Писатель и его супруга едва ли не с рождения внушают дочке, что не должно быть никаких собственных желаний.

Еще до ее рождения Элико увидела ребенка, закатившего безобразную истерику в магазине, и поклялась, что, если вновь станет матерью, сделает все, чтобы такого не допустить. Машенька чуть ли не с первых месяцев жизни должна была понимать, что в доме ей ничего не принадлежит, и, если кто-то попросит, надо беспрекословно отдать игрушки и книжки. О вкусах и предпочтениях тоже никто не спрашивает.

«За завтраком Машка ревела. Ей дали кашу с брусничным вареньем, а она, видите ли, захотела с инжировым. Ничего, слопала с брусничным».

Материальный достаток в семье довольно высок: четырехкомнатная квартира в центре Ленинграда, няня, домработницы; каникулы в Доме творчества в Комарово, каждое лето – дача.

Алексей Иванович почти все время посвящает Маше: много гуляет с ней, учит немецкому языку, читает, приучает к гимнастике. Но девочка не любит читать, не любит пересказывать. У нее нет друзей. На праздники родители Маши тщательно отбирают детей из хороших семей. Большинство кажутся им «разбитными».

«Слишком уж она у вас робкая», – как-то заметила Алексею Ивановичу старушка в парке, увидев, как Маша не решается подойти к группе играющих детей.

«Лучше пусть будет робкая, чем наглая», – отрезал писатель.

«*Машка тянется к детям, но я … я, вероятно, совершаю ошибку, ограждая ее от той среды, в которую ее рано или поздно неизбежно втянет жизнь*», – пишет в «Нашей Маше» Пантелеев.

«Мамсик» и «Папсик», как она называет родителей, заменяют ей друзей.

Книга заканчивается, когда Маше исполняется пять лет. Девочка ни разу не была в кино, телевизора в доме нет, на общественном транспорте она будет ездить в сопровождении до 17 лет. Один-единственный поход в цирк обернулся для Маши нервным перевозбуждением.

В пять лет у Маши появляется одобренная родительской цензурой подружка Ксения Мечик-Бланк, сестра писателя Сергея Довлатова. Их дружба продлится до отъезда Ксении в Америку. Потом в дневниках Ксения вспоминала о Маше:

«Твой мир мне не совсем понятен. Я не знаю, что делать с твоим признанием, когда однажды на комаровской дороге, спросив меня, люблю ли я своих родителей, ты вдруг говоришь мне странную вещь: «А я своих не люблю, вот так-то».

Писатель отмечает, что особых способностей в дочери нет, самый тяжелый в школе предмет для нее – арифметика. Но есть несомненный артистический дар. Ее номером – изображением пьяной курящей эстонки в кафе – восхищается сама Ахматова. Отец и мать польщены. Этот номер долго будет гвоздем программы на званых обедах и ужинах в семье Пантелеевых.

«Талант у нее комедийный. Бывает, смеемся так, что штукатурка на головы падает. Последнее время стала изображать своих сверстников, ребят. Чудесно читает деревянным голосом стихи (копирует одну свою одноклассницу-провинциалку)», – умиляется Алексей Иванович.

Где-то уже в 80-х годах Пантелеев написал и издал книгу с примечательным названием «Верую». Для него, провозглашавшего в своих повестях и рассказах идеалы неутомимого строителя коммунистического общества, такое название о многом говорит.

Вот как писал о глубокой и тщательно скрываемой религиозности Алексея Ивановича поэт Давид Самойлов:

«Я хочу рассказать то, что знаю о Маше Пантелеевой из книги её отца, написанной в 80-х гг. Маша действительно оказалась в психиатрической лечебнице в 18 лет, но причина не только и не столько в раннем развитии. Дело в том, что писатель и его жена были глубоко верующими людьми и эту веру воспитывали в своей дочери. Маша родилась в 1956 году, была пионеркой, естественно, школа воспитывала её в духе атеизма. А дома она подолгу молилась, выстаивала обедню. Так из года в год надламывалась молодая душа... «Добила» меня заключительная фраза писателя Пантелеева: если бы вновь пришлось выбирать, он выбрал бы больную, но верующую дочь, а не здоровую атеистку...»

Постоянные нравоучения, иногда переходящие в крики, наказание молчанием, религиозность, которую нужно было постоянно скрывать, отсутствие друзей – все это давило на психику Маши. Кроме того, увы, есть простая логика. Машенька родилась 4 августа 1956 года, а в воспоминаниях отца четко указано, что он помнит «тот осенний денек, когда вынес из подворотни роддома нечто завернутое в синее шелковое одеяльце». Родилась в начале августа, а была выписана из роддома в «осенний денек». То есть уже в сентябре. Даже в то время выписка из роддома осуществлялась максимум через 10 дней (при условии, что с матерью и ребенком все в порядке). А тут продержали не меньше месяца. Значит, было что-то внушающее опасение, возможно, родовая травма или просто тяжелые роды, учитывая солидный возраст матери. Это всего лишь предположение, но, может быть, не следует им пренебрегать...

В письмах Алексея Ивановича к друзьям все чаще появляются тревожные сообщения о частых головных болях, повышенном давлении дочери. Родители переводят ее из школы в школу.

После десятого класса Машенька собирается поступать в театральный. Но родители отговаривают ее. И вообще убеждают отдохнуть от школьной «каторги» хотя бы год. Но Маша не хочет терять времени и подает документы на филфак. Однако учиться там ей не пришлось: после тяжелого гриппа случился нервный срыв. Ее поместили в психиатрическое отделение института им. Бехтерева. И Маша вдруг признается:

«Мне нравится в больнице. Я рисую, гуляю».

Когда ее отпускают домой, состояние ухудшается: она бьет стекла, нападает на прохожих. Отец читает ей книги, непременно со счастливым концом:

«Это важно – не дать угаснуть работе ума и души».

Маша восемь лет (!!!) не выходит из дома. «Запуганный зверек», – называет ее коллега отца по писательскому цеху – публицист Лидия Корнеевна Чуковская.

После внезапной смерти Элико Семеновны все заботы о Маше легли на Алексея Ивановича. 18 раз в день по часам дает лекарство. Машу снова госпитализировали, и уже из психиатрического диспансера она не вышла…

Книга Л.Пантелеева «Наша Маша» была такой доверительной, такой бесконечно близкой читателю. Но сам автор был человеком сложным, испытал много несчастий и личных, и общих со страной, да и от пагубных привычек не был застрахован. И довольно жестко относился к людям – это даже отражалось на его лице. Один из знакомых, описывая его внешность, заметил: *«Может быть, он с женщинами был мягче, я не видел его. С мужчинами он был горд, неприступен, не раскрывающий рта, у него лицо очень твердое, в котором не было ни одной мягкой складочки. Усики такие над губой, немножко похож на штабс-капитана Рыбникова, на японского шпиона, тёмные очки. Каждый раз, когда я его видел на Ленинградском Союзе писателей, он был неприступен. Он не ходил на их собрания. В Доме творчества он тоже вёл себя очень гордо, недоступно. Обедал всегда один. И потом, у него был такой образ жизни выработан, что он днём спит, а ночью работает. Он был необыкновенно одинок, но этот клубок тайн, недоговорок, противоречий, обид, про которые никому нельзя сказать»*.

Он хотел воспитать дочку так, чтобы злая толпа ее не погубила. Но при этом с какой-то деспотической настойчивостью требовал от нее следования его нравственному идеалу. Есть в «Нашей Маше» страницы, которые без содрогания читать невозможно. Трехлетняя девочка пытается пробраться в папин кабинет, но мама, бабушка, домработница преграждают ей дорогу. Ребенок заливается слезами, умоляет их, папу. И папа прислушивается за дверью к ее плачу, к их увещаниям: «Нельзя! Папа работает!» Наконец ребенка уводят. Папа вздыхает, закуривает и с усилием возвращается к работе – пишет «Нашу Машу», может быть. И, может быть, с удовлетворением отмечает для себя: он проявил волю, характер, не поддался на слезы и мольбы горячо любимой дочери.

Но Судьба книг не пишет и не читает. Ее инструмент – весы. На них она отмеряет каждому долю боли и радости. И, возможно, уже много лет спустя после написания «Нашей Маши» ее автор так же слезно молил Судьбу сжалиться над ним. Но Судьба так же, как и он когда-то, решила проявить волю, характер и не поддалась слезам и мольбам.

Всего лишь два воспоминания – крохотные листки с дерева памяти: август 1978 и июль 1987 года. Алупка и Ленинград. И две Маши, две маленькие музы русской детской литературы – Мария Чуковская и Мария Пантелеева-Еремеева. Прожившие так недолго, и бессмертные, пока о них помнят…

Милостыня судьбы

У недавно ушедшего от нас Александра Градского есть чудесная песня «Чужой мотив». Речь идет в ней о том, что певцу предложили сочинить веселую песню про старый чердак, и он послушно берется за эту работу. Только вот мысли, которые возникли у него при посещении чердака, скорее, ностальгически-нежные, чем веселые…

Но лиха беда – начало! После третьего или четвертого прослушивания этой песни неясные обрывки воспоминаний нахлынули на меня. Они путались, рвались, но и создавали связи. Поистине ощущение было как в словах из романса:

Нехотя вспомнишь и время былое,
Вспомнишь и лица, давно позабытые.

Вспомнилась няня (да, разве забывала ли я когда о ней?!), и ее насмешливо-веселое:

– Ну-с, сегодня у нас по плану генеральная уборка этажерки!

Ах, уж эта нянина этажерка! Ни одна сокровищница мира не была для меня столь притягательна, как она! Каждая из ее полок таила в себе несметные богатства.

Тут были старая подшивка журнала «Крокодил» с рисунками Кукрыниксов и Бориса Ефимова, стопка патефонных пластинок, старинные пудреницы с перламутровыми розами на крышках, фарфоровые статуэтки балерин, веера из китайского шелка, жестяные патрончики с помадой (непременно алого цвета), портрет Александра Блока в овальной рамке, деревянные флаконы болгарского розового масла, вышитые и вязаные салфетки и еще много разных чудес!

– Вот егоза! – добродушно поварчивала няня. – Ты мне помогать будешь или картинки в журналах рассматривать? Намочи тряпку и протри пыль. Смотри, вот так! – И осторожно вкладывала мне в руку малюсенькую тряпку.

Конечно, все это делалось только для вида. Никакой пыли я не протирала, да и что можно было вытереть крошечным обрезком ткани?! Няня со всем управлялась сама, но ворковала при этом так задушевно, что я и вправду думала: какая я молодец – нянина помощница! Сама все прибрала!

– Ах, ты моя умница-разумница, нянина помощница, – приговаривала няня, ловко расставляя предметы по местам. После няниных рук они блестели, как новые, и всем своим видом говорили: «Смотрите, какие мы чистые, как за нами хорошо смотрят!» – Вот и порядок навели! А сейчас мы с тобой чаю попьем с пирожками, чайник-то на плите давно романсы поет!

Улыбаясь этой вкусной шутке, я опрометью мчалась на кухню, чтобы насладиться исполнительским искусством чайника. Особыми вокальными талантами он, правда, похвастаться не мог, просто сопел, пыхтел и свистел, как сотни других своих собратьев.

– Осторожно, – опережала меня няня. – Перевернешь чашки с кипятком. Возьми-ка лучше тарелку с пирожками и – марш в комнату!

Няня несла перед собой маленький поднос с двумя золотистыми чашками на розовых блюдцах, я важно вышагивала за ней, прижимая к себе блюдо с пирожками.

В комнате нас встречал стол, накрытый белой скатертью (и когда только успела? Я же на кухне была всего минутку!), и льющийся невесть откуда голос:

Когда простым и нежным взором
Ласкаешь ты меня, мой друг,
Необычайным, цветным узором
Земля и небо вспыхивают вдруг.

– Это что? – вопросительно глядела я на няню и в ответ слышала:

– Голубчик! Козин, Вадим Алексеевич. Любимый певец мой. А это «Песня о дружбе». – И голос няни становился таким же бархатным и пленительным, как голос неведомого певца с патефонной пластинки. Да что там голос – даже поблекшие глаза вновь расцветали небесной синью!

Веселья час придёт к нам снова,
Вернёшься ты, и вот тогда,
Тогда дадим друг другу слово,
Что будем вместе, вместе навсегда.

«Навсегда» – какое надежное и крепкое слово. И вместе с тем – какое печальное. «Навсегда» – это значит остаются с нами наша любовь и нежность, преданность и уют. «Навсегда» – это значит безвозвратно. Никогда больше не распахнутся двери приветливого нянииного дома, не вспыхнут молодым голубым огнем ее глаза, не зазвучит звонкий ее смех. Да и бархатный голос любимого певца донесется не с патефонных пластинок, а с оцифрованных электронных версий. Конечно, звук будет чище, но едва ли очаровательней.

Хотя очарование – вещь субъективная: мы любим что-то или кого-то не из-за него самого, а из-за тех чувств, которые они вызывают в нас. Как говорится, не по хорошу мил, а по милу хорош…

«Навсегда» – это значит останется с нами память. Где-то со дна души будет мерцать она негасимым светом, как со дна ручья вдруг вспыхнет разноцветными бликами кусочек стекла или камень-голыш. И голос полузабытого певца накроет невидимыми волнами наше сердце. И захочется вспомнить о нем…

В 30-40-е годы XX века имя Вадима Козина не сходило с афиш концертных залов Советского Союза, тиражи пластинок были колоссальными, а количество поклонников не уступало поклонникам Сергея Лемешева и Ивана Козловского.

И вдруг! Можно как угодно называть это вдруг. Рок, фатум, усмешка Судьбы. Но именно так и случилось в карьере певца. К изумлению публики, на пике творческого взлета он неожиданно перестал появляться на эстраде. И больше никогда не появился на столичной сцене. Чарующий голос остался только в записях.

Осень, прозрачное утро,
Небо как будто в тумане,
Даль из тонов перламутра,
Солнце холодное, раннее.

Где наша первая встреча?
Яркая, острая, тайная,
В тот летний памятный вечер,
Милая, словно случайная.

Он был действительно баснословно популярен. Все было в его руках: слава, почет, деньги. И такое оглушительное исчезновение в середине 40-х годов породило массу слухов. Как это может быть? Такая личность, но ни пластинок не выпускают, ни по радио не передают.

Судьба певца, как ни странно, так и осталась тайной за семью печатями. Нестыковки начались буквально с его появления на свет. В паспорте годом рождения артиста был указан 1906-й, а сам Козин утверждал, что родился в 1903-м. Однако по записи в церковной книге будущий король романса был ровесником первой русской революции 1905 года. И такие неясности в биографии Козина повсюду.

Родился Вадим Алексеевич Козин 21 марта 1903 года в Петербурге. Его отец был богатым купцом, а мать – чистокровной цыганкой, певшей в ресторанном хоре. Среди друзей дома были и великолепная Анастасия Вяльцева – исполнительница русских и «цыганских» романсов, и красавец Юрий Морфесси, обладатель чудесного баритона, «Баян русской песни», как называл его Ф.И.Шаляпин. Как вспоминал сам Козин, однажды Морфесси, усадив его на колени, произнес: «Вот кто сменит меня!»

Часто Козин упоминал о дальнем родстве (может, и мифическом, но он верил в него искренне) с царицей «цыганского» романса, любимой певицей Николая II – Варварой Паниной.

В революцию Козины потеряли все. А когда в 1922 году умер отец, на плечи Вадима легла забота о пропитании матери и четырех сестер.

Молодой человек стал подрабатывать тапером в кинотеатрах. Тогда было принято развлекать публику выступлениями артистов перед сеансами кинофильмов. Однажды директор синематографа попросил Козина заменить заболевшего артиста и исполнить несколько песен. Вадим, очень волнуясь, решился выйти на сцену и сорвал гром оваций!

В начале 30-х годов по Ленинграду были расклеены афиши, в которых значилось: «Известный исполнитель цыганских песен Вадим Холодный». Это и был Вадим Козин. Он взял себе псевдоним в честь знаменитой звезды немого кино Веры Холодной.

Но через какое-то время у молодого певца появилась собственная аудитория. И стали ходить именно на Козина. После этого в 1936 году Вадим Алексеевич приехал в Москву и покорил сердца столичной публики.

В 1989 году был снят документальный фильм о творчестве певца. Эта лента стала единственным киноархивом, запечатлевшим Вадима Алексеевича для потомков. О своих приключениях давних лет Козин говорил с неподражаемым юмором. И таким же неподражаемым, воркующим голосом! А ведь было ему уже почти 90 лет!

«Работал я в Ленконцерте. И вместе с певцом Никифоровым (был у нас такой) получал 50 рублей в месяц. И вот как-то написал певец Никифоров письмо начальству, мол, прошу повысить мою ставку до 70 рублей, а то уволюсь! Он написал – ему повысили ставку и не уволили. Я написал следом то же самое – меня уволили! Так я приехал в Москву. В парке культуры и отдыха примерно через три дня меня вызвали в дирекцию и говорят, что хотят записать меня на пластинку. «Вы сможете?» Я ответил – «пожалуйста». Правда, у меня было уже тогда тяжеловато с деньгами. Питался я только хлебом и горячей водой из-под крана. А меня этот директор спросил: «Вам, может, нужны деньги?» Я ответил: «Нет, мне никаких денег не надо!». И на четвертый день записали меня на пластинку. Много песен. И я до сих пор удивляюсь – как голос звучал после такой диеты на хлебе и воде».

Слава Вадима Козина была не на концертных подмостках, а именно в грампластинках. Выпускали их два завода: Апрелевский и Ногинский.

Но есть одна интересная пластинка выпуска Бакинской (!) фабрики. Она на пластмассе, потрескавшаяся, покоробившаяся, проиграть ее практически нельзя. Но она содержит очень хорошие и редкие записи под гитару: «Верная, манерная» и «Улыбнись, родная».

Сердце полно весной,
Выйдем, пройдёмся,
Вместе пойдём со мной.
Ну улыбнись, родная,
Ну не сердись, родная,
Ну помирись, родная,
Со мной.

Вторая половина 30-х годов – расцвет карьеры молодого певца. Публика любит его за необычный тембр голоса и большой репертуар цыганских песен и романсов.

Во время войны Вадим Алексеевич, как и другие артисты, выступал перед бойцами на фронте. Но именно к военному времени относится еще одна загадка в биографии певца. Сам Вадим Алексеевич неоднократно и с удовольствием рассказывал эту историю, но о ее достоверности не может судить никто.

В 1943 году в Тегеране состоялась конференция с участием глав государств антигитлеровской коалиции. Присутствовали Иосиф Сталин, Франклин Рузвельт и Уинстон Черчилль. У Черчилля был день рождения, и он попросил Сталина сделать ему подарок: послушать вживую любимого певца – Вадима Козина.

Сталин тут же дал приказ: Козина срочно посадили в самолет и привезли в Тегеран. И он участвовал в концерте, где, помимо него, выступили и другие знаменитые артисты того времени – Марлен Дитрих, Морис Шевалье и Иза Кремер. После концерта Козина тут же посадили в самолет и доставили в Москву.

Но вот что странно: впоследствии никто и нигде об этом фантастическом концерте не вспоминал: ни артисты, участвовавшие в нем, ни сам Черчилль. Более того, по определенным причинам артисты, о которых говорил Козин, не могли выступать в Тегеране. Дитрих жила в Америке, Иза Кремер – в Аргентине, а Морис Шевалье вообще находился на оккупированной территории Франции. Но сам Козин рассказывал об этом так ярко и подробно, что им заинтересовались в НКВД.

Возможно, за распространение недостоверных сведений, а может, и по каким-то иным причинам, в феврале 1944 года Козин был арестован. Существует немало сведений, объясняющих, почему любимец публики оказался на Лубянке. Причем версии одна пикантнее другой…

Как Козин вспоминал впоследствии, ему предлагали спеть что-то о Сталине, но он отказался в довольно дерзкой форме. Но были и другие причины, которые, так или иначе связывали с именем певца.

Зимой 1945 года Вадим Козин был осужден на восемь лет лагерей по трём статьям УК РСФСР: 58-10, часть вторая («контрреволюционная агитация в военное время»), 152 («развратные действия в отношении несовершеннолетних») и 154а (мужеложство) Но весь срок ему досиживать не пришлось. Он освободился досрочно в 1950 году. Срок Козин отбывал легко, к тяжёлым физическим работам не привлекался, работал в Магаданском музыкально-драматическом театре вместе с другими артистами. От тяжелых работ его спасла Александра Гридасова, начальник Магаданского лагеря. Она мечтала создать собственный театр из заключенных музыкантов, певцов, артистов театра и кино. Характеризовали Гридасову неоднозначно, но Козин всегда вспоминал о ней тепло. Именно она спасла ему жизнь и голос.

Еще будучи осужденным, он гастролировал по всей Чукотке, Сахалину, по лагерям. Выступал перед начальством лагерей и перед заключенными. Причем вел себя гордо и не подобострастно. Приносил огромные доходы филармонии.

Освободившись, певец поселился в маленькой квартирке в центре Магадана. В первое время он еще выезжал с концертами на большую землю, и хотя на столичной сцене ему выступать было запрещено, но в городах Сибири, Урала, Дальнего Востока его всегда ждал грандиозный успех.

Казалось бы – все беды позади. И начинается новая счастливая жизнь. Вновь обретенное признание. Но в 1959 году Козин получает новый срок по статье 121 УК РСФСР…

Отсидев два года, он уже больше не покинет Магадан и станет со временем достопримечательностью города. Он вновь гастролирует по городам Сибири и Урала. И каждое появление его на публике – неизменный восторг слушателей. Козин справедливо гордился тем, что никогда не использовал усилительную аппаратуру, полагаясь только на собственный голос. Микрофонов он попросту боялся.

В 70-е годы репертуар певца немного поменялся. Наряду со старыми и дорогими сердцу романсами и песнями появляются песни на слова Е.Евтушенко, Н.Гумилева, А.Ахматовой. Были и собственные, «козинские» песни. Он очень любил Магадан, его бульвары, и одна из песен так и называлась: «А я влюблен в бульвары Магадана», а другие «Магаданский ветерок» и «Письмо с Магадана».

Что не сбылось – не сбудется,
Не сбудется – забудется.
Когда проходит молодость,
Еще сильнее любится.

Он жил в однокомнатной хрущевке № 9. Все стены были заставлены книгами, а в ванне хранились закрутки – маринованные огурцы и помидоры двухлетней, а то и трехлетней давности. Козин боялся голода – делал запасы – сказывалось лагерное прошлое. Мыться же ходил к соседям. Годами носил старый стираный-перестиранный и растянутый свитер. Единственным утешением его были книги, магнитофонные записи и кошки. Их у него было много. Он относился к ним, как к детям. Одну из них звали Плисецкая, в честь великой балерины.

Он продолжал писать песни, правда, к прославившему его цыганскому романсу обращался все меньше. Пластинки его больше не издавались, в газетах о нем не писали. Конечно, он тяжело переживал забвение, но виду не подавал, а любому искреннему вниманию к себе радовался, как ребенок.

Интерес к Вадиму Алексеевичу вспыхнул с новой силой в 80-е годы. Прошло почти 40 лет, его успели основательно забыть, и вдруг – новый виток популярности! Стали выпускать диски, пластинки, к певцу зачастили журналисты с просьбами об интервью, стали приглашать на концерты. Жизнь, начинавшаяся так блестяще, а потом обошедшаяся довольно жестоко, напоследок вновь милостиво улыбнулась певцу. Он успел увидеть ее улыбку. Вадим Козин скончался 19 декабря 1994 года в Магадане и был похоронен там же, на Марчеканском кладбище.

Можно многое говорить о Козине как о человеке, но пусть этим занимаются досужие сплетники. Мне хотелось вспомнить о Козине – исполнителе, обладателе чарующего мягкого тенора, любимом певце моей няни.

***

– А какая песня Козина твоя любимая? – спрашивала я у няни, уже будучи студенткой. – Дай угадаю! «Песня о дружбе»?

Няня поднимала набрякшие веки. Как она постарела, бедная! И поблекшие глаза уже не струили синий свет.

– Нет, – тихо отвечала она. – Романс «Нищая» на слова Беранже. Он верный.

Словом «верный» няня называла правдивость.

Гораздо позже, когда уже не было ни няни, ни самого Вадима Алексеевича Козина, я узнала, что этот романс был самым любимым и у самого певца:

Зима, метель, и в крупных хлопьях
При сильном ветре снег валит.
У входа в храм, одна, в отрепьях,
Старушка нищая стоит...

Сказать ли вам, старушка эта
Как двадцать лет тому жила!
Она была мечтой поэта,
И слава ей венок плела.

Какими пышными хвалами
Кадил ей круг её гостей –
При счастье все дружатся с нами.
Подайте ж милостыню ей!

Так разве все мы не жаждем милостыни Судьбы в хохочущем водовороте жизни?.. И не радуемся ей как великой милости?..

При написании эссе были использованы статьи: «Не давали забыть, что он сидит в клетке». «Как НКВД сломал жизнь Вадима Козина»; https://rg.ru/2014/01/16/reg-dfo/kozin.html; https://litrossia.ru/item/10906-korol-pate-fona/ и ряд других материалов о певце. Автор приносит искреннюю благодарность за возможность использования этих источников.

Вольный стих на отвлеченную тему

Что рассказать? В общем, все как обычно с утра и допоздна:
Работа, дом, плавящая мозги жара, сухая в саду трава,
Ее надо выпалывать каждый день, и руки привычны к этой работе,
Она всего лишь часть бытия, привычной жизни забота.

Сухие травинки царапают кожу, солнце слепит глаза, глаза…
Рядом дворовый котенок играет, собственный хвост теребя,
Все как обычно, только мысли мои далеко, да мозг выстукивает слова:
«Живая собака лучше мертвого льва, лучше мертвого льва…»

Мозг настойчив, эта фраза повторяется как заведенная,
Откуда она пришла на ум, каким раздумьем рожденная,
Не знаю… Но слова эти не дают мне покоя,
Будто вечность хохочет: «Ну, что, нашла своего героя?»

Вечность шепчет, шипит, издеваясь: «Что ты можешь мне возразить?
Стоит мне опустить ресницы, как жизни прервется нить.
И кому тогда будет нужно – кем была ты, шакалом иль львом
Если будешь в обличье уже, увы, никаком?

Все, что имеет значение, есть только здесь и сейчас,
Прошлого жизнь не знает и не живет про запас».

Я все это знаю, Вечность, не надо мне повторять,
Что в общем и так понятно: жизнь создана, чтобы брать
Ее полной мерой и не грустить о былом.
И сомневаться в этом не надо, а то прослывешь дураком!

Прости меня, Вечность. Больше глупая мысль не наморщит лба,
Я привычно окончу работу, привычно уйду со двора,
Ни словом, ни жестом боле не потревожу тебя.
Разве только что мозг мой, все же, будут мучить слова:
«Живая собака лучше…
Лучше мертвого льва?..»

Жадность к жизни

Наполни смыслом каждое мгновенье
Часов и дней неуловимый бег

Р.Киплинг

Зимой 1921 года в газете «Одесские известия» появилось объявление о смерти некоего Арона Гольдштейна. В те первые послереволюционные годы, в голод и холод, царившие в Одессе, никто бы не обратил на это внимания, если бы внизу под фамилией Гольдштейн крохотными буквами не было бы напечатано в скобках: Сашка-музыкант из «Гамбринуса».

Так рассказывал об этом событии Константин Паустовский в своей «Повести о жизни». И сразу на ее страницах оживали герои этого изумительного произведения, да и облик самого Куприна становился ближе, понятнее и человечнее. Паустовский смог двумя-тремя фразами выразить восхищение Куприным:

«Прямо, в открытую Куприн говорит о любви к человеку не так уж часто. Но каждым своим рассказом он призывает к человечности.

Любовь Куприна к человеку проступает ясным подтекстом почти во всех его повестях и рассказах, несмотря на разнообразие их тем и сюжетов».

Но вернемся к «Гамбринусу» и его знаменитому музыканту. Значит, он действительно жил на свете, этот Сашка-музыкант, а не был только далеким прототипом для Александра Ивановича? Значит, все, о чем писал Куприн в этом рассказе, – подлинно? В это трудно было поверить, потому что жизнь и искусство в нашем сознании никогда еще не сливались так неразрывно. Оказалось, что Сашка-музыкант, давно ставший для своих читателей легендой, литературным героем, жил в Одессе и умер где-то на обледенелой мансарде старого одесского дома.

Хоронила Сашку-музыканта вся окраинная портовая Одесса. И эти похороны были своеобразным завершением купринского рассказа. Куприн в своем творчестве всегда искал силу, которая могла бы поднять человека до состояния внутреннего совершенства и открыть ему дорогу к счастью.

Александр Иванович Куприн родился 8 сентября 1870 года в городке Наровчате Пензенской губернии. Городок этот стоял, по словам Куприна, среди пыльной равнины и каждый год наполовину выгорал от пожара. Место было «унылое и беззвонное». Раннее детство писателя прошло в скучном Наровчате, в обстановке бедной и скудной. Но Куприн любил этот плоский унылый городок, как любят некрасивого болезненного ребенка – прикипая всем сердцем. Самой сильнейшей чертой Куприна как писателя и как человека была неимоверная острейшая жажда жизни. От матери, урожденной татарской княжны Кулунчаковой, будущий писатель унаследовал характерный разрез глаз, широкие скулы и необузданную гневливость. В гневе он был страшен, ярость его не знала границ, и горе было тому несчастному, кто попадался Куприну под горячую руку!

Сам о себе он сказал словами Платонова в повести «Яма»: *«Я бродяга и страстно люблю жизнь! Я был токарем, наборщиком, сеял и продавал табак – махорку-серебрянку, плавал кочегаром по Азовскому морю, рыбачил на Черном, грузил арбузы и кирпичи на Днепре, ездил с цирком, был актером, всего и не упомню. И никогда меня не гнала нужда. Нет, только безмерная жадность к жизни и нестерпимое любопытство».*

В этих словах человеческий и писательский облик самого Куприна. Для него характерна конкретность видения мира. А уж об особенном невероятно остром обонянии Куприна ходили легенды. Его называли самым чутким носом России. Он мог за несколько метров учуять и безошибочно определить любой запах.

Так, по его мнению: *«молодые девушки пахнут парным молоком и арбузом. Дамы преклонного возраста, живущие на юге России, имеют в запахе нотки терпкой полыни, полевых цветов и ладана».*

Куприн поистине поражает своими практическими познаниями в любой области жизни. Обо всем он пишет, как знаток, образно, живо, выпукло и ярко. Вся его жизнь в его повестях и рассказах. Полнее, чем сам Куприн, о ней никто и не скажет.

Отец умер рано. С тех пор у Александра началась сиротская жизнь с беспомощной матерью, жизнь без малейших радостей, но с большими обидами и унижениями. Мать Куприна устроилась во вдовий дом в Москве, и первое время мальчик жил там с нею, а потом его перевезли в сиротский пансион. В этих вдовьих и сиротских домах унижение человека было доведено до степени искусства, унижали изощренно, и самое страшное, что оттуда не было другого выхода, кроме как в больницу или на кладбище. Куприн беспощадно описал жизнь этих заведений в рассказах «Беглецы», «Святая ложь», «На покое», описал жизнь людей, вышвырнутых за ненадобностью из жизни.

На всю жизнь Куприн сохранил ненависть к уменьшительно-ласкательным суффиксам, ибо они напоминали ему речь богаделок и приживалок, вымаливающих лишние куски еды.

После сиротского периода в жизни Куприна начался второй период – военный. Он тянулся 14 лет. Мальчика удалось устроить в кадетский корпус, из корпуса он был переведен в юнкерское училище в Москве, откуда был выпущен подпоручиком и направлен для несения строевой службы в 46-й пехотный Днепровский полк. Стоял полк в захолустных городках Подольской губернии. Очень лаконично и точно описал Куприн эти маленькие города в своих военных рассказах.

В 1894 году Куприн вышел в отставку и поселился в Киеве. Начал работать в киевских газетах и первые свои рассказы писал легко, играючи. Брал, как говорится, талантом, но прекрасно понимал, что без большого жизненного материала долго не продержишься. Надо было уходить в жизнь.

И Куприн, недолго раздумывая, бросился в жизнь, как в реку. Он изъездил всю Россию, меняя одну профессию за другой. Он изучил страну и знал ее особенности. Любил жить одной жизнью с простыми людьми, запоминать их язык. В этом широком погружении в гущу жизни вырабатывалась писательская зрелость, формировался собственный неповторимый стиль.

Большой след в жизни Куприна оставила поездка по заводам и шахтам Донецкого бассейна в 1896 году. Куприн желал изучить быт и работу горняков основательно и устроился на одном из заводов заведующим кузницы-столярной мастерской и проработал там несколько месяцев. Там был собран материал не только для ряда очерков, но и для повести «Молох».

Жизнь Куприна во второй половине 1890-х годов приобрела хаотичный характер. В 1896 году он организовал в Киеве атлетическое общество и с увлечением занимается спортом. В 1897-м он служит управляющим имением в Ровенском уезде. Затем его потянуло к зубопротезному делу. Он прилежно изучает его и работает некоторое время зубным врачом. В 1899 году вступает в бродячую театральную труппу и служит в ней несколько месяцев.

В этом же году судьба приводит его в Ялту. Здесь произошло одно из самых знаменательных событий его жизни – он встретился с Чеховым. Антон Павлович, в свою очередь, познакомил Куприна с некоторыми писателями, жившими в то время в Ялте, и в том числе с издателем петербургского журнала «Для всех» Миролюбовым. Тот, в свою очередь, пригласил Куприна в Петербург и предложил ему должность секретаря журнала. Куприн согласился и осенью 1901 года переехал в Петербург.

В ноябре 1901 года, вскоре после приезда, Куприн вместе с Иваном Буниным, с которым познакомился еще в Одессе, посетил издательницу журнала «Мир Божий»

Александру Давыдову. Приемная дочь Давыдовой Мария Карловна, слушательница Высших Бестужевских курсов, девушка умная и красивая, сразу же привлекла внимание Куприна. При встрече с ней он смутился, как мальчик, и сразу же спрятался за спину Бунина, что выглядело и смешно, и мило: широкий в кости, большой и высокий Куприн за сухощавым, не очень высоким и элегантным Буниным. Бунин не растерялся и громко произнес, балагуря:

– У вас товар, у нас – купец. Разрешите представить вам жениха. Талантливый беллетрист, недурен собой... Александр Иванович, – обратился он к другу, – повернись-ка к свету!.. Ну... Как вам, Мария Карловна?...

– Нам ничего, – смеясь, подхватила шутку находчивая Маша. – ...Мы-то что. Как маменька прикажут...

Муся, как называли в доме Давыдовых Марию Карловну, была очень смышленой, бойкой и острой на язык. Она знала себе цену и умела преподнести себя в нужном свете. Но, как оказалось, Муся умела оценивать не только себя. Она мгновенно разглядела в Куприне талант великого писателя.

«Муся была подкидыш, – вспоминала знакомая Давыдовых. – Ее младенцем принесли к дверям Давыдовых... Очень хорошенькая... Ее портил смех, недобрый, немолодой. Точно она говорила: «Какие вы все дураки, и до чего вы мне надоели...»

В феврале 1902 года Маша станет женой Куприна. Невеста, правда, признается знакомой: «Знаете, маме хочется, чтобы я вышла за Куприна...» «А вам-то самой хочется? – спросит та и добавит: – Не выходите зря. Не надо. Он в вас по-настоящему влюблен». Невеста ответит: «Знаете, что мама сказала? Выходи. У нас будет ребеночек. А потом, если Куприн надоест, можно его сплавить, а ребеночек останется».

Так и случится. Через одиннадцать месяцев после свадьбы у них рождается дочь Лида.

Приемная мать Муси, скончавшаяся через несколько недель после Мусиной свадьбы, завещала дочери третью часть в своем журнале. По настоянию жены, членом редколлегии журнала вскоре стал и Куприн.

Свое намерение сделать из Куприна корифея и классика Муся воплощала в жизнь нежно, но решительно. И писатель сам был полон творческих планов. В первое же проведенное с молодой женой в Крыму лето он написал три прекрасных рассказа. А вскоре была начата и новая крупная вещь, задуманная при горячем одобрении Муси, – повесть «Поединок».

Мария Карловна возлагала на это произведение большие надежды. Ей казалось, что Куприн недостаточно усерден, и работа движется слишком медленно. Маша царственным жестом указывала мужу на дверь: «Сначала «Поединок»! А до той поры я для тебя не жена!..»

Куприн писал несколько страниц, робко стучался в дверь, та приоткрывалась (была на цепочке), писатель протягивал в щелку исписанные листы бумаги, и дверь... захлопывалась. Писатель покорно ждал, пока благоверная прочтет написанное. Только прочитав и убедившись, что муж действительно принес ей новые страницы повести, Муся милостиво распахивала дверь.

И через пять лет все разом всплыло в его памяти: обиды, несправедливости, горькие обидные слова, вырывавшиеся из уст жены. Стереть из памяти, забыться в объятиях зеленого змия. Что делать, если досталась ему такая красивая и такая безжалостная супруга!

Главная героиня «Поединка» Шурочка словно списана с Муси: «*...Слушай же: я расскажу тебе, как ты красива. Слушай. У тебя бледное и смуглое лицо. Страстное лицо. И на нем красные, горящие губы – как они должны целовать! – и глаза, окруженные желтоватой тенью... Когда ты смотришь прямо, то белки твоих глаз чуть-чуть голубые, а в больших зрачках мутная, глубокая синева. Ты не брюнетка, но в тебе есть что-то цыганское. Но зато твои волосы так чисты и тонки и сходятся сзади в узел с*

таким аккуратным, наивным и деловитым выражением, что хочется тихонько потрогать их пальцами. Ты маленькая, ты легкая, я бы поднял тебя на руки, как ребенка...»

Муся была его инспектором и цензором, но к чести ее надо признать, что цензором весьма прозорливым.

Как-то Куприн обиделся на колкое замечание жены и, порвав рукопись на части, бросил в помойку. Через три месяца он пожалел об этом и сказал жене, что в той рукописи *«было кое-что недурно»*, и жаль, что он ее порвал. Маша усмехнулась и вытащила из комода склеенные ею страницы... «Машенька! Это же чудо! – кинулся он целовать ее. – Неужели ты сохранила?»

Впрочем, они стоили друг друга… В середине девяностых молва о знаменитых пьяных загулах Куприна грозила догнать его литературную славу.

Это ведь про него ходили стишки: *«Если истина в вине, сколько истин в Куприне!»* Это Куприн однажды пригласил в ресторан весь мужской хор Александро-Невской лавры, чтобы пели лично ему.

Или еще эпиграмма, посвященная Куприну: *«Водочка откупорена, плещется в графине. Не позвать ли Куприна по этой причине».*

В мае 1905 года в свет вышел «Поединок». Успех был неслыханным! Слава Куприна начала приобретать не только всероссийский, но и мировой уровень.

Но Куприн несколько даже тяготился обрушившейся славой. Он часто говорил, что писателем стал случайно, и собственная слава его удивляет.

У него был дар мгновенно сходиться с людьми, сходиться легко и даже как-то по-гусарски! Он мог поехать с дачи в Петербург, чтобы отвезти в редакцию новый рассказ и вернуться через три дня в сопровождении разношерстной пьяной компании. Мог по нескольку раз отбивать телеграмму государю, о том, что пьет за его здоровье. Кстати, и государь отвечал с юмором: «Закусывать надо!» Мог снять номер в лучшей столичной гостинице и поселить там цыганский табор. Неуемная яростная кровь татарских князей Кулунчаковых клокотала в нем.

Нелегко было мужу с такой женой, но и нелегко было Мусе с Куприным.

И вот накануне Рождества 1907 года по Петербургу поползли слухи, что Куприны разводятся. В канун пятилетия свадьбы Александр Иванович ушел из дому. Сняв номер в гостинице «Пале-Рояль», он пустился в очередной загул, запретив пускать к себе кого-либо. Исключение сделал лишь для Федора Батюшкова – близкого друга, профессора истории и литературы, владельца имения Даниловское, в котором несколько летних сезонов жили Куприны.

Именно Батюшкова и попросил Куприн отыскать некую Лизу Гейнрих, милую ясноглазую девушку, которая когда-то помогала незабвенной Александре Давыдовой накрывать праздничный стол по случаю свадьбы Куприна с Марией Карловной!

Поистине, чего только не случается на свете и любовь ведет нас тропинкою узкою, волк подчас по такой тропе идти боится….

Елизавета Гейнрих была знакомой супруги Батюшкова, иногда гостила в Даниловском, где бывали и Куприны. Отец Лизы, венгр по национальности, участвовал в венгерских революционных событиях 1848 года и, спасаясь от преследований, бежал в Россию. Его старшая дочь была женой писателя Мамина-Сибиряка. В семье сестры жила и Лиза. Именно Мамин-Сибиряк познакомил юную свояченицу с Александрой Давыдовой. Скромная воспитанная девушка пришлась по нраву издательнице, и Лиза стала частой гостьей в ее доме.

Однажды Лизу пригласили в имение Батюшкова, где в то время гостили и Куприны. Их четырехлетней дочери Лидочке нужна была гувернантка и 25-летняя Лиза Гейнрих стала воспитательницей девочки. Но прошло совсем немного времени, и Куприн увлекся Лизой. Чувство оказалось взаимным, но мучительным. От решения Лизы зависела не только ее и его судьба, но и судьба его ребенка. И день, когда обманывать себя стало невозможно, все-таки наступил.

Покидая Даниловское, Лиза написала жене Куприна короткое письмо: «Срочные обстоятельства настоятельно требуют моего немедленного отъезда. Сожалею, что не могу быть более полезной вашему семейству».

И вот теперь, по прошествии года, на пороге госпиталя, где трудилась сестрой милосердия Лиза, возник Батюшков. Он просительно заглянул ей в глаза и произнес быстро, будто боясь, что ему не дадут договорить: *«Елизавета Морицевна, он погибает. Вы – единственный человек, который еще может его спасти. Никого, кроме вас, Александр Иванович не послушает. Мария Карловна отступилась. Он один, совершенно один».*

Батюшков говорил еще что-то, но Лиза уже не слышала. Только те, первые, самые страшные слова «Он погибает» пульсировали в висках.

Сняв косынку, она твердо сказала Батюшкову: «Я поеду с вами, Федор Дмитриевич».

Любовь Лизы Гейнрих сделала то, на что уже, казалось, не было надежды – вернула Александра Куприна к литературному творчеству.

В марте 1907 года он вместе с Лизой уехал в Гурзуф.

Лето снова прошло в Даниловском, где так трагически начиналась их история и где на этот раз Куприн писал одно из самых своих прекрасных произведений о любви – повесть-жемчужину «Суламифь».

Все права на написанные до развода произведения он оставил Марии Карловне и Лидушке. Жизнь с Лизой начиналась с чистого листа.

В Петербурге Александр Иванович жить более не желал.

После нескольких лет скитаний по югу России он поселился в Гатчине в небольшом, купленном в кредит домике, окруженном старыми деревьями. Кто только ни гостил у Куприных в этом доме: циркачи, ломовые извозчики, художники, авиаторы, актеры. И все гости души не чаяли в Елизавете Морицевне – всегда приветливой, гостеприимной, радушной и внимательной. Иногда она покупала к обеду по 16 фунтов мяса (это примерно 8 килограммов!), ведь надо было накормить всех гостивших!

Ради мужа Елизавета Морицевна готова была выдержать все: разрыв с близкими, так и не примирившимися почему-то с ее браком, вечную суматоху и безденежье в доме, эмиграцию, смерть младшей дочери, трехлетней Зиночки. И даже расставание с любимой старшей дочерью – красавицей Ксенией, не пожелавшей в 37-м году вернуться с родителями на Родину. Единственное, чего Лиза так и не смогла вынести, – это жизни без мужа. В 1942 году, через четыре года после смерти мужа, она повесилась в оккупированной фашистами Гатчине.

Куприн не мог приспособиться к жизни вдали от Родины.

Не потому ли так щемяще нежна и горька написанная им в эмиграции изумительная повесть «Жанета», об одиночестве старого русского профессора, потерявшего под конец жизни все, кроме двух привязанностей – бродячего кота Пятницы и соседской девочки Жанеты.

В интервью, данном сотруднику одной из эмигрантских газет, Куприн сказал: *«Писал здесь в Париже Тургенев, он мог писать вне России, у него был здесь собственный дом и главное – душевный покой. Горький и Бунин на Капри писали прекрасные рассказы, но ведь было у них чувство, что где-то далеко есть свой дом, куда можно вернуться, припасть к родной земле. А ведь сейчас у нас чувства этого нет. Скрылись мы от дождя огненного, жизнь свою спасая. О чем же писать? Ненастоящая жизнь здесь. Писать о России по зрительной памяти я не могу. Когда-то я жил там. О чем писал? О балаклавских рабочих писал. Жил их жизнью, сроднился с ними. Меня жизнь тянула к себе, интересовала. Сейчас этого нет»*.

Он с восторгом принял Февральскую революцию, но по отношению к Октябрьской взгляды его были неоднозначны. Он не верил в ее успех.

В состоянии полной растерянности Куприн эмигрировал в 1919 году во Францию. За границей он тяжело заболел. Болезнь усугубила тоска по Родине. Наконец, весной 1937 года Куприн вернулся в Москву. Встречали его торжественно, для пожилого писателя была приготовлена уютная тенистая дача, обставленная в русском народном стиле. Все было создано, чтобы Куприн, вдохновившись видами родной природы, начал бы творить с удвоенной силой. Но было, к сожалению, слишком поздно. Куприн умер 25 августа 1938-го, через год с небольшим после возвращения. Похоронили его на Литераторских мостках в Ленинграде, неподалеку от могилы Тургенева. Рядом с Куприным покоятся жена, Елизавета Морицевна, и дочь Ксения, умершая в 1981 году.

От первой дочери Лидии, прожившей 21 год, у Куприна был единственный внук, Алексей. Но, к сожалению, он не успел оставить потомства. Умер в 22 года от заболевания сердца, возникшего в результате контузии, полученной на фронте.

К настоящему времени прямых потомков у Куприна не осталось.

Казалось, он один из всей семьи сосредоточил в себе полноту и мощь жизни, ее неукротимый поток. Он, так яростно и так полнокровно живший, вобрал в себя все богатство бытия, не расплескивая его на близких.

Он любил изображать реку жизни в ее повседневном течении. И она всегда достоверна и ярка у Куприна. Не выдуманные герои, а реальные люди, представали перед читателями во всем величии духа и живые до последней черточки. Куприн всегда старался отыскать в людях искорку святого и светлого, а не в этом ли главное предназначение литературы? Не принизить, а возвысить, возродить! О, для этого нужно очень сильно верить в человека. Куприн верил…

«Даже цветы на Родине пахнут по-иному», – написал он перед самой смертью. И в этих незамысловатых, но таких искренних строках выразилась его любовь к родной земле и трогательное прощание с ней.

«Мы должны быть благодарны Куприну за все – за его глубокую человечность, за его тончайший талант, за любовь к своей стране, за непоколебимую веру в счастье своего народа и, наконец, за никогда не умиравшую в нем способность загораться от самого незначительного соприкосновения с поэзией и свободно и легко писать об этом».

Так проникновенно мог написать о Куприне только один человек. Писатель, обладавший даром невероятного деликатного и поэтичного видения жизни, человек, чье 130-летие со дня рождения отмечалось в майские дни 2022 года – Константин Георгиевич Паустовский. И мир наш действительно очень богат, ведь в нем жили и творили такие люди: Александр Иванович Куприн и Константин Георгиевич Паустовский.

23 октября вместе с нами отмечает свой День Рождения выдающаяся актриса азербайджанского Театра русской драмы Людмила Духовная.

Без малого шесть десятков лет служения сцене, невероятная преданность своему делу и родному городу. Талантлива, красива, с непростым характером, при этом никакого намека на звездность. Находясь на вершине, она не потеряла способности сомневаться. А главное, она творит, несмотря ни на что!

Дорогая Людмила Семеновна, от всей души поздравляю Вас и желаю не болеть, ну, хотя бы в ближайшие лет 20!!! А все остальное у Вас есть.

Ниже мой корявый литературный опыт – посвященный Вам рассказ.

Эмин М.

ПЯТЬ ШАГОВ

Л. Духовной посвящается

Она. Она была актрисою… Этим утром Она проснулась раньше обычного. Хотя можно ли назвать сном то, что с ней происходило вот уже которую ночь?! Она просто решила, что наступило утро, прочертив сознательно границу между двумя состояниями, выйдя из-за кулис сна на сцену бодрствования. Успокоительные капли на столе, текст «Сада», отдельно слова Раневской (как давно она жаждала этой роли!), стихи никому не известной поэтессы, пьеса доморощенного драматурга… Как же ей надоели эти дилетанты от пера! Наконец-то настоящая классическая роль у абсолютно профессионального режиссера! Но мысль эта согревала недолго: она вдруг вспомнила, что и Он начинал свой путь не с гуманитарным корешком в кармане, да и долгожданная роль никак не дается…

Он. Он не был красавцем. Ни дивный рост, ни ширина плеч, ни простынно-подушечная ловкость не были сильными сторонами этого, тем ни менее, невероятно манкого и столь же уверенного в себе человека. И если первым Она обладала от рождения, то второму училась всю жизнь. В том числе и у него. Она уже с трудом вспоминала детали их знакомства, те романтические мелочи, что еще пару десятков лет назад могли согреть душу, нахлынув воспоминанием в какой-нибудь зябкий осенний вечер. Все давно и надежно растворилось в прошлом. Но забыть его глаза?!… Те, образца их совместной молодости… Глаза, которые смотрели на Нее не только любовно, но стали очень скоро глазами наставника, учителя, отца, если угодно, бога… Забыть их было невозможно! Как невозможно было их… предать.

Умывалась Она долго – тянула время. Нужно было еще заехать в салон, уложить волосы и «нарисовать» лицо. Когда дело дошло до ополаскивателя зубов, обнаружилась его сомнительная лужица на дне плоской пластиковой бутылки под Ее смачный «французский»... Чашка бодрящего кофе, телефон на кухонном столе и Она в легком халате, бросившая на экран своего ручного гаджета брезгливый взгляд. **ОНИ** должны были позвонить еще и утром. Зачем?! Ей казалось, что все вопросы уже оговорены, к чему эти формальные звонки?! Как ни странно, Она меньше всего сейчас думала о НИХ – да, Она примет участие в этой передаче, да, но для себя Она решила, что будет говорить объективно. Это возможно! Хотя… кого Она обманывает?! Однако Раневская занимала ее почему-то куда как больше, ее Раневская. До премьеры оставалось всего ничего, декорации еще не были готовы, талантливый режиссер, которого работа над формой (что говорить, в его случае гениальная!) волновала куда крепче проработки образов, затянувшийся застольный период – все это бесило, но,

по большому счету, было вне зоны ее ответственности. Вот что делать с Раневской, с ее Раневской?! Стоило ли все это затевать, чтобы играть режиссерскую Раневскую, не свою?! В иной ситуации, в другом театре это можно было бы назвать конфликтом, но обстоятельства складывались так, что Она не могла допустить и мысли о конфликте. Она рисовала себе трагический образ своей героини, несколько мрачный и невероятно глубокий, а от нее требовали комедийности. Она находила, что само определение «комедия» у автора формально, постановщик же не очень нудно, но уверенно объяснял, что «комедия» – это способ подачи материала на сцене, и требование это относится прежде всего к ним, к актерам.

Смакуя ароматный напиток, находя лишь в нем единственную радость этого ужасного утра, Она вышла на крохотный балкон своего пятого этажа. «Пять этажей, пять шагов вперед к роли», – вспомнила Она. Да, именно так Он пытался толковать систему Станиславского. Право, это было смешно, как будто это Он, а не Она, закончил театральный. Иногда Он, устроив на переносице реквизитное пенсне, кричал: «Не верю!», и в этом был искрометный юмор и что-то еще, очень доброе. Нет, он еще не был самодуром, но нечто тираническое в нем уже можно было увидеть... Она вернулась. Проклятый телефон все-таки зазвонил с последним глотком успевшего подостыть домашнего а-ля-капучино – Они. Сдерживая раздражение, Она подтвердила свое участие и нарочито принялась уточнять детали, хотя прекрасно знала ответы на все свои вопросы. Они были, как всегда, вежливы, Она – сдержана, и тоже, как всегда. Голос из динамика подытожил: «Ну, я чувствую, что Вы в замечательном расположении духа, а значит, все пройдет нормально». Она даже улыбнулась. Нет, не звонившему, своему отражению в небольшом кухонном зеркале: «Поверил!»

Звонок заставил ее мозг поменять доминанту. Она вспомнила вчерашний эфир, где некогда коллеги, те, кого Он поднял на самый высокий пьедестал, травили своего вчерашнего гуру, не стесняясь в выражениях, замешивая их на откровенной лжи. Самое смешное, что Ее личный счет к этому человеку был во сто крат длиннее того, что могли предъявить Ему все эти «деятели культуры», вместе взятые. Однако ни Его измены, ни Его упрямое нежелание оценить ее по достоинству как актрису, никого из НИХ не интересовали, и в это странное трио (Он, Она, Они), в эти предлагаемые обстоятельства Она вписывалась меньше всего.

К счастью, лифт работал: колено не выдержало бы спуска с пятого этажа. Пять этажей… Пять шагов вперед… Она вдруг вспомнила его тихий голос, почти физически почувствовав его здесь и сейчас, в этом душном лифте. Не понимая, как принцип «Самосовершенствования» применим к отдельно взятому образу, считая, что это некий перманентный процесс, следовать которому нужно больше вне сцены, нежели на ней самой, она отчаянно спорила тогда, на переломе десятилетий. Но Он умел убеждать, убеждать и объяснять, как можно и нужно расти в работе над ролью и даже на сцене, всякий раз, даже тогда, когда отыграла в этом образе свой N-ный спектакль. Да, Она слышала его голос, тот молодой, лишенный нынешнего придыхания, когда Она робко заговорила об альтернативном методе Мейерхольда: «Тебе рано!»... Он умел обидеть. И, судя по всему, не Ее одну.

Не поздоровавшись со своим водителем, Она сухо сказала: «В салон». Из окон автомобиля залитый солнцем город казался мрачным. Ехали молча. Она вспомнила, как получила от Него в подарок к дню рождения пьесу, Его лучшую пьесу, пьесу, в которой Она так и не сыграла. Зато были другие постановки, в которых Он с неистовым наслаждением играл роль Режиссера. Интересно, смог бы Он поставить «Сад» или что-то другое, с не им придуманными героями, с сюжетом не из его головы?! Она ненадолго мысленно вернулась в театр. Настроения эта ментальная перемена не улучшила. Лопахин раздражал немыслимо своей, столь не свойственной Ей самой, самоуверенностью, Фирс был так глуп в жизни, что и наигрывать особо не приходилось… Раздражала вечно не знавшая текста молодежь. Но все это худо-бедно можно

было пережить. А вот что делать с Шарлоттой: уж очень быстро актриса нашла себя, моментально вписалась в режиссерскую концепцию?! На фоне собственных, пока еще не удачных поисков, факт этот досаждал Ей немыслимо. Понимая, что это элементарная актерская зависть («все мы такие, не я одна!»), Она все же чувствовала, как злость с партнерши плавно переходила на саму себя.

О-оо, Она умела ненавидеть себя! И вот сейчас, сидя в кресле субтильного визажиста и наблюдая за тем, как ее лицо принимает привычные для зрителя очертания, Она все чаще задавала себе вопрос: «Что я делаю, черт возьми?!» Было очевидно, что камни полетят в нее при любом раскладе. Более того, если Она примет участие в этом откровенном шабаше, явно бессмысленном и организованном на скорую руку, камней этих будет, возможно, не меньше, и уж точно они будут намного тяжелее. Она не могла сформулировать для себя, что бы ее ожидало, скажи Она Им нет?! Вот просто, по пунктам… И уж точно, Ей не нужно было от Них ровным счетом НИ-ЧЕ-ГО...

Оказавшись вновь в авто, посмотрев сквозь своего единственного на этом момент сидящего за рулем зрителя и дав ему очередную лаконичную команду, Она почувствовала себя плохо. Вопрос «Что я делаю?!» стал бить в висок, давая почти физические ощущения. Нервы явно сдавали. Она не сразу поняла, что мобильник проснулся в ее не по-летнему плотной сумке. Запустив туда руку, Она, к изумлению водителя, выловила из нее не телефон, а пузырек с валидолом. Нет, Она не могла понять, для чего все это, почему именно Он?! Вспоминая сейчас травлю Эфроса труппой Таганки, режиссера, у которого Ей выпало счастье играть, жуть давно минувшего буквально пригвоздила ее к креслу, хотя никаких очевидных параллелей мозг не рождал. Да и какие тут могут быть параллели?! Конечно, не могут: Он не Эфрос, хотя и вчера с экрана главного канала блевали желчью неблагодарности и очевидного свинства далеко не Филатов с Шацкой: растерянные физиономии «местного Казановы» и его вечного приложения, этой участницы забега за званиями, автора нашумевшей монографии «Флористика в поэзии Ахматовой», возникли перед Ее глазами и вызвали не то жалость, не то омерзение, не то помесь того и другого. Но дело даже не в этом: там, в далеких 80-х, все было ясно, у каждой стороны – своя правда. А какая правда у Них, у Них нынешних?!

Машина завязла в очередной пробке. Мальчик (так она называла своего водителя) загрустил. Город был утомлен затянувшейся весной, никак не переходящей в полноценное лето – все, как тогда, в их заканчивавшуюся весну, ту, что никак не хотела переходить в лето. Был ли Он влюблен?! Нет, не так. Любил ли?! Господи, разумеется, любил. Тогда почему?!... Слишком много риторических вопросов в последнее время. Или это жалкая попытка оправдать себя? Собственно, за что Его так?! Он даже не был постановщиком этого «скандального» спектакля, да и сам спектакль шел за сотни километров отсюда, в других городах, других странах. Обычная антреприза, которая вот уже несколько лет разъезжает почти незамеченной. Но это Его пьеса, не гениальная, но вполне себе крепкая работа… Черт Ее дернул полететь на премьеру!

Подъезжая к телецентру, Она вдруг подумала, что вот сейчас должен грянуть гром, небо просто обязано затянуться тучами, все, как в дурном романе, но нет... Солнце ласкало, оно было за Них, оно уже предало. Она еще с минуту сидела в припаркованной машине. Затем, открыв дверь и сделав шаг, остановилась. Она припомнила далекий 75-й, когда все тот же Эфрос пригласил ее на премьеру «Вишневого сада», поставленную им в любимовском театре. О-оо, это было явление! Она сделала еще один шаг и вновь замерла от удивления. Нет, не оттого, что память сработала в столь неподходящий момент, нет. Ее удивило то, что за столько недель работы над ролью Она и не вспоминала об этом спектакле. О других – да, об этом почему-то нет.

Еще один шаг дался ей тяжело, ноги стали ватными.

Перед Ее глазами был Высоцкий-Лопахин, и Она представила себе, каким бы он был сегодня, как бы вел себя в этом паскудном мире, какую сторону баррикад предпочел бы?!

Шофер закурил в открытое окно, когда Она сделала свой четвертый шаг... Стоп!... Алла Демидова!... Она не собиралась копировать ее игру. Это было бы невозможно, поскольку у Демидовой было все, кроме одного, Ее обаяния. А что если?!... От предвкушения чего-то еще неведомого, неясного, туманного у Нее забилось сердце, и какое-то совсем материально ощутимое счастье наполнило грудь. Она сделала еще один шаг, и руки ее, раскрывшись небу, дали свободу глотке, а немногочисленные люди на стоянке, впав в ступор, услышали ее крик:

– Да-аааааа!!!... Да, черт побери!

Да, Она уже знала, как играть! Как играть так, чтобы удовлетворить режиссера, не подвести коллег, а главное – не изменить самой себе. Она воспользуется демидовским цинизмом, Она помножит его на свое природное обаяние, Она… Она знает, знает, как это будет!!! Трио (Он, Она, Они) распалось: отныне есть только Она, а точнее, Любовь Андреевна Раневская, Ее Раневская!

Увидев, что хозяйка развернулась, водитель, казалось, понял все. Парень сделал то, чего от него никогда не требовали: выйдя из машины, он открыл для нее заднюю дверь, трансформировав в миг свой статус единственного зрителя в статус партнера. У нее появился партнер, а значит, по всем законам театрального искусства, Она просто обязана с ним взаимодействовать. Она сияла, улыбка обнаруживала ее морщины, но сейчас это было неважно! Она была счастлива! С каждым из пяти шагов назад Она все больше делилась своим счастьем с партнером.

– Куда? – спросил тот не то словами, не то блеском своих юношеских глаз.

И Она ответила. Ответила голосом и интонацией своей некогда сценической мамы, ее финальной репликой из спектакля, который шел в те давние времена, когда Мальчика еще и на свете-то не было:

– В Театр!...

Она была Актрисою.

Все персонажи и события данного произведения вымышленные.
Любые совпадения случайны или являются плодом воображения читателя.
Хотя ... как обойтись без него ... без воображения?!...

АРТЁМ ТАСАЛОВ

Старое фото

Сейчас я старше своего отца
На этом фото – правда, мы прекрасны?
Он был в разводе с матерью давно,
Приехал навестить меня в изгнаньи,
Которое дано мне было свыше
Как милость и призвание, и крест
Благословенный, но тогда еще
Не понимал я этого нисколько
И нянчил в сердце сладостную боль
Покинутого близкими ребенка.

Так мы взрослеем медленно и длим
Недоуменье детское, как сон
Блаженный, не желая просыпаться
В пространство обнаженное, как в мир
Мы с гневным криком некогда пришли,
Слез возмущенья не стыдясь нисколько.
И дал бы Бог нам к старости успеть
Проснуться и принять себя такими,
Какие есть мы в сердце бытия,
И принести Ему благодаренье.

Лягушка

Из глубины лиловой, где покуда
от нас сокрыта тайна бытия,
наверх плывёт осколок изумруда,
невыразимость вечности тая.

Царевна влаги, спящая веками,
чей глаз велик, как полная луна,
перебирая длинными ногами,
она всплывает с илистого дна.

Потом на глади темного болота,
где солнца блик, как золото, течёт,
она лежит в объятиях дремоты
и синеву распахнутую пьёт.

А день живёт, колышется над нею...
Когда ж проглянет первая звезда –
она нырнёт, и, медленно немея,
над ней сомкнётся черная вода.

Однажды

Узор сознанья растворится,
И выпорхнет из клетки птица,
Мгновенно канув в синеву;
Еще возможно улыбнуться,
К ребенку нежному нагнуться,
Погладить вещую траву.

Еще прозрачный день осенний
Блеснет кристаллом Воскресенья,
Взорвется алая листва;
И снегопад как чудо света
Укроет мертвого поэта,
Совсем забывшего слова.

Еще отец посмотрит строго,
И мать обнимет у порога,
Обнимет брат виолончель;
И вспыхнет память изумрудом!
Страниц исписанные груды
Исчезнут в пламени очей.

Еще жена протянет руки
Вослед немыслимой разлуке,
И долго таять будут звуки
Живого голоса средь звёзд;
Сосуд скудельный разобьётся,
И эхо больше не вернётся,
И тень уже не шевельнётся,
И это все уже всерьёз.

Так дети в кубики играют,
Бомжи бутылки собирают,
И старцы так не вытирают
Солёные алмазы слёз.

И только Дух животворящий
Шепнёт возлюбленной скорбящей
Глаголы вечные свои,
И развернёт свои знамёна
Душа в земле Армагеддона –
Знамёна Правды и Любви!

****

Набухших почек крутизна.
Взорвутся завтра, послезавтра...
Скажи мне, жизнь моя, Весна,
Кто сочинил тебя, кто автор?

***

Дети играют и в ходе игры забывают
о том, что они играют...

Орфей

Ирине

Алкоголь примиряет с разорванной тканью судьбы,
вещий сон забывается, прячутся даймоны в тень,
и опять ты бредёшь, как бы свой, в сердцевине толпы,
освещая глазами мучительно гаснущий день.

Вещий сон забывается, прячутся даймоны в тень,
не по дням – по часам ты глупеешь и катишься в синь,
в эту чёрную синь, в этот траурный бархат, сирень,
словно гроздья салюта, из бездны безумия вынь.

С этим грозным букетом бредя в сердцевине толпы,
о, как чуден ты, брат! о, как лик твой обуглен печалью!
где я? кто я? в плену предначертанной Богом тропы,
сам не зная себя, сам к себе я однажды причалю.

Освещая глазами мучительно гаснущий день,
прижимая сирень, словно траур, к холодному сердцу,
наяву превращаюсь в безмолвную вещую тень,
ты меня не узнаешь, любимая, я не узнаю...

Печаль

Если душу выкрасить в чёрный цвет
И украсить звёздами алых ран, –
Персефона выйдет на белый свет,
Пригласит тебя в золотой туман.

И её мгновенно узнаешь ты,
Потому что память твоя пуста.
И в груди твоей расцветут цветы
Темно-синие, как её уста.

Изумрудный кубок в ее руке,
На плечах ее – серебристый плащ.
Только ты не стой перед ней в тоске,
Удержи себя: улыбнись, не плачь.

Поклонись ей вежливо, пригуби
Воду Стикса и – вслед за нею – в даль
Золотого сна, как во сне, греби...
Это всё, что есть у тебя, печаль.

В развалинах сна

Брожу среди псковских развалин,
Как в чьём-то потерянном сне.
Задумчиво-нежный, как Сталин,
И грустный, как бомж на Луне.

Я верил, что мир – это Благо,
Я ждал тебя, Дева-Любовь.
А ныне стихи на бумагу
Стекают, как чёрная кровь.

Я был или не был поэтом?
Теперь уже разницы нет.
Загробным сиреневым светом
Наполнился мой интеллект.

И в этом таинственном свете,
Гуляя в развалинах сна,
Я знаю: мы – мёртвые дети,
Которых уносит волна.

Житейское море абсурда,
Мы чистые жертвы твои.
Глаза молодого манкурта
Проводят нас взглядом любви.

Яблоки

Владимиру Антропову (Радуге)

Собираю яблоки
На заброшенной даче
Солнечный день
Октябрь

Трава ещё зелёная
Вся-вся усыпана
Стою на коленях
Удобней так

Преклонив колени
Собираю яблоки
И улыбаюсь

Господи здесь я
Где Ты поставил
Вечная осень
Солнечная плоть

Надежда

Суметь дожить до декабря,
До двадцать первого числа:
Переломается заря
И станет снова весела;
И побегут опять ручьи
Из-под глубоких льдов забвенья,
И солнце выпустит лучи
Бродить в лугах стихотворенья.

Стихотворенье – вот оно –
Из-под пера само творится;
В распахнутое так окно
Влетает звонкая синица:
Глазенки-бусинки блестят,
Как жизнь сама – ее явленье...
Снежинки памяти летят,
Творя живое сновиденье.

И не понять уже, где – сон,
В котором умер свет небесный,
Где – явь, с ручьями в унисон,
И колокольный звон воскресный...
Где птица смотрит, как душа,
И где душа, как птица, рвется;
Где смотришь в бездну, не дыша,
И прямо в сердце сходит солнце...

Сонет №3

Отчаяться и, голову склоня,
Стоять столбом, являя покаянье.
Невыразимость! Вырази меня!
Иль отрази молчанием в молчанье.

На склоне лет и на закате дня –
Родиться вновь и обрести дыханье:
Сухою веткой взять того огня,
Которым вечно дышит мирозданье.

Прощальным светом встретить мотыльков,
Познавших Бога как стремленье к свету!
Се: слово – свет! Я встретить вас готов.

Немой поэт! Кто знает муку эту?
Немой поэт поистине не нов.
Дивитесь говорящему Поэту!

Муза

Как слеза солона и прозрачна,
Как огонь горяча и тонка,
Эта девушка с рюмкой коньячной
Наблюдала его свысока.

И веснушчатый мальчик советский,
Коим был я столетье назад,
Устремил на неё свой недетский,
Свой тяжелый, задумчивый взгляд.

Их взаимность была неизбежной,
И тогда появился на свет
Перламутровый, нежно-мятежный,
Не на шутку серьезный поэт.

*** * ***

у человека нет имени
у человека нет дна
у человека только
печаль одна

печаль синяя
печаль красная
печаль чёрная
печаль белая

синяя печаль – небо
красная печаль – кровь
чёрная печаль – солнце
белая печаль – смерть

*** * ***

Блёстки мелкого снега,
Как алмазная пыль...
Прихотливая нега,
Чудотворная быль.

Смыслы ангельской речи
Чуть касаются лба...
Зимний день бесконечен,
И прозрачна судьба.

***

Когда покачнётся мой мир,
Я крепко схвачусь за Дерево (любое дерево – Дерево),
Оно станет моим Вергилием в карусели иных миров.
Он удержит мой ум от паники и укрепит мой дух,
Сжимая меня в объятьях воспетых мною ветвей и листьев,
Особенно листьев кленовых, с которыми я побратался,
Покуда шел по земле забвения,
Повторяя, «ты где?.. ты где?...»

***

Однажды в погоне за смыслом
Издохнет последняя мысль,
И губы качнут коромыслом
Надменную звёздную высь,
И грохнется гордое небо
На грядки роящихся дач
Краюхами вещего хлеба...
На всех его хватит, не плачь.

Путь кленового листа

Господи! Позволь мне прежде пойти
и похоронить отца моего.
Но Иисус сказал ему: иди за Мною,
и предоставь мёртвым погребать
своих мертвецов.

(Еванг. от Матфея 8:21-22)

Сказал и посмотрел бездонными глазами
На суету миров, не знающих себя.
Он был совсем один, единственный, но с нами
Любовью был самой, неистово любя.

И ненависти тень не смела прикоснуться
Его пречистых уст, его пречистых стоп.
Он знал, что всем дано когда-нибудь проснуться,
С любовью навсегда соединиться чтоб.

Пойдём! – Он лишь сказал, – возьми себя с собою:
Чело своё и грудь, и руки для Креста.
И человек пошёл, растождествив с толпою
Себя – он выбрал Путь Кленового Листа.

...И Ветер прошептал единственное Слово
Кленовому Листу, и обезумел тот,
И вышел из себя, и Клён Златоголовый
Блаженно осознал блаженного исход.

В зияющий провал, в небытие как будто,
В могилу пустоты – он бросил сам себя...
И он уже не знал, что совершилось чудо,
Любовью став самой, неистово любя.

Он выбрал Путь Кленового Листа...

В своих мемуарах «Минувшее – навстречу» Чингиз Гусейнов вспоминал одноклассника Володю Тасалова, с которым они с равным азартом грызли гранит науки, сражались в шахматы и оказывали знаки внимания одной девочке – эвакуированной из Москвы, а после школы, сразу после окончания Войны, с худыми чемоданчиками уехали покорять столицу. Тасалов тогда сымпровизировал: «Затянув потуже пояс, сел я на московский поезд».

Жизнь, наверное, удалась: Тасалов стал доктором искусствоведения, а Чингиз Гусейнов ещё при жизни – классиком азербайджанской литературы. Как рельсы, начинавшиеся на одной станции, разошлись в дороге друзья, но в своей памяти они никогда не теряли друг друга из виду и сверяли свои поступки тем далёким юношеским максимализмом.

Когда Чингиз Гусейнов (уже в следующем веке) ознакомился со стихами Ирэн Тасаловой – племянницы Володи, он написал записку в «Литературный Азербайджан», где и состоялась ее первая журнальная публикация.

Но моя речь об ином. Дело в том, что стихи слагает и сын Володи – Артём. Видно, что в их роду склонность к прекрасному – генетическая… Профессорский сынок, московская прописка и накатанная колея? Но 19-летний Артём, как некогда его отец, резко развернул руль судьбы: поступил в Псковский педагогический институт и в Пскове прочно укоренился: женился и родил двух сыновей. Был в жизни Артёма и другой перелом: 22 августа 1988 года он переступил порог собора Святой Троицы, где два года прослужил в должности смотрителя, а последние 15 лет является членом общины, которая сложилась вокруг архимандрита Зинона – известного в мире иконописца.

Предисловие к его первой книге, «Живая Земля» (2004), написал Тимур Зульфикаров – этот случайно оказавшийся на Земле небожитель неизбежно узнал в Артёме близкого ему страдальца и собрата.

Может, и эта публикация Артёма Тасалова – первая в азербайджанском пространстве – заставит вздрогнуть нашего читателя, обнаружившего ясное и словесное воплощение своих прежде смутных ощущений.

Марат Шафиев

РУСЛАН СЕМЯШКИН

(Симферополь)

ПАМЯТИ МУСЛИМА МАГОМАЕВА

Великая советская эпоха, так нами в существе своем, что называется, до конца не понятая и не осмысленная, тем не менее, подарила многомиллионному и многонациональному народу уникальную и неповторимую культуру, как явление целостное, многогранное, грандиозное, высоконравственное, патриотичное и призванное будить и воспитывать в человеке все по-настоящему гуманное, человеческое…

Само собой, великую культуру творили большие художники и артисты. И таких было, к счастью, немало.

По-разному сложились их судьбы. Да и популярность, известность у каждого была своя, индивидуальная, ограничивавшаяся при сем определенными рамками.

Но встречались среди них и такие, для кого эти условные рамки практически не существовали, так как их известность была столь значительной, что впору говорить о них уже как о звездах, хотя определение это в советские годы не имело широкого распространения.

Однако и среди звезд выделялись самые выдающиеся, те, кого в Советском Союзе знали, любили и восхищались их творчеством буквально все – независимо от возраста, национальности и рода занятий – будь то студент, рабочий, колхозник, врач, учитель или союзный министр, председатель КГБ и генеральный секретарь ЦК КПСС, также не равнодушные к восприятию подлинного искусства.

Вот таким-то суперизвестным и всенародно любимым артистом, а точнее, кумиром и был непревзойденный Муслим Магомаев, чей восьмидесятилетний юбилей со дня рождения приходится на семнадцатое августа текущего года и о громкой славе которого очень точно высказался известный советский и российский музыковед и музыкальный критик, соавтор великого певца по серии передач на телевидении «В гостях у Муслима Магомаева» Святослав Бэлза: «Звездно сейчас на нашей эстраде. Но, как известно с незапамятных времен, «звезда от звезды разнствует во славе». Редкий же пример настоящего певца, превратившегося в суперзвезду, – Муслим Магомаев, яркость и подлинность дарования которого особенно выделяются на фоне той звездной пыли, что навязчиво пытается прельстить публику мишурным блеском. Мало кто в отечественном эстрадном искусстве мог соперничать по популярности с Муслимом Магомаевым, чей восхитительный баритон, высокий артистизм и душевная щедрость покорили не одно поколение слушателей. Певец никогда не гнался за переменчивой модой, не заигрывал с публикой, но его талант и обаяние завоевали миллионы сердец. Переполненные залы, кордоны конной милиции, море цветов, легенды и сплетни – все это Магомаев вкусил сполна. И притом сохранил истинную скромность, совмещая внутреннее достоинство с трезвостью самооценки».

При сем принципиально важно подчеркнуть и то, что Магомаев сумел не только прославиться, но и славу свою пронести через годы.

И что интересно, слава, известность и все, что с этим связано, никогда над Магомаевым не довлели. Не сделали они его ни надменным, ни высокомерным, ни самовлюбленным, ни черствым. Не стал он и эпигоном, так как был артистом исключительной индивидуальности и своим взглядом на искусство, не всегда, кстати, тождественным с официальными его оценками, дававшимися в соответствующих высоких инстанциях.

«Надо сказать, он с редким достоинством и артистическим равнодушием нес свою славу, – вспоминала великая Майя Плисецкая. – *Никакого кокетства, никакого высокомерия. Хотя слава ему шла, как хороший костюм»*.

О неординарности и профессиональной значимости Магомаева однажды очень емко высказался и Лев Лещенко, к слову, одногодок Муслима Магометовича: *«Он появился – светлый, звонкий, лучистый. Принес в нашу жизнь разноцветье. Первым надел жабо, яркие пиджаки. И сдвинул с этой черной тональности всю страну.*

Работа была для него жизнью. Он пел 24 часа в сутки. Если не пел, то сочинял; если не сочинял, сидел за компьютером. Был великолепным музыкантом, композитором, художником. Человек-озарение, наделенный огромными талантами. Он обладал необузданным темпераментом – и он его весь выплеснул в молодые годы. Представьте, тридцать лет на сцене номер один!»

Да, Магомаев действительно был всесоюзной знаменитостью, суперзвездой, кумиром ряда поколений, эстрадным исполнителем «номер один» в Советском Союзе, артистом удивительным, потрясающим и бесподобным, умевшим в буквальном смысле завораживать слушателей, которые толпами отправлялись на его концерты, а бывало, как в 1973 году, после его выступления на стадионе «Динамо» смело отваживались даже нести легковой автомобиль вместе с любимым певцом на руках…

И любовь к Магомаеву была столь искренней, лишенной наигранности и вполне естественного желания не отставать от новых веяний и настроений, что и сегодня, по прошествии шестидесяти лет после его триумфального выступления с песней В. Мурадели и А. Соболева «Бухенвальдский набат» на VIII Всемирном фестивале молодежи и студентов в Хельсинки, можно лишь восторгаться этой любовью, продолжающей жить в сердцах людей старшего поколения, и, чему нельзя не радоваться, рождаться у молодых, тех, кто только начинает открывать для себя великого певца и его бессмертное творческое наследие.

Говорю же о такой молодежи не случайно, так как мне не раз, уже после ухода Муслима Магометовича в вечность, приходилось наблюдать восторженное состояние молодых, когда они впервые соприкасались с такими магомаевскими хитами, как «Бухенвальдский набат» В. Мурадели – А. Соболева, «Лучший город Земли» А. Бабаджаняна – Л. Дербенева, «Королева красоты» и «Будь со мной» А. Бабаджаняна – А. Горохова, «Не спеши» и «Чертово колесо» А. Бабаджаняна – Е. Евтушенко, «Сердце на снегу» А. Бабаджаняна – А. Дмоховского, «Благодарю тебя», «В нежданный час», «Позови меня», «Зимняя любовь», «Пока я помню, я живу», «Такая нам судьба дана», «Свадьба» и «Ноктюрн» А. Бабаджаняна – Р. Рождественского, «Верни мне музыку» А. Бабаджаняна – А. Вознесенского, «Серенада трубадура» Г. Гладкова – Ю. Энтина, «Надежда», «Мелодия», «Герои спорта» и «Новый день» А. Пахмутовой – Н. Добронравова, «Синяя вечность» М. Магомаева – Г. Козловского, «Элегия» М. Магомаева – Н. Добронравова, «Весенний край – Азербайджан» М. Магомаева – Н. Хазри, перевод С. Лазарева, с циклом песен «С любовью к женщине» О. Фельцмана на стихи Р. Гамзатова и др.

И, знакомясь с творчеством великого певца, они искренне удивляются, и не только тому, что не слышали его ранее, но и прежде всего тому, что, оказывается, так неповторимо, красиво и выразительно вообще возможно петь…

Вспомнив же лишь некоторые, наиболее известные и любимые народом песни из репертуара Магомаева, а всего их в нем насчитывалось более шестисот, и для более двадцати из которых он был автором музыки, также сочинявшейся им и для фильмов, разумеется, мы вспоминаем и авторов этих произведений. Впрочем, писать для такого певца, как Магомаев, готовы были многие, но его взыскательность и требовательность к себе, как исполнителю позволяли ему работать далеко не с каждым. Но то, что он пел песни таких выдающихся мастеров, как Вано Мурадели, Арно Бабаджанян, Оскар Фельцман, Александра Пахмутова, Николай Добронравов, Расул Гамзатов, Роберт Рождественский, Наби Хазри, – было большой его и бесспорной творческой удачей. И песни их, не одно десятилетие бесподобно исполняемые Магомаевым, народом любовно называемые «магомаевскими», и сегодня продолжают жить, радуя слушателей разных поколений и все так же, как и ранее, заряжая их положительными эмоциями и жизнеутверждающим настроем.

О сотрудничестве Магомаева с этими и некоторыми другими композиторами и поэтами можно многое чего интересного рассказать как в профессиональном отношении, так и в плане сугубо человеческих взаимоотношений.

Но, за неимением такой возможности в рамках этих небольших по объему заметок, скажу только о том, что со всеми своими авторами у певца были добрые отношения и он всегда умел находить с ними общий язык.

Они его, что вполне закономерно, также любили, уважали, ценили как профессионального вокалиста, которому было подвластно исполнение даже самых сложных музыкальных произведений, требовавших на сцене полной самоотдачи.

Соответственно, в том числе и тогда, когда Муслима Магометовича уже не стало, они о нем, и прежде всего А. Пахмутова, Н. Добронравов, О. Фельцман, отзывались, подчеркивая его музыкальную феноменальность, артистизм, цементировавшийся потрясающим голосом, не забывая говорить и о человеческих качествах Магомаева, бывших безупречными, вызывавших и продолжающих вызывать лишь уважение.

И все же, в чем Магомаеву несказанно повезло, в его творческой судьбе были два удивительных автора, песни которых стали визитными карточками певца. Это Арно Бабаджанян и Роберт Рождественский. А всех троих их потом назовут метким и емким словом «триумвират». И надо сказать, что у троицы сей не было конкурентов тогда и, что и неудивительно, нет и сегодня. На российской эстраде ныне не востребованы такие мастера, куда проще плодить бесталанные и безголосые фальшивки-однодневки. Увы…

А начиналась профессиональная карьера Магомаева с того, что, пережив радость небывалой удачи в Хельсинки, молодому, красивому и стройному исполнителю предстояло заявить о себе уже и в Москве.

«Переломной датой в моей биографии стало 26 марта 1963 года, – писал певец в книге своих воспоминаний «Живут во мне воспоминания». – *В Москве проходила Декада культуры и искусства Азербайджана. В столицу съехались лучшие художественные коллективы республики, признанные мастера и начинающая молодежь. Концерты, в которых я участвовал, проходили в Кремлевском Дворце съездов (теперь он называется Государственным Кремлевским дворцом). Первые концерты оставили ощущение неуюта: огромный зал дворца давит, делает тебя меньше и одновременно как бы увеличивает твой голос. Ты сам по себе, а голос сам по себе. Тогдашнего своего волнения я не помню, видимо, у меня не было особого страха перед выступлением. Я был слишком молод, меня еще не знали. Страх перед выступлением пришел позже. Это теперь, несмотря на то, что имею уже большой опыт, я волнуюсь как сумасшедший. Когда приходит известность, появляется имя, тогда появляется и ответственность – ты не имеешь права петь хуже, чем спел вчера. А тогда этого чувства у меня еще не было.*

На всех концертах меня принимали тепло. Я пел куплеты Мефистофеля из «Фауста» Гуно, арию Гасан-хана из нашей национальной оперы «Кёр-оглу» Уз. Гаджибекова, песню «Хотят ли русские войны»… Были аплодисменты, которые в огромном зале КДС напоминали отдаленный шум прибоя. Но своей артистической интуицией я не чувствовал какого-то особого успеха. Что-то произошло с залом, когда я вышел на сцену в последнем концерте, который транслировало телевидение. Я спел «Бухенвальдский набат», а затем каватину Фигаро. После каватины, исполненной на итальянском языке, слушатели начали скандировать и кричать «браво». В ложе сидела министр культуры Екатерина Алексеевна Фурцева, рядом с ней Иван Семенович Козловский. Они тоже непрерывно аплодировали.

Я кивнул дирижеру Ниязи, и мы повторили каватину уже на русском языке. Потом в газете «Правда» профессор Р. Захаров написал в рецензии на этот концерт, что я спел по-русски еще лучше, чем по-итальянски».

Впрочем, так как пел Магомаев, не пел на самом деле никто. И ведь, что интересно, он не был единственным и неповторимым баритоном на советской эстраде. Были, конечно же, и другие талантливые и яркие исполнители, обладавшие красивыми и выразительными баритонами и бесспорным талантом. Вспомним хотя бы таких заметных и известных, какими были те же Юрий Гуляев, Анатолий Мокренко, Юрий Богатиков, Иосиф Кобзон, Эдуард Хиль, Сергей Захаров (в последние годы жизни Сергей Георгиевич подготовил ряд песенных программ, посвященных Магомаеву, в рамках которых пел его песни; на одном из таких прекрасных концертов, проходившем в Севастополе лет десять назад, посчастливилось побывать и автору данных строк). И список этот можно было бы продолжить. Главное же в другом – все они прославились, на их концерты народ шел массово и возвращался с этих концертов воодушевленный и с хорошим настроением. Их, вне всякого сомнения, любили, и любовь эта продолжает и сегодня жить в многих-многих сердцах некогда единого советского народа, разделенного тридцать лет назад не по своей воле… Но, все же, Магомаева любили как-то по-особому, и он в этом негласном соревновании лучших и самых голосистых исполнителей советской эстрады шел впереди, при том, что, по большому счету, перед собой такую задачу никогда и не ставил, всецело погружаясь в творчество и берясь за исполнение тех песен, которые были ему близки по духу, настрою, смыслу и содержанию.

Магомаев, чему поспособствовало прежде всего его воспитание, которое взял на себя, вместо погибшего на фронте отца, дядя будущего певца – Джамал-Эддин Магомаев, человек в Азербайджане известный, занимавший в республике высокие государственные должности и пятнадцать лет проработавший представителем Совмина Азербайджанской ССР при Совете Министров СССР, – был в принципе человеком справедливым, гордым, но лишенным гордыни, независимым в суждениях и поступках, привыкшим принимать самостоятельные решения и нести ответственность за них. Чуждо Муслиму Магометовичу было и под кого-то подстраиваться, не тяготел он и к тому, чтобы иметь дополнительные регалии, звания, вес в обществе. Не стремился он и в политику. И даже когда руководство Азербайджанской ССР и лично первый секретарь республиканского ЦК, член Политбюро ЦК КПСС Гейдар Алиев, который любил Магомаева как сына и которого певец также безмерно ценил, уважал и любил и для которого, как *«человека, не приемлющего приказов, лишь слово Гейдара Алиевича было законом»*, – решили вопрос об избрании певца депутатом Верховного Совета Азербайджанской ССР, он в должной мере это их решение оценить не смог, так всю жизнь и относившись к своему депутатству с нескрываемой иронией.

«Три года подряд мучился! – говорил певец в одном из интервью, отвечая на вопрос о том, как ему приходилось исполнять свои депутатские обязанности. – *Я же по характеру неусидчив… Приду, посижу час, пока Гейдар Алиевич выступает, а потом смываюсь, и остальные несколько дней проходят уже без меня.*

Один раз вообще на сессию не явился, но, как правило, все-таки приезжал – из уважения к Алиеву. Он мне как-то сказал с укоризной: «Муслим, почему тебя никогда нет в зале? Что это такое? Люди поймут неправильно». – «Гейдар Алиевич, – говорю, – вы же знаете: я не очень хорошо владею азербайджанским языком». – «Ну, знаю». – «Выступают в основном по-азербайджански, а я сижу, только глазами хлопаю. Мне даже по-русски слушать неинтересно, сколько они собрали хлопка, – какое до этого дело?» Он рассмеялся: «Ну, ты хоть вид делай, что все понимаешь».

Я постоянно к нему приставал: тому коллеге-музыканту надо выхлопотать квартиру, этому помочь со званием или загранпоездкой… Алиев однажды признался: «Ты все равно ходишь ко мне, за других хлопочешь – вот я и сделал тебя депутатом, чтобы занимался этим на законных основаниях».

Депутат из Магомаева, как мы видим, не получился. Что и неудивительно, ведь жил Муслим Магометович совершенно другими чаяниями и заботами. Но это никак не значит, что он был совсем аполитичен и происходившие в стране политические события его совсем не волновали. Нет, у Магомаева был свой взгляд на мир и собственное представление о том, каким должно было быть наше большое государство. И оно в его представлении не отождествлялось с диким капитализмом, пришедшим на нашу землю в начале девяностых годов прошлого столетия.

Не вязалось оно в его понимании и с той безнравственностью, бескультурьем, примитивизмом, похабщиной, пошлостью, которые стали тогда массово внедряться в наше сознание, и которые пришли также и на эстраду, представлявшуюся Магомаеву той истинно культурной площадкой, которая по определению призвана нести народу все самое лучшее, талантливое, нравственное, возвышенное.

По всей видимости, в том числе и потому, что не видел себя на новой постсоветской эстраде, ставшей в одночасье шоу-бизнесом, Магомаев однажды просто-напросто возьмет и решительно ее покинет, не считая нужным больше на ней присутствовать и петь то, к чему душа не располагала. Лучше заняться живописью, а Магомаев в действительности прекрасно рисовал, создав целую галерею портретов композиторов, поэтов, писателей и нарисовав Гейдара Алиева, причем *«не в строгом костюме с галстуком, то есть без всякого официоза, а в обычной тенниске, улыбающимся»*, и общаться со своими поклонниками на собственном сайте, скажет себе певец, приняв решение окончательное и, наверное, верное, – уж больно велик стал диссонанс между ним и теми, кто, не имея на то никаких оснований, объявили себя артистами…

Ну, а коль уж речь зашла о многолетнем азербайджанском лидере и о том, как Магомаев к нему относился, приведу такие его слова, все предельно исчерпывающе поясняющие:

«Мое уважение, моя любовь к Гейдару Алиевичу, который по своему искреннему желанию заменил самых близких мне ушедших людей, была таковой, что с его болезнью у меня стало пропадать желание петь. Когда по ТВ по нескольку раз в день повторяли кадры о последствиях его сердечного приступа, его падение с трибуны во время выступления, я испытал настоящий шок.

Мало кому было известно о том, что, когда дорогого мне человека не стало, со мной случился нервный срыв, и я впал в долгую депрессию. Именно по этой причине я не смог полететь в Баку на похороны Гейдара Алиевича. Злые языки <…>принялись болтать, что Магомаев спился. Никому, даже злейшему врагу не пожелаю такого «пьянства». Я долго не хотел выходить на улицу – мне казалось, что за воротами какая-то не просто другая жизнь, другие люди, а другая планета. Там для меня все казалось чужим, незнакомым. Один раз, спустя года полтора, я заставил себя выйти за калитку, обошел по переулкам вокруг нашего дома, зашел с другой стороны двора. Тогда для меня это был почти подвиг. <…>Постепенно дни невеселых раздумий стали посещать меня все реже. Но желание петь ушло…»

Такое отношение к близким людям, старшим по возрасту друзьям и наставникам, да и ко всем другим, кого певец числил в друзьях, для него было естественным. Порядочность, доброжелательность, чувство локтя, постоянство – вот те качества, которые Магомаева сопровождали всегда и без которых его представить, как неповторимую личность, не представляется возможным.

Особо же здесь следует сказать о постоянстве.

Скажите, ну разве Магомаев позволял себе паясничать и выглядеть как-то развязно, непристойно, появляясь перед зрителем в неподобающем ему виде? Или может быть он брался петь что угодно, лишь бы больше заработать и кому-то угодить? Да и как, вообще-то, можно говорить о нем, как о человеке меркантильном, привыкшем пользоваться своими связями, если все, кто с ним общался, знали об обратном? То бишь, о том, что Магомаев никогда и никого не просил ему помогать, как не считал возможным хлопотать о наградах и званиях, считая это недостойным настоящего мужчины.

К слову скажу, что не так-то просто Магомаеву досталось и его высокое звание народного артиста СССР, которого он удостоился, когда ему был всего-то 31 год. А за решение же данного вопроса надо отдать должное настойчивости Г.А. Алиева и добропорядочности Л.И. Брежнева, который, как известно, любил искусство и песенное в том числе, стараясь при сем к настоящим творцам относиться внимательно и их всячески поддерживать.

«…если бы не расположение ко мне Леонида Ильича Брежнева и Гейдара Алиевича Алиева, я бы в свои тридцать с небольшим не получил звания народного артиста СССР. Представил меня к званию Азербайджан, но года два-три дело не продвигалось: у меня оказалось много недоброжелателей, в основном среди чиновников среднего уровня. Простые слушатели меня любили, в «верхах» мне тоже симпатизировали, а вот в Министерстве культуры среди чиновников любовью я не пользовался. Может быть, и зависть здесь сказывалась, и независимость моего характера (и по сей день меня напрасно держат за гордеца), и моя тогдашняя молодость была многим, более солидным артистам поперек горла. Они считали, что у них больше заслуг для получения высокого звания… Так что чиновники встали стеной.

Я понял одну хитрость: чиновник отказывает до тех пор, пока ему не прикажет инстанция, выше которой ничего нет. Понимал это и Гейдар Алиевич. При встрече с Брежневым он сказал: «Муслиму Магомаеву не дают звания народного артиста, тянут уже который год». На следующий день все было подписано…»

Гейдар Алиев, между прочим, желал видеть Магомаева к тому же лауреатом Ленинской и Государственной премий СССР. И возможно, мог бы в этом вопросе артисту, который за этими высокими наградами не гнался, посодействовать. Но в ноябре 1982 года скончался Леонид Ильич, и вопрос о борьбе за присуждение Ленинской премии отпал сам собою…

А когда Комитет по присуждению Ленинских и Государственных премий решил Магомаеву Государственную премию СССР не присуждать, Гейдар Алиевич пожурил артиста: «Почему ты раньше не позвонил мне в Москву?», на что певец ему откровенно ответил: «Мне хотелось, чтобы все было, как положено. Сказали заполнить документы – заполнил, сказали спеть – спел. На программу «Мои любимые мелодии» были хорошие рецензии. Иннокентий Михайлович Смоктуновский написал яркую статью… Никто не сомневался. Почему я должен был вас беспокоить? Зачем давать лишний повод для злых языков: дескать, опять его поддерживает «папа».

Эта позиция Магомаева опять же характеризует его как личность сильную и немелочную, умевшую различать главное от второстепенного.

Вспоминая же тот жизненный эпизод, годы спустя сам певец подведет под ним такую черту: «Потом были уже 80-е годы, перестроечный излом, и все эти звания, регалии, премиальная суета оказались далеко не главным в жизни».

Куда важнее для Магомаева было просто петь. А пел он и впрямь так легко, без надрывов, но при этом с особым шармом, блеском, всегда в идеальной форме, что концерты его проходили только на ура, а выступления артиста в сборных концертах, в том числе и правительственных, становились их украшением.

Прекрасно смотрелся Магомаев и когда выступал совместно со своей музой, выдающейся русской советской оперной певицей, несравненной Тамарой Синявской. Помните, как бесподобно вместе они пели порядком подзабытый ныне шедевр Александры Пахмутовой и Николая Добронравова «Прекрасная, как молодость страна» или всемирно известную «Безмолвную ночь» Франца Грубера и Йозефа Мора? И разве эти их, как и все другие совместные выступления, могли оставить кого-то равнодушным?

Муслим Магомаев и Тамара Синявская были не просто самой звездной парой Советского Союза с трогательной историей о их возвышенной любви и верности друг другу, о которой немало написано и снято документальных передач, фильмов,периодически показываемых по телевидению. Они, мастера вокала высочайшего класса, стажировавшиеся в миланском «Ла Скала», где высоко были оценены их певческие данные и самобытный талант, выступавшие на лучших сценах мира, непревзойденные корифеи, которых слушатели боготворили и не уставали восхищаться их чарующими голосами, грацией и высоким артистизмом, подлинно народные артисты СССР, – давным-давно стали национальным достоянием нашей некогда единой и могучей страны, продолжая таковыми оставаться и для современной России, а также и для всех истинно культурных людей, проживающих в бывших советских республиках. Так было, так будет и впредь!

Однажды отдав предпочтение эстраде, Магомаев, без сомнения, советскую оперную сцену существенно обеднил, хотя совсем уж напрочь от исполнения оперных произведений и не отказался, оставшись на всю жизнь и его страстным поклонником, прекрасно знавшим историю и следившим за современным развитием этого высокого направления вокального искусства. Недаром же, наверное, в спутницы жизни он выбрал Тамару Синявскую, дружен был со многими оперными певцами, имевшими мировую известность и написал книгу о великом Марио Ланца…

Размышляя очередной раз над феноменом личности Магомаева, убеждаюсь вновь в том, как же все-таки многогранно было его творчество и какими поразительными талантами он обладал! Певец, музыкант, композитор, киноактер, художник… и человек… со своим богатейшим внутренним миром, взглядами на жизнь, основывавшимися на высокой нравственности и морали, и на том обширном культурном мировом наследии, веками создававшимся всем человечеством, благодаря ему и поднявшемуся до небывалых доселе высот.

Человек-явление, человек-озарение, человек-глыба. Человек, еще при жизни ставший целой планетой – изумительной, дивной, замечательной, сконцентрировавшей в себе все самое лучшее, что может и должно быть в человеке.

Скажите, неужто о Муслиме Магомаеве возможно все и сразу подробно рассказать? Нет и еще раз нет, тем более, что с этой задачей до сих пор так и не справились ни книги, ни фильмы, ни продолжающий функционировать сайт о нем и его творчестве, ни многочисленные публикации о великом певце. И, в чем нисколько не сомневаюсь, никогда и не справятся, так как слишком масштабной, грандиозной и неповторимой фигурой он был… и остался – в песнях, музыкальных сочинениях, фильмах, книгах, статьях, в бронзе и граните, камне и, что самое главное – в нашей благодарной памяти… Не напрасно же он всем нам – миллионам своих слушателей – тысячи раз напоминал: «Пока я помню – я живу!»

ГАМИД ПИРИЕВ

Р А С С К А З Ы

Перевод Ниджата МАМЕДОВА

Поэма для воробьев

Утренняя свежесть подобралась с первыми лучами покуда не взошедшего солнца. Декабрь вступал в свои права…

Мирза открыл глаза и выпрямился в постели, и тут же потянулся к тетради, лежавшей на стуле справа от кровати. Это была зеленая двенадцатистраничная тетрадь в линию с вырванными двумя страницами посредине, теперь осталось десять страниц. Мирза иногда пописывал стихи, порой он вскакивал посреди ночи и принимался записывать строки. Набат уже долгие годы ставила по ночам стул подле его кровати, тетрадь с ручкой на стул и стакан воды. Мирза пролистал тетрадь. Тетрадь была чиста. И в эту ночь он ничего не записал. Стихи были увлечением Мирзы, многие в поселке даже не ведали об этом. Сам он бывший железнодорожник, три года назад вышел на пенсию. Написал немало, многое из этих стихов растерял. А то, что осталось, издал небольшой брошюрой лет пять-шесть назад. В брошюру вошли двадцать три стихотворения и небольшая поэма. Не предназначенная для продажи брошюра размером с ладонь, которую он раздал родственникам…

Он оделся и вышел на веранду. Набат развела огонь в печи, и раскаленная печь отдавала жаром. Он выпил пару армуду чая и закурил. Потом надел пальто.

– Пойду за хлебом.

– Соли тоже купи, – сказала жена, когда он переступил порог.

Как только Мирза вышел из дому, холод пробрал до костей. Он поднял ворот. На улице никого. В магазине тоже. Только работавший продавцом племянник Расим, который тоже зяб за прилавком.

– Доброе утро, дядя.

– Доброе.

Расим положил хлеб в продуктовую сумку:

– Что-то еще, дядя?

– Будь здоров… А, еще соли.

– Какой? Поваренной или столовой?

– Вот этого Набат не сказала, – растерялся Мирза. – Дай и той, и другой.

Мирза обернулся и заметил в коробке две копченые селедки, вчера их не было, может, привезли вечером. Только теперь он понял, что за запах дразнил ноздри.

– Свежая рыба?

– Да, дядя. Хорошая рыба.

– Дай ту, большую. Мы давно не ели молочный аш. Набат сегодня приготовит.

Расим взвесил самую большую.

– Тогда дай и риса.

– Какого? – посмотрел Расим на пакеты на полке.

– Не знаю, хорошего дай.

Он заплатил и вышел. Холод снова пробрал до костей.

Он вошел домой и положил на стол покупки.

– Свежую рыбу привезли, захотелось отведать. Приготовь на обед молочный аш. И риса купил.

– Ладно. Тогда и молока возьми.

Он выпил еще стакан крепкого чая. Есть не стал, аппетита не было. Снова надел пальто.

– За молоком?

– Да.

– Сейчас дам банку.

Мирза взял банку и пошел к Хейбату. Они с Хейбатом почти одногодки, да и родство отдаленное имелось. Он кликнул Хейбата, вышла его дочь:

– Папа в сарае.

Сарай находился в дальнем конце двора. Мирза пошел к нему и тут услышал Хейбата: «Ну и скотина, тьфу! Чтоб тебе провалиться!..»

– Хейбат, ай Хейбат!..

– Кто там? – показалась голова Хейбата. – Мирза? Всё в порядке?

– Я за молоком.

– Подожди, я сейчас. – Спустя пару минут Хейбат вышел с бидоном. Бидон был наполовину полон. – Скотина проклятая не дает молока. Только попусту кормлю. Все напропалую… Давай налью. Зачем тебе молоко? Горло болит?

– Нет. Я рыбы купил, хочу, чтоб Набат молочного аша приготовила. Давно не ели.

Они вошли в кухню, пристроенную к сараю. Хейбат накрыл марлей бидон и нацедил молока. Взял у Мирзы банку и наполнил доверху.

– Сам-то как, Мирза?

– Да так. Поживаю потихоньку. А ты?

– Эх… Не спрашивай. Ноги болят. До самого утра ворочаюсь в постели, глаз не смыкаю. Сердце тоже болит. Совсем барахлит. Недавно сходил к врачу, к Эльману. Снова выписал мне целую тонну лекарств. Ай киши, что мне с ними делать?

– Постарели мы, постарели… – Мирза взял банку. – Сколько я должен?

– Нисколько. Бери.

Мирза положил на стол один манат.

– Ай киши, говорю ведь, не надо.

– На почин… Ну, давай, я пошел.

По дороге домой он думал о стихотворении, которое хотел написать. Давно уже собирался, но не получалось. В голове крутились отдельные строки, но не складывались в цельные строфы…

По дороге обратно он увидел своего брата Арифа.

– Куда собрался? – спросил он у Арифа.

– У кур корм закончился. Куплю немного пшена.

– Яйца несут?

– Неплохо. Самим нам хватает. А ты откуда?

– Купил молока у Хейбата. Утром взял свежей рыбы. Набат приготовит молочный аш, давно не ели.

У магазина с кормом он попрощался с братом и пошел домой.

Молоко он дал Набат, а сам отправился в сельский клуб. В комнатушке за клубом играли в нарды. Летом и зимой все безработные собирались тут, резались в нарды и домино. Маленький электрический самовар всегда был горяч. Тот или иной посетитель время от времени покупал чай и сахар. Акиф сидел один. Акиф работал в клубе, но никто не знал, кем, даже сам он. Каждое утро он открывал двери, а вечером закрывал перед уходом. Весь день проводил за нардами. Мирза глянул в окно. Акиф читал газету. Заметив Мирзу, тот тут же сложил газету.

– Давай в нарды, – еле донесся его голос за окном.

– Сейчас приду, только сигарет возьму.

Да и сам Акиф еле расслышал Мирзу. Только кивнул.

Мирза зашел в магазин и положил на прилавок три маната, что достал загодя.

– Дай пачку сигарет и сахару в маленькой коробке. А на оставшееся чай в пакетиках.

Он забрал покупки и вернулся в клуб. Сели за нарды. За игрой болтали о том, о сем. В промежутке Акиф встал, наполнил водой опустевший самовар, заново вскипятил. Других посетителей не было.

– Сегодня народу маловато.

– Холодно ведь. Видать, все едят хэшиль и ложатся дремать.

– Снега-то нету. Хэшиль едят, когда снег выпадает.

– Да ладно тебе. Кто станет привередничать? Холодно, значит, можно. Если снега ждать, так и не поешь хэшиль. Не видел разве, в прошлом году снег не выпал.

– Природа другой стала. Не видишь, даже трава. Прежней травы больше нет. Растет какая-то другая.

– Да, замечал.

– И птицы какие-то другие. Вместо скворцов дрозды. Раньше дроздов тут не водилось. Воробьи становятся всё меньше и меньше. А свиристель… Вымерла.

За беседой они потеряли счет игре. Не знали, кто выиграл, кто проиграл.

Приметив за окном школьников, Мирза посмотрел на часы. Полдень.

– Акиф, я пойду поем, вернусь. Утром купил свежую рыбу. Сказал Набат приготовить молочный аш. Если хочешь, давай со мной.

– Приятного аппетита. Спасибо. Вечером вернешься?

– Да, зайду.

После горячего аша ему захотелось вздремнуть. Он лег на диван, и тут за просмотром телевизора его сморил сон. Он поспал два часа. Выпив чаю, вернулся в клуб. Они играли в нарды дотемна. Акиф был не один, пришли и Таир с Али. Играли с очередностью. Когда он вышел из клуба, возвращаясь домой, было уж не так морозно, стояла тихая, приятная погода.

…Хорошее должно выйти стихотворение. Стихотворение о честности, верности, дружбе. Вот бы только его написать…

Он съел еще две тарелки аша.

– Ай, Набат, – сказал он, позевывая за чаем, – сегодня лягу пораньше. Постели мне. – Он допил чай и пошел к себе. Уснул, как только лег.

…Проснулся за полночь. Комнату заливал неземной свет. Царила полная тишина. Он выглянул в окно. Шел снег. Повсюду белым-бело. Он смотрел на снег. Пять минут, десять… Вдруг откуда ни возьмись прилетел крохотный воробей и сел на голую вишневую ветку прямо возле окна. И тут же взлетел обратно. Снег на ветке обжег его лапки. Он клюнул ветку, та качнулась, осыпался снег. Воробей снова сел на очищенную от снега ветку. Нахохлившись, он смотрел на Мирзу, скособочил головку, улетел.

Мирза сел на кровати. Открыл тетрадь и принялся писать. Это было то самое стихотворение, оно лилось на бумагу строка за строкой, строфа за строфой. Он писал и писал, заполнив всю тетрадь. Последние две строфы он написал на внутренней стороне зеленой обложки. Закончив, вывел крупным, отчетливым почерком на обложке заглавие: «Воробьиная поэма»…

Утром встал поздно. Сев на кровати, выглянул в окно, снег перестал идти. Слабо светило тусклое зимнее солнце. Он потянулся к тетради. Успокоился, увидев стихотворение. Это не сон, всё взаправду. Он прочел стихотворение от первой до последней строки. По сути, это не стихи, а поэма. Получилось лучше, чем хотел. Он положил тетрадь на полку, туда, где лежали экземпляры его книги и рукописи.

– Тетрадь не ставь, да и стул забери, – сказал он Набат, когда та пришла ему постелить.

Спустя пять-десять секунд он тихо, чуть ли не шепотом добавил:

– Больше стихов писать не буду.

Крылья болят

…ибо,
крылья твои не хотели обломаться.

Хэдиййе Шефагет

Порой ей казалось, что она птица. Хотелось взлететь, но не получалось…

Пустэханым сидела под навесом. Открылась дверца ворот.

– Пистэ… Ай, Пистэ…

Пустэханым не слышала, под старость она глохла. Дверца открылась чуть шире. Показалась голова Сурийэ.

– Ай, Пистэ…

Сурийэ заметила Пустэханым под навесом и вошла. Она, тихо бормоча приветствие, подошла поближе. Думала, что расспрашивает Пустэханым о житье-бытье. Пустэханым была мыслями где-то далеко. Когда Сурийэ подошла ближе, она подняла голову и увидела ее.

– Ай, Сурийэ, добро пожаловать.

Сурийэ держала в руке гроздь винограда. Она громче повторила свой прежний вопрос:

– Пистэ, как поживаешь?

Пистэханым развела руками и покачала головой:

– Да так… Потихоньку.

Затем она взяла в руку трость, прислоненную к ноге, и встала.

– Зайдем.

– Нет, спешу. Ай, Пистэ, глянь-ка, можно из этого отжать абгору?

Пистэханым сощурилась, глядя на гроздь:

– Да, соком наливается. Самое время.

– В прошлом году дел оказалось невпроворот, не успели. Зимой даже капли абгоры не смогла раздобыть. Хоть в этом году мучиться не буду.

Сурийэ в прощальном жесте помахала рукой и пошла к воротам, так же бормоча, как ранее.

– Ай Сурийэ, зашла бы.

– Да нет, спешу, Пистэ. В следующий раз…

Пустэханым проследовала за Сурийэй и проверила, хорошо ли заперта дверца. Затем посмотрела наружу сквозь почтовую щель. Дверца ворот была старой, не раз выкрашенной и потому тяжелой, сгнившей снизу, а большие створы не открывались уже лет десять. Они обновили ворота лет сорок назад, когда расширяли старый дом, сняли деревянную дверь и поставили эту железную. Изнутри находился почтовый ящик. Раньше почтальон каждый день опускал в эту щель газеты и журналы, на которые они подписались. Эта традиция исчезла в девяностые годы, больше никто не подписывался на печатные издания, и почтальон больше не приходил. Тогда младший сын Пустэханым вынул почтовый ящик, но щель заваривать не стали. С тех пор Пустэханым время от времени подходила к этой щели и смотрела, что делается в поселке. Не успела она отойди от дверцы, как пришла Наргиз. Чуть дальше у Наргиз располагался одежный магазин. Но он просто назывался одежным, Наргиз там продавала всякую всячину. В магазине отсутствовал туалет, потому Наргиз ходила к Пустэханым. Со временем они сблизились, Наргиз она считала своей дочерью. Наргиз могла зайти и помочь Пустэханым искупаться, делала уколы, когда та хворала.

Наргиз поздоровалась и зашла в туалет. Вышла, вымыла руки, подошла к Пустэханым, которая вернулась на прежнее место под навесом.

– Как поживаешь, тетя Пустэ?

– Неплохо.

– Чего-нибудь надо?

– Неет, нет. Ничего.

– Ладно, тогда я пошла, в магазине никого. Скоро еще зайду.

– Ай, Наргиз, – окликнула ее Пустэханым у порога, – у тебя остались те гольфы?

– Остались. Сейчас занесу.

Пустэханым весь год ходила в длинных коричневых гольфах. Наргиз быстро пошла и принесла пару гольфов.

– Сейчас заплачу.

– Тетя Пустэ, в прошлый раз ты переплатила. Ничего не надо.

Пустэханым делала только необходимые покупки. И всё поручала Наргиз. Наргиз знала, чего та хочет, что та одевает. Но никогда не брала денег. Она часто говорила неправду. Либо говорила, что Пустэханым «переплатила в прошлый раз», либо «заплатишь в следующий». А Пустэханым ей верила. С возрастом она становилась забывчивой, многого не запоминала.

Наргиз ушла.

Пустэханым прислонила трость у порога и зашла в дом. Она никогда не заходила с тростью. Пару гольфов положила на кровать, а другую пару пошла отложить в шифоньер. На средней полке она увидела точно такие же гольфы. Она заметила только теперь. Пожурила себя за старческую забывчивость и закрыла дверцу шифоньера. Включила телевизор и села на кровать. Раньше в свободное время она надевала очки и читала Йасин по своим покойным: по отцу, матери, мужу. Но в последнее время видела всё хуже и хуже, не могла читать даже в очках. Она взяла пульт и прибавила звук. Шли новости. Но мыслями она была где-то далеко, не слышала диктора…

Открыв глаза, увидела, что внук выключает телевизор. Это был самый младший из внуков, сын старшего ее сына. Он проведывал ее несколько раз в день.

– Да, когда пришел?

– Только что. Увидел, что спишь, и выключил телевизор.

– Сон меня сморил.

Она прищурилась, глядя на небольшие часы: за полдень.

– Бабуль, тебе чего-нибудь надо?

– Сходи в аптеку. У меня закончились таблетки от сердца и живота.

Уже долгие годы лекарства ей покупал этот внук. Она даже названий их не говорила, внук знал всё наизусть. Внук отогнул краешек скатерти, взял деньги и вышел. Вернулся минут через десять. Выложил на стол лекарства. Достал из кармана сдачу и показал бабушке.

– Негодник, верни на место. Дурить меня будешь?

Внук попрощался и ушел.

Пустэханым выпила одну таблетку. Щемило в сердце. Захотела выйти во двор. Зазвонил телефон. Звонила сестра, младшая. Они расспросили друг друга о самочувствии и повесили трубку.

Она вышла во двор, села на стул. Чуть спустя с навеса на нее упала соломинка, она подняла голову, пытаясь разобрать, что это. Прямо над ней, посреди виноградного плюща свили гнездо вяхири. Этих голубей в поселке называли почтовыми. В детстве она слышала, что эти голуби приходят на помощь во время войны, с ними отправляют письма. Кажется, отец рассказывал. Один из вяхирей сидел у гнезда, держа соломинку в клюве.

Она сидела во дворе до самого заката. Наргиз заходила еще два раза, а вечером зашел внук. Только этот внук ее и проведывал. Дети старшего сына работали, свободного времени не находили. А дети младшего сына не появлялись месяцами…

В сумерках она включила свет во дворе, заперла дверь и зашла в дом. Поела приготовленной днем еды с небольшим ломтем хлеба. Потом легла. Годами она жила вот так в одиночестве. Два сына, но ни к одному не ходила. Говорила, пришла невестой в этот дом, из этого дома меня и вынесут.

Днем и ночью Пустэханым была одна. По прошествии времени у Пустэханым слабела память, слабел ум. Она помнила до мелочей детство и молодость. Но вчерашний день припомнить не могла. Затем ей на глаза стали показываться умершие близкие. Но Пустэханым не знала, сон это или явь. Пару недель назад она отправилась в отцовский дом. Под утро увидела во сне отца, мать, увидела, что братья и сестры малы, играют во дворе, и потому соскучилась по отцовскому очагу. Вот и отправилась туда. В том дворе сейчас проживали племянники… И сейчас, как только она сомкнула глаза, перед ее взором встали мертвые. Потом она увидала почтового голубя, свившего гнездо на навесе. С соломинкой в клюве он смотрел на Пустэханым. «Я тоже птица, – промолвила Пустэханым, – но летать не могу. Крылья болят…»

Она не знала, сколько проспала. Вдруг увидела, как открылась дверь в комнату и вошел покойный муж Рахим.

– Ай, Пустэ, – сказал муж, – я пришел за тобой. Пошли.

Пустэханым ничего не сказала. Достала из шифоньера новое платье, надела, надела гольфы, что принесла Наргиз, повязала голову новым платком и приготовилась следовать за мужем. Рахим всё это время ждал. При жизни он не проявлял такую терпеливость. Рахим пошел впереди, Пустэханым за ним следом…

Утром внук увидел, что на двери висит замок. Сообщил домой, спросили у дяди. Обзвонили родню и соседей. Пустэханым не нашлась. Все переполошились. Обыскали всё кругом. Наконец, ее тело нашли в соседнем поселке, на солончаке. Платок по пути развязался и остался на дороге. А ключ от дверного замка нашли в носке гольфа.

Смерть и другие радости

Стояла ранняя весна, когда играет кровь.

Солнце поднималось за крышами отдаленных домов, его лучи просачивались из окна в комнату и играли на заплесневелых от сырости стенах с облупившейся краской.

Хилал проснулся, но не вставал. Лежа смотрел на часы с застывшим маятником. Эти часы – приданое Чешми – уже давно не работали, но они его так и оставили. Хилал дождался восхода, потом откинул одеяло и сел в постели. Чешми сняла постирать пододеяльник, осталась изнанка с цветочным узором. В комнате было холодно. Вчера ночью огонь в печи они не разводили, потому и было зябко. Он оделся и вышел на веранду. Завидев его кошки спрыгнули с дивана, стали тереться о его ноги. Он держал двух кошек, одну черную, другую белую. Чешми терпеть не могла кошек, поначалу прогнала их во двор, но Хилал снова завел их домой. И хотя Чешми их на дух не переносила, больше ничего не сказала.

Чешми готовила завтрак на кухне. Она просыпалась спозаранку, совершала намаз, пока Хилал спал, а потом заваривала чай.

Хилал снял со спинки стула изношенный пиджак, накинул на плечи и вышел во двор. Взял горсть зерна из железного корыта, зашел в сарай и насыпал курам. Пятьшесть кур, один петух, и все стары, как сам Хилал. Затем зашел в туалет. Вышел, умылся во дворе водой из крана. Чешми накрыла на стол. Как только Хилал вошел, она налила ему чая. Он насыпал в стакан сахарного песку и перекусил хлебом с сыром. Позавтракав, вышел во двор, открыл двери в сарай и вывел кур во двор, сел на ступеньке и закурил. Петух замахал крыльями, нахохлил перья на шее, стал квохтать, прохаживаясь среди кур, его длинные шпоры терлись одна о другую.

Хилал смотрел на небо. На востоке виднелись темные облака, но пока еще вдали. Чешми открыла двери веранды и выпустила кошек во двор, всё это время они царапали дверь, просясь наружу. Черная кошка села рядом с Хилалом, стала тереться об него. Другая кошка запрыгнула на забор, карауля кур. Забор построили из пористого прибрежного камня. Долгие годы снег и дождь побивали эти камни, кое-где тот обточился, кое-где обвалился. Маленькая деревянная входная дверь тоже сгнила и покосилась, не умещаясь в проем. Да и сам старый дом построили из этого пористого камня. Это был маленький двухкомнатный дом, после женитьбы Хилала к ней пристроили веранду, а в уголке отвели место для кухни.

Хилал выбросил окурок, встал, услышал чей-то голос, открывая дверь на улицу. Молла Джафар совершал салават. Прямо возле его двери. Он вышел на улицу и тут увидел, как один из молодых поселковых парней возвращается из магазина с хлебом в руках. Он не знал, как того зовут, даже не знал, чей это сын или внук. Хилал не знал молодых обитателей.

– Сынок, – окликнул он парня, – кто умер?

– Дядя Санан. Ночью скончался.

Хилал вернулся домой.

– Чаю хочешь? – спросила Чешми.

– Нет. Санан ночью скончался.

– Аа. Упокой Аллах его душу. Сегодня хоронят?

– Не знаю. Наверно.

– Когда сходишь?

– Через час-два.

Затем он прилег на диване.

Даа, значит, умер и Санан. Санан и Хилал были приятелями. После того, как Хилала с семьей сослали в этот поселок, Санан оказался первым, с кем он сошелся. По сути это даже нельзя было назвать ссылкой. Скорее, переездом. Хилал с семьей были родом из Пиршаги. У отца его Солтана имелась в Пиршаги мельница. В тридцать седьмом году Солтана арестовали. От него не пришла ни одна весточка. Одни говорили, что сослали, другие, что расстреляли… А семью переселили в поселок Мехеммеди: Хилал, его старший на два года брат, младшая сестра и мать. Тогда Хилалу шел шестой год.

Они обосновались здесь, кое-как построили дом. Помогал и Нуру, дядя Хилала. Но и он содержал большую семью, многого не успевал. Так и жили. То ли в пятьдесят шестом, то ли пятьдесят седьмом пришел документ о реабилитации Солтана. Председатель колхоза сказал матери Хилала, что они могут вернуться в Пиршаги. В ту пору Хилал с братом были холосты, а сестра вышла замуж в Мехеммеди. Мать вместе с сыновьями вернулась в Пиршаги. Вернулась и увидела разруху. Долго плакала во дворе. Все родственники пришли их проведать. Раньше те боялись с ними встречаться, ведь они – семья врага народа. А теперь знали, что Солтан реабилитирован, потому и приглашали, не боясь, к себе в гости. Вечером, возвращаясь в Мехеммеди, мать сказала, что больше в Пиршаги не вернется. Плача во дворе, она поняла, что сердце ее не выдержит этого. Тогда старший сын попросил у нее разрешения разжечь очаг отцовского дома. Мать нехотя согласилась. А Хилал остался с матерью.

Они с Сананом жили на одной улице. В одном конце улицы располагался дом Санана, на другом – Хилала. В школьные годы они учились в одном классе. Вместе пасли овец. У Хилала их было мало, семь голов. А у Санана около шестидесяти. После уроков они перекусывали, а потом выводили пасти овец. Иногда украдкой гнали их на колхозные земли. Спохватывались, когда появлялся колхозный сторож – хромой Огтай. Он бежал за ними с палкой в руках. Бегать он не мог, бранился и кидал в них палкой. Но никогда не мог попасть. Выводя пасти овец, каждый брал с собой ломоть хлеба. Перекусывали прямо на ходу. Возвращались домой в вечерних сумерках.

Тогда, в такую же раннюю, как сейчас, весну, в сумерках появлялись летучие мыши. Чуть ли не лезли в глаза. Они побивали их палками. А утром, выходя из дома, видели их трупики, даже собаки к ним не притрагивались…

Хилал проснулся днем, немного поел, переоделся, надел шапку и отправился на поминки. Черные тучи полностью заволокли небо. Выйдя на улицу, заметил Тофика, тот тоже шел на поминки. Они поздоровались, расспросили друг друга о житье-бытье. Тофик посмотрел на небо.

– Дождь будет, – сказал он.

– Да, – сказал Хилал, – скорее всего.

– Хоть бы после похорон.

Во дворе, где шли поминки, собралось немало люда. Пришли все, кто узнал. Хилала с Тофиком проводили внутрь. Старики сидели во внутренней комнате. Молла Джафар читал Коран.

– Пора, – сказал молла час спустя.

Близкие родственники три раза подняли и опустили носилки с телом. Затем человек шесть встали под носилки. Когда стали выходить со двора, начал накрапывать дождь. Процессия медленно шла вперед. Впереди ступал молла, читая Йасин. По пути к процессии присоединились еще немало людей. Одни опоздали, другие узнали только что. Хилал шел, опустив голову, вспоминал прошлое. Тофик что-то сказал, но Хилал не слышал. Он поднял голову и взглянул на Хилала.

– Ай, Хилал, куры твои несутся?

– Да.

– Мои перестали.

– Весенней воды попьют и снова начнут.

Больше они не говорили. Сошли с ровной асфальтовой дороги. Асфальт покрывал только главные дороги поселка, улочки и тупики были в рытвинах. У входа на кладбище дождь усилился. Стал идти смелее. Тело похоронили наспех, набросали землю и вернулись. Глиняная земля кладбища превратилась в грязевое болото, в котором увязали их ноги. Дорога тоже промокла, но покамест не утопала в грязи, как кладбищенская земля. У ворот молла объявил о дате проведения поминок на третий и сороковой день. Люди выразили соболезнование и разошлись. Не осталось никого, кроме близких родственников. Хилал выразил соболезнование сыну Санана и тоже ушел. На полпути его нагнал Тофик.

– Хилал, я в аптеку. Если тебе нужны лекарства, давай вместе.

– Нет, я лекарств не пью… Я свое прожил, лекарствами жизнь продлевать не хочу.

Тофик ничего не сказал, пожал плечами, попрощался у ворот Хилала и ушел.

По народным поверьям, если в свежевырытую могилу попал дождь, жди беды: семеро других умрут. Однажды в молодости Хилал видел такое, дождь попал в могилу, но тогда умерли шестеро. А кто сейчас на подходе? Хилал думал об этом, пока его не сморил сон.

На следующий день дали очередные поминки по Санану. Хилал сходил и утром, и днем. Но долго сидеть не стал. Поминки угнетали его.

На следующее утро он услышал, что умерли четверо молодых парней. Попали в аварию по пути в Кюрдэханы, у выезда Мехеммеди. Это был опасный разъезд. На повороте в поселок к гряде камней прибили щит с надписью «Мехеммеди». Поговаривали, что это были камни снесенной мечети, поэтому и происходят там часто аварии. Никто из ребят не выжил. Все они погибли в расцвете сил. Им не было и тридцати, все четверо – единственные сыновья в семье, все четверо женаты, у всех по одному ребенку. Весь поселок переполошился. Сначала хотели дать поминки в мечети для всех четверых вместе. Но родственники покойных не согласились. Днем их похоронили. Вечером Хилал услышал, что отец одного из ребят хотел покончить

с собой, выпил отраву для нематод, его увезли в больницу. Еле-еле спасли.

– А что этому бедолаге оставалось? – покачал головой Хилал. – Как это вынести…

Хилал и сам потерял детей, потому знал, что это за боль. Потому и понимал того отца, понимал родителей всех четверых парней. У Хилала умерли две дочери в детском возрасте, они так быстро ушли, что он ничего не смог предпринять…

На следующее утро пришла еще одна дурная весть. Выпивший отраву мужчина скончался под утро в больнице. Говорили, что ему вдруг стало хуже, и он тут же скончался. Врач не успел помочь. Под вечер тело забрали из морга, обмыли, обернули в саван. Вечером же и собрались хоронить. Но Хилал на погребение не пошел. Третьи похороны за последние три дня, это чересчур.

Вечером, ложась спать, он ощутил тоску. Думал о седьмом человеке. Прежние люди знали, что говорят. Не стали бы говорить понапрасну. Да, в молодости он видел шестерых умерших. Но, может, неправильно сосчитал? Он даже не помнил, кто тогда умер. Помнил только, что все шестеро умерли один за другим. Будто в очередь выстроились.

Спать Хилалу не хотелось, все еще щемило сердце. Он догадывался, что седьмым станет сам…

Утром зарезал двух кур. Дал Чешми:

– Ощипи их, а я схожу за рисом и маслом. Приготовь аш. Днем сходим к дочке. Я соскучился по детям.

Чешми ничего не сказала. Утвердительно кивнула головой.

У Хилала выжила всего одна дочь – средняя. В ту пору заболели все три. У них опухли животы. Отвезли к врачу, дали лекарств, сделали уколы. Старшая с младшей не выздоровели, только среднюю удалось спасти. Ее спасла знахарка из Дигях. После смерти двух его дочерей одна из поселковых женщин посоветовала Хилалу отправиться в Дигях, найти знахарку. Он нашел ее и рассказал о случившейся беде. Знахарка даже не стала идти с ним. Узнав симптомы, сказала, что вылечит от этого недуга виноград: надо каждое утро выжимать виноградный сок и давать ребенку натощак. Стояло позднее лето, винограда росло вдоволь. Таким вот образом дочь удалось спасти.

Дочь была замужем в Фатмаи. Обзавелась детьми. Сейчас готовилась к свадьбе второго сына. Дел было невпроворот, потому не удавалось проведать родителей.

Хилал вернулся с покупками. Чешми ощипала кур. Через час-другой аш будет готов. Хилал окликнул через забор соседа. Тот всегда помогал Хилалу, когда нужно куда-нибудь съездить. Они завернули казаны в скатерть и поместили в багажник. Хилал запер видавшим виды тяжелым замком ворота, и они отправились в путь. Доехав до места, достал пять манатов и сунул в бардачок.

– Дядя Хилал, ей-богу, не надо.

– Нет-нет, зальешь бензин.

– Спасибо. Вечером заехать за вами?

– Нет, дети привезут, не волнуйся.

Они поели аша. Внук вскипятил самовар. Долго беседовали. Тут заметили сгустившиеся сумерки. Дочь принялась упрашивать их остаться на ночь:

– Приходите раз в год, переночуйте хотя бы.

– Нет, – сказал он. – Лучше вернуться.

Зять отвез их на своей машине. Переступив порог, Чешми отправилась принять дестемаз. Хилал вошел в дом и переоделся. Вышел, сел на ступеньке. Закурил. После первой затяжки схватил кашель, он кашлял до слез. В последнее время часто так случалось, дым душил его. Он выбросил сигарету недокуренной. Кошки подсели рядом, поглаживая его хвостами. Хилал тоже немного их погладил по спинке. Кошка – хорошее создание. Как хорошо, что они у него есть. Эти кошки – маленькая ра-

дость Хилала. Он задумался, смотря куда-то вдаль. Чешми совершила намаз, выглянула в дверь.

– Иди спать, – сказала она. – Поздно уже. Чего ждешь?

Ему хотелось сказать «я жду смерти». Но не сказал.

– Ты иди, – ответил он. – Я сейчас…

Небо в объятьях

…глазам, которые плачут больше плачущих глаз,
но не проливают ни слезинки

Нармин Кямал

Утром по пути в магазин я повстречал Бахтияра. Он сидел на корточках подле старой собаки у мусорки за углом. Отломив кусок гогала, протягивал собаке. Собака раскрыла пасть, взяла кусок, медленно прожевала и проглотила. Бахтияр протянул ей второй кусок. Собака принюхалась и отвернулась.

– Ешь давай, свежий гогал даю.

Будто поняв эти слова, та взяла кусок и съела. А затем и третий.

Я подошел ближе и поздоровался с Бахтияром.

– Доброе утро, – сказал он. – Не знаешь, чья собака?

– Не знаю. Впервые вижу.

Собака почти отдавала концы, ее глаза, как у русских алкашей, были налиты кровью, а под глазами свисали мешки.

Я пошел дальше. Когда возвращался, Бахтияра не увидел, а собака лежала на прежнем месте. Перед ней лежал последний кусок гогала.

Я свистнул ей. Она даже не повернула головы. Я взял камень и бросил перед ее мордой. Она подняла голову и оглянулась. Спустя секунд десять встала и пошла нетвердым шагом, но не смогла удержаться и грохнулась наземь. На следующее утро я снова увидел Бахтияра, сидевшего на корточках перед ней. Он отламывал от гогала и кормил собаку.

– Бедная, постарела, выбилась из сил, – сказал он, заметив меня. – Еще и больная, кажется.

– Сдохнет, – сказал я.

– Даа…

В остальные дни Бахтияр каждое утро отправлялся в магазин, покупал два гогала, один съедал по дороге, другим кормил собаку.

Бахтияру было под пятьдесят. Небольшого роста, хилый мужчина. Живет на другой улице. Не женат. У него комнатушка в отцовском дворе, там он и обитает. Живет с братом в одном дворе, но они в ссоре уже два года.

Он пьяница. Подсобляет штукатурщику Хаджи. Всё заработанное спускает на выпивку. Я никогда не видел его трезвым.

Раньше Бахтияр жил иначе. Пить он начал после смерти матери. Мать его помню смутно. Звали ее Тамарой. Все в поселке тепло к ней относились. Она в любое время могла спокойно переступить любой порог – как домочадец. Каждый раз, встречая меня на улице, здоровалась.

– Люблю моего сыночка, – говорила она обо мне.

Кажется, покойная даже не знала, как меня зовут. Не спрашивала, да и я не говорил. Может, и знала, но ни разу не назвала меня по имени.

Под конец она совсем сдала. Слабо видела, еле ходила. Думала только о том, как бы женить Бахтияра, а тот не поддавался на уговоры.

Тётю Тамару все любили. Только с Рустамом она не ладила. Рустам был соседом, младше ее детей. У Рустама имелся мясной магазин. Тамара воевала с ним каждый день: «Режешь скотину, кровь стекает к нашей двери». А Рустам божился. Говорил: «Никак душу не отдашь, совсем надоела».

В последний свой месяц тетя Тамара перестала выходить. Однажды приехала «скорая», и забрала ее в больницу. Неделю пролежала. Рустам каждый день относил ей целую сковородку жаркого. Но тетя Тамара не вернулась. Там в больнице и скончалась. Потом из разговора матери я узнал, что увезли ее поздно. Если б чуть раньше, может, и выжила бы.

С тех самых пор Бахтияр начал выпивать.

С тех самых пор он не просыхает. После выпивки у него поднимается настроение. Без устали говорит с каждым, кто встретится по пути. И меня пару раз останавливал. Говорит и говорит, иногда читает мейхану:

Катятся, как по маслу, Ширмеммеда санки,
Дети Ширмеммеда толкают в России танки…

Глаз Бахтияра я не видал. Утром, на трезвую голову, он никому в лицо не смотрит, смотрит себе под ноги. А вечером после выпитого глазеет туда-сюда. Смотрит на всё, кроме лица собеседника.

…Бахтияр привязался к собаке. Каждое утро после намаза он отправлялся в магазин, покупал гогал и кормил собаку. А потом шел по своим делам. Вернувшись вечером, разговаривал с собакой. А та, подняв глаза, под которыми свисали мешки, внимательно на него смотрела, будто всё понимала.

Однажды в поселке начался отстрел собак. Бездомных дворняг загоняли в фургон. Собаку Бахтияра тоже забрали. Увезли.

Вечером подвыпивший Бахтияр пришел к мусорке. Я возвращался с работы. Увидел, что он стоит возле мусорки и озирается по сторонам.

– Собаку не видел? – спросил он у меня.

– Нет, – ответил я, – не видел.

Бахтияр впервые посмотрел прямо мне в глаза. Глубокими оказались эти глаза, бездонными. В этих глазах было всё, что он не мог высказать. Мы не знали вот этого Бахтияра.

Он ничего не сказал. Отвернулся и пошел домой неспешным шагом. Я услышал, как он бормочет на ходу мейхану:

В кожу был чувак одет,
Знал об этом целый свет.
В шкуру козью был одет,
Умер в полночь, его нет.

На следующее утро Бахтияр снова купил два гогала, один съел, а другой отнес с собой, потому что собаки больше не было. Прошло три дня.

Я проснулся на рассвете. Услышал лай с улицы. Пошел к мусорке. Заметил что-то темнеющее на земле. Пара дворняг, избежавших отстрела, стояла у этого темного пятна и лаяла. Я тут же их отогнал. На земле лежал Бахтияр. Кажется, скончался ночью. Стекшая изо рта пена засохла на подбородке. Глаза открыты. Из кармана выпал заплесневелый гогал. Руки раскинуты. Как будто обнимает небо. Отражающееся в его распахнутых глазах небо было сейчас у него в объятьях.

В его объятьях…

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ

АДИЛЯ ЭФЕНДИ

(Азербайджан – Литва)

Адиля ЭФЕНДИ родом из творческой семьи, ее отец – известный азербайджанский художник Горхмаз Эфендиев, мать – художница Бегим Гаджиева.

С детства живя в мире красок, вполне естественно, Адиля-ханум и сама профессионально увлеклась живописью, достигнув в этом безусловного мастерства. Но мало кто знает, что свои картины она считает лишь иллюстрацией к стихам, которые сочиняет с 14 лет. Стихов за жизнь написалось много, но, по стечению определенных обстоятельств, только сегодня, спустя почти полвека, они впервые публикуются в профессиональном литературном издании. Хотя, как известно, у творчества нет возраста – перед ним равно равны и 19-летний Рембо, и 90-летний Микеланджело…

Что хотелось бы отметить в поэзии Адили Эфендиевой? Это поэзия зрелого интеллектуального человека, воспринимающего мир сквозь призму творчества, посредством рифм, красок, мелодических созвучий (музыка – также одно из серьезных увлечений Адили ханум). Это поэзия насыщенная, взыскательная к своему читателю, раскованная в подборе образов и метафор, смело работающая с инверсиями и новообразованиями. Это поэзия выражено женская, наэлектризованная чувством, но, в то же время, внешне сдержанная, исполненная достоинства. Возможно, тут сказалось некое слияние менталитетов – как волн Каспия и Балтики – ведь наша землячка уже много лет проживает в Литве. Возможно по этой же причине порой в ткани авторского языка ощущается некоторый «акцент», что, впрочем, придает определенный дополнительный флер ее поэтической речи…

Поздравляем Адилю ханум со вступлением в ряды авторов журнала, и надеемся на новые встречи наших читателей с ее поэтической музой в будущем.

ФИНАЛ ВЕЧНОСТИ

****

Не бросил Ангел. Но отрёкся ты,
Мой человек, мой крест и наказанье.
Зависнет боль с уходом темноты,
Но петухом откликнется преданье

Петрово.
Перекрашена стена,
Как вместо звёзд усилье галогенов,
И предо мной зияет сторона
Над недоступной разуму системой:

Контора жмёт,
льёт дождь,
часы знобят,
Ты оплевал, каблук, застрявший в луже...
Но пред листом, открывшим мне себя,
Я чувствую себя великим мужем.

2001

***

Не славы хочу я, а слова,
Что вечно спасало меня,
Воскресшее снова и снова
Из ветра, воды и огня,

Из памяти и поцелуев,
Но больше всего из разлук,
Лица, что в тетрадь зарисую,
Из чувства, что вырвут из рук,

Из кадров, великая сила,
Нагрянувших из-за угла.
Я в слово тебя превратила,
Я словом тебя забрала.

Из света, что просто основа
Меж жизнью и смертью, гряда.
Не славы хочу я, а слова,
В начале, в конце, навсегда.

2021

До́ма

Жара дыхнула мне в лицо
У трапа самолёта.
Мой город, будь моим чтецом,
И точкою отсчёта.

Безу́держное торжество,
И сладкий южный ветер.
Я счастлива лишь оттого,
Что просто солнце светит.

Что просто улицы ведут
Всё к морю, к морю, к морю.
Что предвкушенья не снуют,
И признаки не спорят.

Что многолюдие звучит
Приливом обновленья.
Зелёный моря хризолит
Взнесёт, его надень я.

И летний гул со всех сторон,
В огнях бульвара вечер,
И город в улицы влюблён...
Но грустный твой аккордеон
Узна́ю издалече.

2018

***

О, если б ты меня любил
Нечеловеческой любовью,
Как много б сохранилось сил,
И крыл духовного здоровья.

Как распахнулись бы леса,
Дыханьем разгоняя тени,
Как зазвучали б голоса
Зверей, и птиц, и всех растений,

Как море приоткрыло б нам
Луны прозрачные покои,
Как мы бежали б по волнам,
И ветер брал бы нас с собою,

И солнца совершенный круг
Всходил бы царствием начала,
Всё голосило бы вокруг…
И лишь поэзия б молчала.

2021

***

Когда весна случайно краем платья
Сметает кольца в водные слои,
Скользит браслет на смуглое запястье,
И воздух ждет:
– Бери меня!..
Бери!

Переливаясь отблесками знаков,
Переплетаясь линией морей.
Обманщик лёд на языке двояком
Ещё лепечет тенью:
– Будь сильней…

Ещё скрывают придорожно ели
Остатки снега у своих основ.
Но всё зовёт, всё говорит:
– Отселе…
Отселе и на веки всех веков

Благословенна. И в морскую пену
Одета, и…
Началом всех начал,
И люди вышли, словно перемены
Звонок сквозь гул весенний прозвучал.

И распахнув стеклянные витрины,
Кафе прорвались в уличную блажь.
И птичий звон на языке едином,
И ярких маек вздорный эпатаж.

Барокко отражая в фас и в профиль,
Собора купол, вспыхнувший в окне…
Но ты один средь всех, за чашкой кофе,
Быть может, просто вспомнишь обо мне.

2018

****

Люди! Вы слышали громы небес?!
Я – это средство,
стих – это песнь.
Я среди фрачников и среди склочников
Стих иносказчиков без переводчиков,
Я, как в непознанном чреве Земли,
Люду кричу:
– Внемли!
Не уловили звук и значенье
Стихотворенья.
Знак восклицанья, не запятую –
В разных пространствах мы существуем,
Можем пройти незаметно сквозь нас.
Я – это рифма,
стих – это сказ.
Руки тянулись к ближним плывущим,
Рамки пространствий,
нас возымущих,
И натыкались как на стекло,
В разных пространствах нас запекло,
Властью законов, линией чёткой.
Стих – это выкрик,
я – это глотка.
Руки к пространствам чуждым воздень.
Я – это древо,
стих – это тень.
Неумолима вечная сила.
Хрупкую рифму я повредила
Крыльев, когда я в порыве бунтарства
Наши мешала, слияла пространства.
Пав и повиснув с ниточек струек.
Стих – это юность,
я – поцелуи.
Словно дороги стёрлись до Рима,
Выкрики мимо,
Выхлесты мимо,
Рамки пространствий неколебимы.

1979

В отеле

Мы утром проснулись в отеле.
Раздвинули шторы окон.
И небо открылось доселе
Невиданной синью времён.

И чудом на этой лазури
Акценты воздушных шаров,
Блаженным антонимом бури,
Безумством и буйством цветов.

Весь мир на ладони, казалось,
Казалось, нет чувства сильней.
И я на твоё опиралась
Плечо. И законы дверей

Не действовали. Притяженье
Нас вдруг отпустило вдвоём.
И круговорот воскресенья
Дарил нам пространный объём.

И комната словно зависла,
И пятый этаж меж перил.
Космическим отзвуком смысла
Меж двух невесомости крыл.

Мы молча и прямо смотрели,
Протяжно паря над землёй.
И только внизу канители
Грозили нам чёрной дырой.

2019

****

То был Афьон[1]. И ночь благая.
Травы засохшей жар вдыхая,
Мы шли неведомо куда.
Отель завис, как свет парящий,
С грядою горной говорящий.
И молча синяя гряда

[1]Афьон-Карахисар – город и район в западной Турции

Нас охраняла. Шерсть верблюжья
Травы закончилась. Радушье
Мирское распахнулось нам.
Круговращенье лиц и цвета,
Над невесомостью предметов
Под купол нёсся шум и гам.

Блестели люстры золотые,
Восточной музыки витые
Лучи, меж ярусов клубясь,
Предвосхищали звук и время.
И искру затаивший кремень
Молчал. Всё многоцветье яств

Лежало на столах. Казалось
Земное бремя не касалось
Сего ковчегова нутра.
И детский смех, как хрупкость яви,
Кристалл в серебряной оправе,
И недоступное ветрам

Пространство. В колпаках крахмальных
Стояли повара. На дальних
Планеты задом наперёд
Круженьях сбои то и дело.
А здесь, за белым кругом мела
Я всё смотрела и смотрела,
Как ты вкушаешь райский плод.

2021

****

Так, молча, я смирюсь с решением Богов.
Везде найду твой взгляд пронзительно-глубокий.
Тебя отобразят и прорисуют строки,
Заведомо вписав цепочки наших слов.

Ты озером лесным бездонным завладел
Сознанием моим, и памятью, и следом.
Вопрос зашифровав рифмованным ответом,
Поэт и музыкант – он тот же винодел.

Потомки отомкнут, и выпустят на свет
Дух терпкого вина с историей далёкой,
Хоть мир перевернись, всё с той же подоплёкой,
Что ты – мой музыкант.
А я? Я – твой поэт.

2021

***

Ты такси, ястребиный глаз,
Ты, свидетель ночных феерий,
Ты всегда открываешь двери
Тем, кто руку протянет. В нас

Столько родственного с тобой,
От случайности пассажира,
С подобрало до приютило,
На пролётный, как на крутой

Поворот. Не забудь сказать.
Промежуток такой короткий.
Одиночество где-то в лёгких,
Им давно уж привык дышать.

Как в ловушку пустым нутром
Ты поймаешь тепло чужое,
Про себя возомнив игрою,
Опрометчивым огоньком

Сигаретным. И лоб и рот –
Строго в профиль и свет бегущий.
Чем он дольше с тобой, тем пуще
Ты останешься, он сойдёт.

А пока фонари к стеклу
Пригибаются и взлетают,
Ты подвозишь, сопровождаешь,
Ты ночное бюро услуг.

Вышел, тенью мелькнул. Молчат
Следом фары потухшим взглядом.
Да, дышало!
Да, жѝло рядом
Только квартал тому назад!

Глаз зелёный, с него начать,
С повторения до сноровки.
Одиночество где-то в лёгких,
Им давно уж привык дышать.

1985

***

Будь счастлив, мальчик, все мы – человеки.
Я растянусь, подушкой подперев
Уставший дух. Вчерашний перегрев
Сегодня стал литым загаром.
Некий

Шёл человек по улице пустой.
И может быть окно, и может голос.
Два одиночества, они всегда боролись,
Едва соединившись, меж собой,

Спеша делили два своих начала.
Не надо сказок – пройденный этап.
Я совершу прыжок. Пожалуй, трап
И самолёт – вот то, что враз спасало

Меня всегда. Так, фокус бытия,
Смешение пространств и геометрий.
И может север, блеклый от безветрий,
И может юг, уставший от нытья.

Кто мне сказал, что истина одна?
Компактная, в дорожных мокасинах,
В бортах задраенных,
в ремнях, в карманах, в спинах
Страмбованна, водой утолена

В аэропортах, в лужах, в туалетах.
Счёт чемоданов – взглядом боковым,
Прямым – осмотр попутчиков.
Летим?
«Прошу проследовать…»
А дальше – в кои лета?

Не закопаться в волосы твои
Мне до беспамятств – вырвут самолёты.
Наш рейс промчался.
Вновь в ряды пехоты
Я надеваю латы и рули.

Аэропорт, бурлящий через край,
Не засыпай ещё!
А дальше – в кои веки?
Будь счастлив, мальчик, все мы – человеки.
Я обернусь в двери:
– Не поминай…

1985

Посреди Европы

Кабак был полон. Итальянцы
Кричали громко и смеясь.
В витрине – всей рекою связь,
И воздуха протуберанцы,
Над Нерис[1] музыкой кружась,

Аккордеонной, задушевной,
Так затмевали взгляд окон,
Что таял шум со всех сторон,
И Вильнюс-Град над всей вселенной
Витал под твой аккордеон.

И кофе в чашке, глубиною
Нам обещавший путь ночной.
Украдкой наблюдал за мной
За декорации листвою
Хозяин кабака.
– Постой,

Так едем же!..
И вдруг заплакал
Аккордеон. И свет угас.
«Инсенсатез»[2] знакомый глас.
И мы помчались, словно лаком
Покрытою дорогой. Нас
.
Встречала Матерь-Ночь. За лесом
Парк отмерял Европы центр
Географический. Меж лент
Лучей, всей световой завесой
Играись мы. Луны акцент

Был благосклонен. Небо ясно.
И лес размеренно дышал.
И смерть ты чувствам обещал,
Но, право, обещал напрасно,
Неведом вечности финал.

---

[1]Вилия (литовское название Нерис) – река в Белоруссии и Литве.
[2]«Insentasez» (с англ.'How Insensitive') – популярная джазовая песня в стиле босановы, написанная бразильским музыкантом Антониу Карлосом Жобимом.

НАМАЗАЛИ МУСТАФАЕВ

Гражданский и научный подвиг Титанов

Мы никогда не должны забывать нашу историю и исторических личностей. К каждой странице нашей истории нам следует относиться с особым уважением и почтением.

Гейдар Алиев

Низами Гянджеви – великого азербайджанского поэта и философа по праву можно назвать гением, вознесшим художественное слово на недосягаемую высоту.

«Величье слов и благородство дел» – вот его жизненное кредо и девиз творчества, в котором он утверждал силу и благородство человеческого духа, как единственную незыблемую основу нравственности.

В минувшем году исполнилось 880-лет со дня рождения Низами Гянджеви. В связи с юбилеем Президентом Азербайджанской Республики И.Алиевым было принято распоряжение «Об объявлении 2021 года в Азербайджанской Республике «Годом Низами Гянджеви». Знаменательно, что в этом же, 2021 году исполнилось 150 лет со дня рождения выдающегося русско-украинского востоковеда и слависта, яркого представителя украинской литературы, исследователя истории тюркоязычных народов и украинской диалектологии, крупного ученого с мировым именем, писателя и переводчика – Агафангела (Агатангела) Ефимовича Крымского, чье творческое и научное наследие является уникальным явлением в мировом востоковедении. Следует особо отметить, что именно А.Е.Крымский вернул Азербайджану великого Низами, долгие века считавшегося в научном и литературном мире иранским поэтом. Уникальное владение многими языками позволило великому ученому научно доказать, что Ильяс Юсифоглу шейх Низами родился в Гяндже и является тюрком (азербайджанцем).

Академик А.Е.Крымский является автором монументальной монографии «Низами и его современники». Этот труд сыграл особую роль в области научного изучения и популяризации творческого наследия Низами Гянджеви не только в Азербайджане, но и во многих странах Ближнего Востока, Средней Азии и Западной Европы.

Агафангел Ефимович Крымский (*Aqatangel Efim Qirimli* – на крымско-татарском) родился 15 января 1871 г. во Владимиро-Волынской губернии, в семье учителя истории географии. Предки Агафангела Ефимовича происходили из крымских татар, на что указывает и фамилия ученого. В роду Крымских причудливо переплелись различные этнические нити. Мать ученого была польско-литовского происхождения. По словам самого Крымского, его отец – «белорус по происхождению, русский по воспитанию, мать – полька». Но, имея крымско-татарские корни, сам ученый идентифицировал себя крымским татарином.

Агафангел учился во Второй Киевской гимназии. Среднее образование будущий ученый получил в киевской Коллегии Павла Галагана (1885-1889), где особое внимание уделялось изучению восточных языков. Здесь он осваивает такие языки, как турецкий, итальянский, греческий, латынь и санскрит и, проникшись идеалами украинской культуры, принимает решение посвятить себя изучению прошлого Украины.

Уже в юном возрасте у одаренного гимназиста пробудилась огромная тяга к восточным языкам и культуре народов Востока.

Жажда реализовать свой научный потенциал, и глубокий интерес к изучению восточных языков привели одаренного юношу в одно из лучших учебных заведений Москвы – Лазаревский институт восточных языков (ЛИВЯ), где он в 1889-1892 гг. прошел полный курс обучения, по окончании которого ему предложили работу на кафедре арабской филологии для подготовки к профессорскому званию.

В 1892-1896 гг. А.Крымский завершает курс обучения славяно-русского отделения историко-филологического факультета Московского университета.

Среди преподавателей, оказывавших всемерную поддержку молодому студенту и сформировавших его научные взгляды, следует отметить двух ученых: Ф.Е.Корша и В.Ф.Миллера.

В 1896г. А.Крымский успешно сдал магистерские экзамены в Санкт-Петербургском университете по славянской филологии. За время учебы он в совершенстве освоил ряд восточных и западноевропейских языков. Уже в первых своих работах таких, как «Очерк развития суфизма» (1895), «Шах-наме, або ираньска Книга царив» (1896), «Мусульманство и его будущее» (1899) молодой ученый показал себя эрудированным и скрупулезным исследователем. В 1896г., в целях углубленного изучения арабского языка и ориенталистики А.Крымский на два года отправляется в Сирию – Ливан.

Возвратившись в Москву, молодой учёный приступает к работе в Лазаревском институте. Он преподает историю семитских языков, руководит практическими упражнениями переводов с русского и арабского языков, читает лекции по истории арабской литературы, преподает арабскую литературу, занимается изучением Корана, проблемами перевода на арабский язык философско-литературных текстов.

В 1900 г. А.Крымский получает звание профессора, а на следующий год молодому ученому поручается возглавить кафедру арабской словесности. До 1918 г. А.Крымский является профессором кафедры арабской литературы и истории мусульманского Востока Лазаревского института. Одновременно он читает лекции в Московском университете в качестве профессора кафедры русского языка.

С 1900-1918гг. А.Крымский принимает участие в работе Восточной комиссии, образованной московским археологическим обществом. В состав комиссии вошли лучшие востоковеды Москвы. Следует отметить, что в этот период комиссия при деятельном участии А.Крымского проявляет активный интерес к мусульманскому миру.

Несмотря на идеальные условия для дальнейшего творческого развития в Москве, в 1918 г. ученый, повинуясь своим принципиальным убеждениям, переезжает в Киев, и с этого времени деятельность Агафангела Крымского напрямую связана с Академией Наук Украинской ССР, он становится одним из первых академиков-учредителей Украинской академии наук (УАН), первым её ученым секретарём. В этой должности А.Е.Крымский трудится с 1919 по 1929 гг., занимает должность помощника Председателя Президиума УАН академика Владимира Вернадского, а также возглавляет историко-филологический отдел УАН.

Академик А.Е.Крымский принимает активное участие и в общественной жизни Украины. Так, в 1920г. ученый избирается членом Киевского городского Совета рабочих и красноармейских депутатов, а в 1925г. – Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета.

С 1926г. А.Е.Крымский является членом правления Всеукраинской научной ассоциации востоковедов, профессором кафедры украинистики и восточной истории Киевского университета и возглавляет Институт украинского языка.

По инициативе ученого в Киеве, Харькове и Одессе была создана Всеукраинская научная ассоциация востоковедения.

В конце 20-х годов А.Е.Крымский с клеймом «националиста» подвергся политической обструкции и был отстранен от участия в научной жизни.

Перелом в судьбе ученого наступил в конце 30-х годов, когда его общественные заслуги были оценены по достоинству. После долгого вынужденного перерыва он принимает участие в научной сессии во Львове и произносит речь на могиле друга своей юности – поэта, ученого и публициста Ивана Франко.

В 1940 г. академик А.Е.Крымский за свою активную научную деятельность был награждён орденом Трудового Красного Знамени, в этом же году ему было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Украины».

В 1941 г. в Киеве был торжественно отмечен 70-летний юбилей выдающегося ученого. Но 20 июля 1941 г. против А.Е.Крымского было выдвинуто обвинение в национализме и участии в работе украинской националистической партии. Ученый был арестован и сослан в Казахстан.

24 января 1942 г. А.Е.Крымский – выдающийся ученый, историк тюрколог, славист, исламовед, иранист, филателист, переводчик, писатель, владевший по меньшей мере шестнадцатью живыми и классическими языками, – скончался в кустанайской тюремной больнице.

Еще на протяжении долгих лет в авторских книгах, словарях и научных трудах цензура имя А.Е.Крымского тщательно вымарывала. Более 50-ти лет семья Агафангела Крымского не имела никакой информации о его судьбе.

Дело против А.Е.Крымского было закрыто только в 1957 г., а полностью его реабилитировали лишь в 1960 г.

***

Как уже отмечалось выше, академик А.Е.Крымский идентифицировал себя крымским татарином и посвятил свою жизнь и своё многогранное творчество украинской науке и культуре. Превосходно владея украинским языком, ученый оставил прекрасные образцы прозы и поэзии, войдя в историю украинской литературы как её верный рыцарь.

Труды академика А.Е.Крымского по востоковедению переведены на многие языки мира и получили международное признание. Научное наследие А.Е.Крымского поражает своим фантастическим диапазоном: сфера его интересов включает историю и филологию Ближнего и Среднего Востока, т.е. арабистику, иранистику, исламоведение, семитологию и тюркологию, многие из его востоковедческих работ, (общее их количество достигает 879), написаны и изданы на украинском языке.

Многие выдающиеся деятели литературы и культуры отзывались о А.Е.Крымском как об уникальном явлении в литературе и науке. Высокую оценку его научному наследию дали такие выдающиеся ученые, как академики Е.Бертельс, И.Крачковский, профессор В.Бартольд и другие известные востоковеды.

Академик А.Е.Крымский был первым советским ученым, опубликовавшим оригинальные исследования по истории Кавказской Албании, азербайджанских городов Шеки и Габала и открывшим некоторые неизвестные страницы истории Северного Азербайджана II-Хвв.

Помимо многогранной научной деятельности А.Е.Крымский также был талантливым беллетристом.Так, его первое художественное произведение «Еврей-извозчик» было опубликовано в 1890г. Классик украинской литературы Иван Франко видел в А.Е.Крымском писателя яркой индивидуальности, «*горячо преданного исканию правды*», и высоко оценивал его литературные произведения, называя его *«высокоталантливым поэтом, очень оригинальным прозаиком»*. В 1905 году вышел в свет роман А.Е.Крымского «Андрей Лаговский», а в 1919г. сборник небольших прозаических произведений. Почти одновременно стали появляться публикации ученого на восточные темы и сюжеты. Это были переводы из турецкой, персидской и арабской литератур. Благодаря переводческим трудам А.Крымского украинским читателям открылся загадочный и сложный мир Востока.

Уже в XX веке им были опубликованы на украинском языке: «Історія Персії та ії писменства» (1923); «Хафис іого пісні» (1924); «Історія Туреччини» (1924); «Перський театр» (1925); «Історія Туреччини та іписьменства» (1927); «Тюркіїх мовата литература» (1930).

Одной из важнейших вех в творческой биографии А.Е.Крымского являлась его научно-педагогическая деятельность. Академик относился к ней с предельной ответственностью и строгостью.

Так, известный востоковед П.Густерин в своей статье, посвященной памяти А.Е.Крымского, отмечает: *«Характерной чертой А.Е.Крымского была большая научная щедрость: он широко предоставлял своим ученикам собственные материалы, выступая лишь в роли – чаще соавтора редактора. Он привлекал студентов к переводам серьезных исследований, прививал вкус к разностороннему исследованию любых явлений истории и литературы»*.

Среди его студентов, ставших впоследствии крупными востоковедами, можно назвать: Х.Баранова, В.Гордлевского, А.Гостера, Б.Миллера, С.Осдерьева, Г.Чиркова и др. В своих воспоминаниях они отмечали, что лекции и учебники Агафангела Крымского являлись для них своеобразным окном в науку.

Так, серия «Трудов по востоковедению», издаваемая Лазаревским институтом, приобрела большое значение благодаря многочисленным работам выдающегося учёного. Им были подготовлены и изданы учебные пособия: «Лекции по истории Ирана: «Арзакиды, сасаниды и завоевание Ирана арабами» (1900); «Ислам его возникновение и старейший период его истории. Пособие к лекциям» (1900); «Лекции по истории семитских языков» (1901-1903); «Лекции по Корану: Суры старейшего периода» (1902).

Необходимо отметить, что А.Крымский создал целый ряд кардинально новых учебных пособий по ближневосточным языкам, литературе и истории.

Одной из величайших заслуг А.Крымского является то, что благодаря его стараниям, в начале XX века в Москве сложилась своя школа арабистики, которая способствовала формированию нового поколения учёных в области отечественной и мировой ориенталистики.

Известный советский востоковед академик И.Ю.Крачковский, принадлежащий к ленинградской школе русской арабистики, подчёркивает именно эту сторону научного наследия выдающегося учёного:

«…Значительную часть своей жизни А.Е.Крымский посвятил преподаванию и популяризации. Большинство востоковедческих работ возникло у него из стремления удовлетворить потребности своих студентов. Им была создана целая библиотека отсутствующих ранее пособий по арабистике – истории ислама, обзора семитских языков, истории арабов, истории арабской литературы».

А.Е.Крымский обладал прекрасными организаторскими способностями, способствовавшими развитию его творческой деятельности. Так, с 1900-1918гг. ученый принимал активное участие в работе Восточной Комиссии, образованной Московским археологическим обществом, в состав которой вошли лучшие востоковеды Москвы. А.Е.Крымский являлся автором и редактором трудов Комиссии, издававшихся под названием «Древности восточные».

Одно из важных направлений творчества А.Е.Крымского связано с переводческой деятельностью.

В начале 20-х годов прошлого столетия А.Е.Крымский становится основателем школы художественного перевода восточной поэзии, не только в Украине, но и в Европе.

Благодаря его переводам украинский читатель познакомился с поэзией Хафиза, Омара Хайяма, Рудаки, Саади, Фирдоуси, Навои, текстами из Корана, сказок из «1001 ночи», «Хамсе» Низами Гянджеви и др.

Наряду с этим он переводил на украинский язык русских и европейских поэтов: Дж.Байрона, Г.Гейне, Э.Ростана, А.Кольцова, Н.Некрасова и многих других. А.Е.Крымский перевёл на турецкий язык и стихи Тараса Шевченко.

Одним из магистральных направлений научной деятельности академика А.Е.Крымского является изучение проблем разносторонних культурно-исторических связей народов Ближнего и Среднего Востока.

Следует отметить, что, будучи в Ливане (1896-1898), где он изучал арабский язык, молодой ученый написал статью «Мусульманство и его будущность», где коснулся проблемы культурного возрождения мусульманских народов, которое рассматривалась им как взаимодействие современной культуры Запада и средневековой культуры Востока.

В 30-е годы, продолжая свои исследования в этом направлении, он по материалам, собранным ещё в Ливане, публикует работу под названием «История новой арабской литературы».

В своей статье, посвящённой 100-летию со дня рождения А.Е.Крымского, доктор филологических наук И.М.Смолянская отмечала: *«…А.Е.Крымский проделал огромную исследовательскую работу, которая с одной стороны продолжала русские, западно-европейские исследования культурных национальных взаимодействий, с другой – утверждала традиционные для академический ориенталистики дисциплины – историю новых литератур, современных исторических явлений и фольклора…».*

***

Идея создания фундаментальной монографии «Низами и его современники», посвященной творчеству гениального азербайджанского поэта и философа Низами Гянджеви, у академика А.Е.Крымского появилась в 1939г. Юбилейный Комитет, созданный для празднования 800-летия Низами, объявил всесоюзный конкурс на лучшую научно-исследовательскую работу о творчестве великого поэта и направил известному ученому персональное приглашение для участия в конкурсе.

Следует отметить, что А.Е.Крымский обращался к изучению наследия Низами ещё в начале XXв. Так, в 1912г., в статье «История Персии, её литературы и дервишской литературы» Низами была посвящена специальная глава. В ней был представлен авторский перевод фрагмента из поэмы «Семь красавиц» – «Рассказ индийской царевны».

Фундаментальное исследование прогрессивных взглядов величайшего азербайджанского поэта и мыслителя требовало от учёного-исследователя детального изучения творчества Низами Гянджеви, жизненной позиции героев его произведения, прекрасного знания иранистики, арабистики, тюркологии, кавказоведения и др.

А.Е.Крымский глубоко и серьезно интересовался историей, культурой и литературой азербайджанского народа. Это и позволило ему успешно осуществить такую сложную работу. Он совершенствовался в знании азербайджанского языка, детально изучал быт Закавказья, знакомился с трудами азербайджанских классиков. Результатами его творческой деятельности в этот период стали такие ценные исследования, как: «Азербайджанский язык»; «Насими, заметки о жизни и творчестве»; «История Закавказья: Албанские буквы» и др.

Хочется донести до читателей следующий любопытный факт:

В 1939 г. в преддверии юбилея азербайджанского поэта, в газете «Советская Украина» была опубликована статья Расула Рзы и Микаила Рафили «Низами Гянджеви», которая привлекла внимание всей литературной общественности страны к личности азербайджанского поэта. Несомненно, академик А.Е.Крымский ознакомился с этой публикацией, всесторонне осветившей творчество поэта, его мировоззрение, идеалы, нравственные позиции.

«…Низами – один из самых замечательных людей XII в. В его эпоху Азербайджан переживал один из наиболее выдающихся этапов своего культурного развития», – отмечалось в публикации.

Монографию «Низами и его современники» А.Е.Крымский готовил к 800-летию великого азербайджанского поэта, намечавшегося на 1941 год. Работа над монографией велась по договоренности с Азербайджанским филиалом АН СССР (Аз ФАН).

А.Е.Крымский к работе над монографией относился с особым вниманием.

Свою работу учёный пересылал в Баку из Киева по частям, о чём свидетельствует его переписка с академиком М.А.Дадашзаде.

В архиве А.Е.Крымского сохранились разрозненные страницы, посвящённые жизни и деятельности Низами, а также обзоры политической и духовной жизни Азербайджана и Ирана XII в.. Предположительно, что это первый вариант очерка о великом поэте. Рукопись «Низами и его современники» завершалась особой главой о жизни и творчестве великого поэта.

К сожалению, по невыясненным причинам эта часть фундаментального филологического исследования была утеряна безвозвратно. Возможно, очерк о Низами был утерян при пересылке. Не исключён и другой вариант: начало войны помешало учёному завершить и основательно доработать последний раздел труда.

Монография А.Е.Крымского так и осталась в рукописном варианте. Таким образом, выдающийся труд ученого-энциклопедиста был фактически предан забвению. Единственный машинописный экземпляр, выполненный самим автором, долгое время хранился в Институте литературы им.Низами.

В 1947 г. монография была представлена в юбилейном сборнике «Низами». Правда, появилась только первая глава монографии, с рядом сокращений и грубыми опечатками, не характерными для трудов ученого, всегда придирчиво и дотошно выверявшего свои работы.

***

Творческое наследие выдающегося украинского ученого было закрыто для широкого круга читателей до 1960 года.

Из того, что еще осталось доступным для широкой читательской аудитории в советский период, можно только схематически проследить путь ученого и благоговеть перед колоссальным вкладом, который он внес в украинское и российское востоковедение, в основы современной украинистики.

Подготовка рукописи А.Е.Крымского к печати была начата в 70-е годы прошлого столетия (1968), по инициативе отдела текстологии, руководимым членом-корреспондентом АН Азербайджанской ССР – А.Мирахмедовым. Однако издание труда А.Е.Крымского по не зависящим от Института литературы причинам вновь затянулось.

Годы шли, и редакторские правки также устаревали и не удовлетворяли современным требованиям.

В последние годы в СССР и за рубежом в научно-историческом мире появилось немало интересных работ, главным образом по истории народов Востока. Это, в свою очередь, потребовало сопоставления работы А.Е.Крымского с последними публикациями учёных.

Идея возрождения и подготовки к изданию труда А.Е.Крымского принадлежит выдающимся азербайджанским исследователям, сотрудникам Института востоковедения АН СССР: учёному с мировым именем, известному востоковеду, патриарху азербайджанского востоковедения, Герою Советского Союза, академику Зие Муса оглу Буниятову и доктору филологических наук Газанфару Юсиф оглу Алиеву. Они являлись редакторами этой монографии и блестяще справились со своей задачей.

Уместно здесь привести отрывок из воспоминаний доктора исторических наук Луганского государственного педагогического университета им. Т.Шевченко, профессора В.М.Бейлиса: *«…Как гражданин дружественной Азербайджану Украины не могу не вспомнить о том внимании и уважении, с которым Зия Мусаевич относился к деятельности и научному наследию выдающихся украинских востоковедов – академика Агафангела Ефимовича Крымского и профессора Андрея Петровича Ковалевского. На всю жизнь сохранился в моей памяти морозный вечер 15 февраля 1965 г., когда в Харьковском университете отмечался 70-летний юбилей А.П.Ковалевского. Зия Мусаевич, не посчитавшись со временем и расстоянием, приехал в Харьков и на торжественном юбилейном заседании приветствовал юбиляра от имени азербайджанских востоковедов и прибавил к официальному тексту проникновенные слова, характеризующие его отношение к юбиляру и его учителю А.Е.Крымскому. А в 1981г. Зия Мусаевич и его коллега Г.Ю.Алиев завершили подготовку к изданию книги А.Е.Крымского «Низами и его современники», 40 лет остававшейся в рукописи. В беседе с автором этих строк украинский академик О.И.Прищак назвал «научным подвигом» подготовку к изданию фундаментального труда А.Е.Крымского «История новой арабской литературы», выполненную известным арабистом Анасом Бакиевичем Халидовым. Мне представляется, что проделанная З.М.Буниятовым и Г.Ю.Алиевым работа и выход в свет книги о Низами достойно продолжают начинание А.Б.Халидова по опубликованию научного наследия А.Е.Крымского».*

Труд академика А.Е.Крымского «Низами и его современники» был представлен вниманию общественности в 1981г. Институтом литературы им.Низами АН Азербайджанской ССР.

Ценность предлагаемой читателю монографии А.Е.Крымского заключается в том, что в ней содержится глубокая, основанная исключительно на первоисточниках, история определённой культурно-литературной общности.

Предисловие к монографии под названием «Академик А.Е.Крымский и его сочинение «Низами и его современники» написал редактор Газанфар Алиев.

В нем автор подчеркивает историческое значение принятого в 1979г. постановления ЦК КП Азербайджана «О мерах по дальнейшему улучшению изучения, издания и пропаганды наследия великого поэта и мыслителя Азербайджана Низами Гянджеви». Именно оно, по мнению Газанфара Алиева, сориентировало учёных на комплексное изучение творческого наследия Низами.

Газанфар Алиев высоко отзывается о А.Е.Крымском, как о видном украинском поэте и писателе, человеке исключительной одарённости: *«…Знание многих языков, глубокая осведомлённость в самых широких областях истории, культуры, религии народов Востока, многочисленные труды по славистике ещё до революции выдвинули А.Е.Крымского в первые ряды энциклопедических умов России»*.

Следует отметить, что основная задача монографии «Низами и его современники» состояла в следующем: представить вниманию читателей наиболее яркие историко-литературные факты, являющиеся ценным материалом для научных и литературных выводов.

Газанфар Алиев пишет далее: *«Рассматривая разрозненные исторические и литературные факты в единстве, А.Е.Крымский, несомненно, преследовал цель показать историческую закономерность появления азербайджанского поэта, далеко опередившего свой век, так сказать, историческую детерминированность его высоких, гуманистических идей, его передового мировоззрения»*.

Академиком А.Е.Крымским было создано более 1000 научных трудов по самым различным вопросам востоковедения и славистики. В автобиографии, написанной уже под старость, учёный писал, что он *«щедро платил дань науке и поэзии»*.Труды выдающегося учёного по востоковедению действительно являлись для своего времени «окном в науку».

***

К вопросу о национальной принадлежности Низами Гянджеви хотелось бы сказать особо.

Так, ещё в 1897г. мнение учёного о национальной принадлежности великого Низами всецело зависело от установок западноевропейской востоковедческой науки, которая относила великого поэта без каких-либо оговорок к литературе Ирана.

«Низами – лучший романтический персидский поэт», – писал А.Крымский в небольшом очерке, включённом автором в его «Историю Персии, её литературы и дервишской теософии» (М.: типография «Красного календаря» А. Гатцука, 1914-1917).

Однако уже в монографии «Низами и его современники» А.Е.Крымский однозначно заявляет о национальной принадлежности гениального азербайджанского поэта. *«Надо твёрдо сознать и признать: азербайджанец Низами, конечно, есть азербайджанский поэт, которым Азербайджан может по праву гордиться».* Этот вывод, сделанный академиком А.Е.Крымским в середине прошлого столетия, и сегодня чрезвычайно актуален.

Монография «Низами и его современники» открывается главой «Изучение Низами», в которой представлены почти все работы, а также сведения о великом поэте, как на Востоке, так и в странах Европы, начиная с XII в. вплоть до 1940 г.

Газанфар Алиев в своем предисловии говорит: *«…по широте охвата источников и критической востребованности этот обзор научной литературы остаётся непревзойдённым»* и приходит к выводу: *«Для А.Е.Крымского творчество Низами – вершина гуманистической направленности как азербайджанской, так и всей средневековой персоязычной поэзии».*

Несмотря на то, что монография была опубликована лишь спустя сорок лет после её написания, следует согласиться с мнением автора предисловия: *«Эта книга как литературный памятник, несомненно, один из самых значительных во всей мировой ориенталистике работ о великом азербайджанском поэте»*.

Необходимо отметить, что азербайджанские учёные всегда вносили свой вклад в популяризацию творческого наследия великого Низами Гянджеви.

И здесь особо хочется подчеркнуть роль автора предисловия к монографии, доктора филологических наук – Газанфара Юсифоглу Алиева, азербайджанского ученого, жившего в Москве и написавшего монументальный труд «Тематика и сюжеты Низами в литературе восточных народов». Книга эта была издана в Москве, в издательстве «Восточная литература» (на русском языке). Но, к сожалению, ученому не суждено было увидеть ее... 23 апреля 1984 г. известный востоковед, азербайджанский учёный Г.Алиев скончался в возрасте 54 лет.

И, тем не менее, ученый оставил после себя значительный энциклопедический труд, посвященный 287 поэтам, драматургам и литературоведам, всем, кто обращался к творчеству гениального азербайджанского поэта Низами Гянджеви.

Фундаментальное исследование, посвящённое наследию гениального поэта, проведено доктором филологических наук, профессором Вагифом Арзумановым. Его статья «Бесценное наследие учёного», опубликованная в журнале «Вопросы литературы» (на русском языке), представляется очень ценным и незаменимым источником для литературоведов и востоковедов, изучающих ориенталистику. В статье профессора В.Арзуманова, посвященной фундаментальной монографии А.Е.Крымского «Низами и его современники», внимание уделяется структуре монографии, глубокому рассмотрению пяти ее глав, анализируются некоторые неточности.

Азербайджанские учёные и сегодня активно ведут на международных площадках полемику о национальной принадлежности Низами Гянджеви, приводят веские научные доводы в пользу его национальной идентификации, стремятся популяризировать его творчество на различных языках.

Так, директор Института востоковедения имени академика З.М.Буниятова НАНА – академик Говхар Бахшалиева успешно выступила на международной конференции в Александрийской библиотеке в Египте, где принимали участие известные учёные мира. Г.Бахшалиева в своём докладе подчеркнула этническую идентичность Низами Гянджеви, как азербайджанского тюрка, и отметила великую роль его творчества в развитии тюркского самосознания.

В заслушанных на конференции докладах египетские учёные, педагоги и студенты освещали различные аспекты творчества великого поэта и мыслителя. Однако все выступающие считали Низами Гянджеви «персидским поэтом» и относили его творчество к «персидскому культурному наследию». В связи с этим академик Г.Бахшалиева внесла свои поправки по данному вопросу, а также заметила, что следует более активно и широко освещать достижения азербайджанского, советского и российского низамоведения и представлять его мировой общественности на различных языках.

Заслуживает одобрения научная инициатива ректора Бакинского филиала МГУ им.М.Ломоносова, академика НАНА – Наргиз Пашаевой по организации в Оксфордском университете Научного центра Азербайджана и Кавказоведения им.Низами Гянджеви, а также перевод на английский язык труда выдающегося советского востоковеда Е.Э.Бертельса «Великий азербайджанский поэт Низами».

Под руководством Вице-президента Национальной Академии Наук Азербайджана, директора Института литературы имени Низами Гянджеви, академика Исы Габиббейли была опубликована книга «Великий Низами Гянджеви» на английском, немецком, русском, турецком, китайском, польском, грузинском и болгарском языках.

Ряд азербайджанских и зарубежных исследовательских Центров смогли объединить свои научные поиски.

Так, совместная деятельность Института им.Шота Руставели, Кембриджского Университета и Института литературы им.Низами Гянджеви реализовалась в издании книги «Шота Руставели и Низами Гянджеви» (на английском и грузинском языках).

Журнал «Kardaş Kalamlar» выпустил специальный номер, посвящённый 880-летию великого азербайджанского поэта Низами Гянджеви (на турецком языке).

Национальным музеем Истории Азербайджана был издан выставочный бюллетень под редакцией академика Наили Велиханлы : «Низами Гянджеви и Азербайджанское государство Атабеков».

Национальная библиотека имени М.Ф.Ахундзаде в рамках проекта «Познакомим мир с Азербайджаном» обеспечила рассылку во многие национальные и университетские библиотеки мира таких книг, как: «Великий азербайджанский поэт Низами» Е.Бертельса (на английском и арабском языках); «Роль поэмы Низами Гянджеви «Искендернаме» в межкультурном диалоге» З.Геюшова (на греческом языке) и др.

Много лет продолжается сотрудничество Одесского Дома-Музея имени Н.К.Рериха, журнала «Лига культуры» и Международной Ассоциацией Израиль-Азербайджан («АзИз»).

Директор Музея имени Н.К.Рериха Елена Петренко, главный редактор журнала «Лига культуры» Татьяна Слонимска и представитель «АзИз»а Александр Аграновский вносят огромнейший вклад в развитие дружеских и культурных связей между Израилем и Азербайджаном.

При их активном участии в Одессе проводятся различные мероприятия международного уровня по пропаганде и популяризации творческой деятельности выдающихся деятелей культуры Азербайджана, Израиля и России, которые находят своё отражение в популярном журнале «Лига культуры».

В очередном выпуске журнала была опубликована статья азербайджанского культуролога, профессора Фуада Мамедова на тему «Низами Гянджеви, как великий творец духовной культуры».

В журнале «Литературный Азербайджан» была опубликована статья «Метаязык литературоведения Агатангела Крымского», посвящённая 150-летию со дня рождения выдающегося украинского учёного-востоковеда Агатангела Крымского. Автором этой статьи является Председатель Правления Украинского Фонда Культуры имени Бориса Олейника, академик, член Национального Союза писателей Украины – Александр Данилович Бакуменко, человек, который в это сложное время проводит большую работу, направленную на духовное сближение и культурное взаимообогащение азербайджанского и украинского народов. В своей статье А.Бакуменко отмечает: *«…А.Крымский одним из первых исследователей-востоковедов в мировой литературе открыл малоизвестные этапы жизни и поэтического творчества гениального азербайджанского поэта мыслителя и гуманиста Низами Гянджеви. …Вообще Агатангел Ефимович восхищался характерной чертой азербайджанской поэтической школой XII века, творцом которой был гениальный поэт-мыслитель Низами».*

Я хочу сегодня обязательно вспомнить статью «Азербайджан – страна мультикультурализма» Заслуженного журналиста Азербайджана Эльмиры Алиевой – чуткого и доброго Человека, высокопрофессионального публициста, также опубликованную в журнале «Литературный Азербайджан».

В своей публикации Эльмира ханым познакомила читателей с выпускником тюркологического факультета Киевского университета имени Тараса Шевченко Валерием Марченко. Азербайджановед Валерий Марченко, рано ушедший из жизни, оставил богатое литературное наследство. В книге В.Марченко «Творчество и жизнь» особый интерес вызывают статьи «А.Крымский как наследник азербайджанской литературы», «Древняя азербайджанская литература в исследованиях А.Е.Крымского».

***

Академик А.Е.Крымский является первым учёным-исследователем истории тюркоязычных народов, внесшим значительный вклад в освещение проблем взаимодействия тюркских языков с другими языками, многовековых и культурных связей между тюркскими народами.

Имя Агафангела Ефимовича Крымского присвоено педагогическому колледжу во Владимире-Волынском, а также Институту востоковедения Национальной Академии Наук Украинской Республики.

По решению Генеральной Ассамблеи ЮНЕСКО от 1971г. академик А.Е.Крымский был включён в список самых выдающихся деятелей человечества, а в 2020г. приняла решение отметить в 2021г. 150-летие со дня рождения выдающегося учёного.

Эта статья дала мне возможность вспомнить имена блистательных учёных, внесших огромный вклад в деле возрождения ценнейших исследований академика А.Е.Крымского, сыгравшего большую роль в воспитании нескольких поколений учёных..

Имена этих Титанов науки не должны быть забыты.

ГЮЛЯР АБДУЛЛАБЕКОВА

НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ В ПОЛЬСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ XIX ВЕКА

Литература Азербайджана, признанная одной из древних в мировой культуре, отличается глубоким философским содержанием, неповторимым образно-стилистическим богатством. Изучение азербайджанской классической литературы зарубежными востоковедами проводится зачастую в русле общетюркских, персидских, арабских культурных процессов. Это объясняется известными историческими посылами, обусловленными геополитическими событиями, определяющими культурный, лингвистический ценз в стране.

Объяснение прецедента, связанного с превалированием персидского языка в азербайджанской классической литературе, а также в творчестве её выдающегося представителя Низами Гянджеви, можно найти в исследованиях европейских ученых, в частности, в знаменитой польской энциклопедии Wielka Encyklopedia Powszechna – это иллюстрированный энциклопедический сборник, в котором на странице 1540 опубликована информация об истории Азербайджана: *«Азербайджан (древняя Атропатена) – персидская провинция, находится на северо-западе страны* (Ирана – ***Г.А.***). *Площадь 104,000 кв.м. Это гористая страна, полная удивительных контрастов. Наивысший горный щит Захенд (3,860 м), потухший вулкан Савалан (3,990 м), Малый Арарат. Главная река Аракс, озеро Урмия (1,210 м над уровнем моря). Народ составляют курды и туркманы* (азербайджанцы – **Г.А.**). *В городах развита промышленность. Азербайджан относится к богатейшим персидским провинциям. Столица Тебриз»*.

Далее дается объяснение определения Азер, которое составляет основу названия страны: *«Азер – девятый месяц персидского календаря, месяц тепла и огня. В этот месяц персы посещают святыню огня, совершают жертвоприношения, заседают в советах по мирским делам; Азер – имя духа, властвующего над огнём, Азер – основоположник «Авесты»*.

В 1476 году, в результате войны между Турцией и Ираном, земли Азербайджана от Аракса до Куры были захвачены Ираном. Эта бытность продолжалась 80 лет до начала русско-персидской войны: согласно Туркменчайскому договору (1828 г.), Россия захватила пространство между Курой и Араксом, Нахичеванский ханат, Муганскую степь до самого Каспийского моря. Значительная часть Азербайджана (*Южного Азербайджана* – **Г.А**) со столицей Тебриз и азербайджанским населением численностью 50 млн. человек осталось в составе Ирана. Границей между Ираном и Северным Азербайджаном была определена река Аракс. Новой столицей независимого Северного Азербайджана в 1918 году определяется город Баку. Азербайджанский язык утверждается государственным языком страны.

Подтверждением вышеприведенной информации может служить творчество гения восточного Ренессанса, которое признано шедевром мировой культуры, персоязычного поэта – азербайджанца Низами Гянджеви. Одна из первых публикаций, связанных с творчеством Низами в польском востоковедении, – это перевод с персидского языка на французский отрывка из поэмы «Искендер-наме»: «Поход Искендера Великого против руссов…», изданного в Санкт-Петербурге в 1829 году. Автором перевода является один из польских студентов, выпускник Восточного факультета Императорского Санкт-Петербургского университета, ученик азербайджанского востоковеда профессора Мирзы Джафара Топчибашева – Людвик Шпицнагель. Азербайджанские ученые сыграли значительную роль для подготовки плеяды русских и польских востоковедов.

Выдающийся ученый В.Бартольд отмечал это в своих воспоминаниях: *«Сенковский и Казем-бек своими лекциями создали русское востоковедение, почти все русские ориенталисты следующих поколений были учениками одного из этих ученых или учениками их учеников»*.

Отмечая роль М.Д. Топчибашева в развитии польского востоковедения XIX века, известный польский тюрколог Ян Рейхман подчеркивает: *«Для нас особое значение имеет деятельность азербайджанца Мирзы Джафара Топчибашева… Дело в том, что у него было множество польских слушателей* (студентов – **Г.А.**) *и, следовательно, он мог пробудить как у них, так и у своих друзей – поляков интерес к азербайджанской литературе»*.

Интерес к азербайджанской классической литературе в Польше находит свое отражение также в старых польских изданиях, к числу которых относится Encyklopedia Olgenbrandta XIX века, где впервые был опубликован научный материал о классике азербайджанской литературы – Низами Гянджеви. Несмотря на небольшой объем публикации, она содержит ценную информацию, охватывающую различные проблемы, связанные с творчеством поэта. Здесь прежде всего представлены биографические сведения: *«Персидский поэт, родился в городе Гянджа, настоящее имя Абу Мухаммед Бен Юсиф Шейх Низамеддин. Находился в центре внимания и особой опеки властвующего в то время в Персии принца Сельджукидов (…). Умер в преклонном возрасте, в 1180 году»*. (Перевод с польского здесь и далее – **Г.А.**).

Автор объективно характеризует роль и место поэта в персидской литературе, называя его «основоположником романтической поэзии».

Следующая важная информация связана с обзором творческого наследия азербайджанского поэта: *«Помимо «Дивана» или сборника лирической поэзии им написано пять великих поэм, которые утвердили его славу, они считаются до сих пор в Персии несравненными, исключительными поэтическими произведениями. Многие поэты старались им подражать…»*.

Обзор творчества поэта содержит важный научный анализ идейной и художественной значимости произведений Низами, истории изучения наследия поэта в европейской науке: *«1) «Mehzanul-Asrar» – («Сокровищница тайн» – **Г.А.**) – дидактическая поэма, в которой теоретические познания автора во взглядах на мораль переплетаются с поучительными историями, анекдотами, сказками (изданы в Лондоне в 1844 году); 2) «Chosrow a Szirin» («Хосров и Ширин») – романтическая эпопея, в основе которой лежит история любви персидского шаха Хосрова (перевел на австрийский язык Stummer, Wieden, 1812), в двух томах; 3)«Leyli a Medznun» («Лейли и Меджун») – повесть о любви Меджнуна – сына арабских пустынь к красавице Лейли (английский перевод – Atkinson, London, 1836); 4) «Chaft-peykar» («Семь красавиц») – сбор семи поэтических повестей, наподобие Гептамерона, известнейшая из его повестей – четвертая – «Турандот», была переработана К.Гоцци и Ф.Шиллером как спектакль для театра (персидский текст с немецким переводом – Эрдман, Казань, 1835); 5) «Iskender-name» («Искендер-наме») – историческая легенда об Александре Великом, вольная интерпретация жизни Александра Великого с Псевдо-Каллисфенеса, широко известного на Востоке. Поэма написана не просто на сказаниях, она является свидетельством блистательной эрудиции Низами, выраженной в философско-магометанском духе».*

Этой же теме посвящено исследование немецкого ученого: см. Bacher. Nizami und Aleksander.

«(…) Поэма разделена на две части из которых первая значительно поэтичнее (персидский текст, Kalkutta, 1812).

Другая часть – дидактического характера (персидский текст, перевод – Spenger, Kalkutta, 1852). Эти пять великих поэм были неоднократно изданы и иллюстрированы в Индии и Персии».

Автор этой небольшой по объему, важной и содержательной статьи обозначен тремя инициалами – F.H.L. Нам удалось найти его полное имя в примечаниях: Fryderik Chenrik Lewestam – Фредерик Хенрик Левестам – один из первых исследователей творчества Низами Гянджеви в Польше XIX века. Свое исследование автор посвящает проблеме творческих инспираций, истории переводов и изучения Низами Гянджеви в Европе. Ф.Х.Левестам высоко оценивает личность поэта, определяя его как человека, «обладающего блестящей эрудицией в философско-магометанском духе», пять его поэм польский исследователь определяет как «великие, несравненные, исключительные поэтические произведения».

Начало XX века отмечается активным взаимодействием польской и азербайджанской культур, интенсивно развиваются научные связи. Новое поколение польских востоковедов продолжает изучение азербайджанской народной литературы, наследие классиков – Хагани, Низами, Физули, Вагифа. Среди известных в мировом востоковедении ученых Ананий Зайончковский, Ян Рейхман, Станислава Рымкевич, Барбара Маевска, Тадеуш Майда и другие.

Автором ряда статей, посвященных творчеству Низами, является академик А.Зайончковский: «Исследование мастерства Низами и тюркского фольклора в поэме «Хосров и Ширин» в персидском оригинале». Творчеству Низами Гянджеви посвящены статьи, опубликованные в известном востоковедческом журнале «Przegląd Orientalistyczny» – Nizami z Gandży».

Самой ранней фольклорной тюркской версии сюжета поэмы Низами «Хосров и Ширин» посвящена его статья «Древнейшая турецкая версия «Хосров и Ширин». Следующее исследование польского ученого содержит анализ стилистики и поэтики тюркской версии сюжета поэмы «Хосров и Ширин».

В 1965 году журнал «Восточное обозрение» публикует очередную статью А.Зайончковского, посвященную творчеству Низами: «Treny filozofów na śmierć Iskandera» – «Споры философов о смерти Искандера». Из отмеченных выше исследований, посвященных творчеству Низами, выявляется стремление автора к утверждению тюркского начала в творчестве поэта, к утверждению его тюркского генетического происхождения.

К творчеству Низами вслед за А.Зайончковским обращается ряд известных польских востоковедов. Т.Майда посвящает свою статью описанию рукописи Низами, хранящейся в польских архивах, Б.Маевска исследует эстетические категории в персоязычной поэзии классического периода, основываясь на произведениях Низами.

Барбара Маевска в статье отмечает влияние Низами на многие поколения ближневосточных и среднеазиатских поэтов. К сожалению, она не называет авторов, творчество которых формировалось под влиянием великого азербайджанского поэта. Представляют интерес высказывания Б.Маевской о поэме «Искендер-наме»: «В основу произведения, – отмечает исследователь, – положена легенда о двурогом Александре. Александр, созданный Низами, стал не только бесстрашным вождем, но также справедливым властителем…». Автор исследования останавливается на композиции поэмы, кратко описывает содержание основных частей «Искендер-наме».

Б.Маевска – известный польский ученый иранист, в совершенстве владеющая персидским языком, представляет польскому читателю переводы поэм Низами «Искендер-наме» и «Семь красавиц». К числу исследователей творческого наследия Низами следует отнести также польского востоковеда Ст.Шаср, его статья: «Описание оплакивания (яс) в турецком переводе «Хосров и Ширин» привлекает внимание профессиональным анализом этнографических элементов в творчестве азербайджанского поэта.

МАРАТ ШАФИЕВ

Низами, «Сокровищница тайн», Ахи, алхимия души, древняя астрономия и медицина, и прочее или Фазан, умирающий от запаха кипариса

Посвящается Дж. Дж.

Это не литературоведческая работа, я не специалист по литературе Средних веков. Но поэтические озарения постоянно подпитывают науку. Ретроспектива событий представляется мне таковой.

1178 год – Низами тридцать семь лет. Правоверный мусульманин – он знаток Корана и хадисов, а также Библии и апокрифических текстов (Иисус и мёртвая собака; Иисус-красильщик; Рабия и умирающая в пустыне собака; Хызр и Моисей; Харут и Зухра; «Чиханье Адама – к Мессии дойдёт» – когда Бог вдохнул в глину, новоявленный Адам чихнул, а Гавриил сохранил чих в рукаве Марии, отчего она забеременела); в совершенстве владеет языками: азербайджано-тюркским, арабским, фарси; постоянный посетитель большой городской библиотеки – «Дар аль-Кутуб»: изучает фольклорные и исторические источники (в том числе тюркский эпос «Китаби-Деде Горгуд», евклидову геометрию и «Сочинение, или Математическая система» Птолемея Клавдия, богато иллюстрированную рисунками небесных тел. В пятой главе (всё той же будущей «Сокровищницы тайн») оперирует сложной системой образов: Пророк выпустил из созвездия Лука стрелу – Меркурия и выбил яд из тела козлёнка (Козерога), который лежал на ядовитой скатерти Сатурна. Из описания звёздного неба можно вычислить и дату Вознесения – начало весны: Солнце находилось в созвездии Водолея, голова Рыбы склонена к Водолею.

Несколько медицинских рецептов от Низами: приход Близнецов (22 мая – 22 июня) сопровождается сильными ветрами, и этот сезон благоприятен для кровопускания. Сумасшествие – следствие охлаждения мозга. В тучном, холёном теле не остаётся места для духа. Эпилептиков держат в темноте, ибо свет усиливает болезнь. От чёрной меланхолии спасает «муфаррих» – снадобье толчёного рубина и жемчуга. Страсть умеряют камфорой. Орех используется как жаропонижающее. Сжигая тростник, получают магнезию, утоляющую жажду. Желтуху лечат уксусом. Из сока незрелого винограда делают тутню – мазь, улучшающую зрение. Бельмо удаляют жасмином, а настойка тимьяна – противоядие от укуса скорпиона.

И наука всех наук – алхимия. Аллах «с презренного золота – стыд его смыл», и цель алхимика (приставка «ал», явно указывающая на арабское происхождение) дерзновенно повторить этот эксперимент: превратить с помощью философского камня «обыкновенные» металлы в «благородное» золото («лишь камень философов – медь золотит»). Низами известно, что золото тянется к ртути, а ртуть избегает золота. Символ алхимии – змея (Дракон): «Ночная змея моя дала мне солнечный шарик». В голове змеи содержится небольшой шарик, у проглотившего его – исполняется желание. Золото важно не само по себе: «Лишь цель придаёт ему ценности знак, Без цели – что золото, то и мышьяк» (мышьяк – песок золотистого цвета).

Низами подобен энциклопедии, чего только мы не узнаем от него о быте, нравах, суеверии средневековых гянджинцев! Медным грохотом спасали Луну при затмении, на свадьбах на головы новобрачных сыпали леденцы и золотые монеты. Птица счастья Хумай (Феникс) благородна тем, что никого не обижает и довольству-

ется лишь обглоданной костью. Сова приносит несчастье, но стережёт клады, спрятанные в развалинах. Колдуны, чтобы приворожить девушку, чертили имя на подкове и бросали её в огонь. Зубы чистили толчёным ивовым углём. Старая змея питается прахом, ядовитая змея слепнет при виде изумруда, а бирюза образуется из костей умерших от любви. Фазан умирает от запаха кипариса. Лев оставляет слюну и прячется; пришедший на водопой олень, чуя слюну, стоит как прикованный. Чтобы алоэ горело, его смешивают с сахаром. В недрах гор живёт зловредная старуха, которая всегда отзывается эхом, чтобы сбить с дороги путника.

Низами пробует писать газели. И вчитывается (восхищаясь и ревнуя?) во все доступные диваны. В «Сокровищнице…» упомянет героев «Шах-намэ» Фирдоуси: Джамшида, Заххака, Кай-Хосрова, Фаридуна, Сама и Заля. Но кого поставит в один ряд с собой? «И жребий упал – на имя твоё. Двух славных поэтов – две книги на суд, И обе печать Бахрамшахов несут». Санаи (дата смерти колеблется от 1126 до 1193 г.) своё мистическое сочинение «Сад истин» посвятил Бахрам-шаху Газневиду, а Низами – сельджуку Фахр-Эддин Бахрам-шаху. Между прочим, муршид Санаи – Мухаммад бин Мансур являлся также духовником Омара Хайама. (Учитель сразу двух великих поэтов – несомненно, и сам поэт; не бывает ученика превыше учителя?)

Низами напичкан бесполезной информацией, сейчас он больше всего нуждается в тихой скамеечке. В максуре – потайном помещении мечети – «сделав ногу из головы, а голову из ног», став по виду мячом и крючком чоугана (клюшка для игры в конное поло), совершает он медиативное путешествие внутри самого себя. Он видит семь халифов (семь органов) (и семь дурных качеств человеческой натуры!), но и красный всадник – печень, и богатырь в рубиновом кафтане (лёгкие), и печальный отрок, разведчик на охоте – желчный пузырь, и чёрный раб, пожирающий помои, – селезёнка, и арканщик, строящий засаду, – желудок с кишечником, и один меднотелый с панцирем из серебра – почка, все они – рассеянные мотыльки вокруг Сердца. Но это не то сердце – «сгусток воды и глины», а Сердце сердца: «Для горя сердца найди Сердце, утешающее горе». И Сердце сказало языком: «О бессловесный, ты оставь это гнездо (тела) и ищи птицу (дух). «Господин взял меня за руки и направился в какой-то сад». Аромат амбры – галин, которым благоухает рай, был слаб по сравнению с благоуханием этого сада, откуда не хотелось возвращаться.

О втором уединении Низами рассказывает как о ночном веселии: «Вельможный господин (мой) однажды ночью, влекомый (чувством) родства, Провёл несколько мгновений с двумя-тремя сородичами» – «То, что человеку удаётся получить за всю жизнь, дарилось другу в одно мгновение». Музыкантшей на том пиру выступила сама Зухра (Венера). Подставка, в котором стояла свеча, от вина (пламени свечи) захмелела, а мотылёк, кружившийся вокруг, совсем опьянел. Петух жарился на вертеле, чтобы не смог сообщить о наступлении утра. Кудри пери стали ошейником безумных. Поцелуи Возлюбленной, подобно вину, опьяняли, и удостоившиеся поцелуя тут же падали, опьянённые, но аромат её губ, подобно дыханию Масиха (Мессии), возвращал к жизни. Ворот гурии подобной красавицы расстегнулся; увидев обнажившуюся грудь (белую, как утро), пирующие обезумели. У свободных (по-персидски «азадеган» – благородные, великодушные, благородного происхождения) от веселья рты были так сомкнуты (наполнены) смехом, что было трудно даже вздохнуть.

В ночь Предопределения («Такой светлой, словно солнце, ночи Ищу я неустанно, но не могу найти даже во сне. Кроме той ночи, у меня не было веселей радости… С тех пор все ночи я молюсь: «Господи, господи!» Чтобы ещё раз (я) увидел ту блестящую ночь») случилось главное – Низами не просто настигла судьба (обдуман план первой поэмы; отныне он не хаким, не лекарь, не алхимик, он – поэт: «Мы – крик к Тебе, о – отзовись на крик!», хатир – кричащий) (автор будущей «Пятерицы»!), но, медитируя, он достигает своего глубинного течения и находит ответ на волновавшие его вопросы – термин «йакин» в классической теософии, так же, как в

учении суфиев, обозначает «достоверное познание Бога, уверенность в познании». Одна ночь свидания с Ним стоит жизни Вселенной.

Видения Низами – типичный пример изображения суфийских радений. Взаимоотношения с Сердцем («Убедившись, что не избежать подвижничества, Начал я учиться у этого господина подвижничеству») вполне соответствуют взаимоотношениям муршида и мюрида в суфийской практике. И не есть ли максура мечети – аллегория суфизма, который есть святая святых, сердцевина ислама? Тем более Низами говорит о своей книге: «Окраска её не совпадает с теми цветами, которые существуют, (Язык) её не совпадает с теми языками, которые существуют».

По сведениям Даулатшаха Самарканди («Тазкирataш-шуара», «Жизнеописание поэтов», 1487), наставник Низами – Ахи Фарадж Занджани. «Ахи» в имени отсылает нас к союзу ремесленников – Ахи. Вот и в «Сокровищнице…» проходят персонажи различных профессий. Низами пытается увещать царей, говоря о единстве человеческой сущности: «Убери руки с головы обездоленных – оставь в покое обездоленных, Перестань творить насилие над ними», о себе же заявляет: «Я горд и счастлив, что меня не тяготит, как тебя, ни власть, ни богатства И, довольствуясь малым, живу трудом своих рук».

В суфийской традиции так происходит постоянно – от могучего ствола отпочковываются новые зелёные побеги. И если соединить в цепь: Ахи, Низами, хуруфиты, Наими и Насими, Сефевидское государство (сокрушившее Ширваншахов, покорившее Персию и Хорасан), то надо признать, что работа оказалась не напрасной, а её последствия (плоды) для мировой истории – значительными.

Подражание Низами

О, Создатель всего бытия!
Из глины я вышел – Воля Твоя!
В небытие Ты меня отыскал,
зачем же себя я в себе не сыскал?
Ты знаешь начало, видишь конец,
к чему я назначен – скажи, наконец.
«Алиф» вертикали, окружности «мим» –
неужто, и вправду соперничал с Ним?
Вселенная малая в повести есть,
но звёздную книгу кто может прочесть?
Страдают герои, вьётся сюжет,
но обрывается в некий момент.
Не страшно, не страшно – блестит за окном
и дышит прохладой земной окоём;
под тяжестью яблок трещит ночной сад,
и дарит желанья густой звездопад.
Господи, благодарю за Добро,
не выпадает из рук пусть Перо,
чтобы не ухнули наши миры
в бездну забвенья чёрной дыры.
А я подсоблю, чем я только могу.
…Я жирною глиной лёг на лугу.

МАРАТ КУЛАТАЕВ

Марат Кулатаев родился в 1960 году. Окончил санитарно-гигиенический факультет Карагандинского государственного медицинского института. По специальности – санитарный врач. Живет и работает в г.Тараз, Республика Казахстан. Публиковался в журналах: «Кольцо А», «Нева», «День и ночь», «Белая скала», «Нива», «Книголюб», интернет-журналах и других изданиях. Автор десяти сборников рассказов.

Усыновленный

Рассказ

Дамели украли для замужества сразу же после окончания школы. Сопротивляться девушка не стала, да и зачем.

Жила она в отдаленном маленьком селе вдалеке от цивилизации. Кругом, кроме голой бескрайней степи, ничего не было, да и погода каждый божий день была однообразная и унылая. Небо было затянуто низкими кучевыми облаками, постоянно дул ветер. Летом стояла жара несусветная, зимой – морозы. От такой погоды и люди, живущие в селе, были какие-то необщительные, постоянно ходили угрюмые, никто ни с кем особо не общался, каждый жил сам по себе.

Родители Дамели были простыми людьми, отец пас скот местного богатея, а мама там же работала дояркой.

В своей жизни Дамели ничего хорошего не видела, видела только скотину, потому что с малых лет помогала матери доить коров, отцу – пасти баранов, вот и вся радость. Она даже не могла и мечтать о чем-то хорошем, некогда было.

Получается, что дальше села она никуда не выезжала.

Правда, один раз в десятом классе на зимних каникулах их всех возили в областной центр и все, – тогда для нее это был большой праздник, который она запомнила на всю свою жизнь.

В семье их было восемь детей, Дамели была самая старшая. Поехать куда-то учиться она не могла, не было средств. Тому, что ее украли, были рады и родители, меньше хлопот.

Жених Тохтыбай был из соседнего села, у него было свое небольшое крестьянское хозяйство, с десяток коров, столько же лошадей и пятьдесят баранов.

Красавцем он не был, маленького роста, плюгав, не имел своего мнения, жил умом матери. В семье, кроме него и матери, были еще четыре сестренки, в общем, он был продолжателем рода. Жили они в большом одноэтажном доме с многочисленными хозяйственными постройками.

Дамели была молода, свежа, с красивыми чертами лица и стройненькой фигурой. Для Тохтыбая она была очень даже хороша, не зря он присмотрел именно ее из соседнего села, хотя в его селе невест на выданье было хоть отбавляй.

Как только Дамели попала в дом Тохтыбая, жизнь для нее превратилась в сущий ад. Никакого там свадебного путешествия, даже в областной центр, не было и в помине.

С первых же дней она вставала чуть свет, шла доить коров и лошадей. После готовила завтрак и подавала чай домочадцам, готовила обед и выполняла всю работу по дому, затем доила, кормила скот, готовила ужин, и так целый день до поздней ночи. В благодарность ее постоянно пилила свекровь:

– Взяли мы тебя, безродную, в дом из жалости, а то вон у нас в селе сколько невест на выданье сидят и ждут, только пальцем помани! Мой Тохтыбай просто красавчик по сравнению с тобой! Ты должна нам быть благодарна, что мы тебя в свой дом взяли, поди, такого дома и добра в нем ты в своей жизни не видела! Куда тебе, если у тебя родители всю свою жизнь работают на чужое добро, своего у них нет, наверное, никогда и в помине не было!

В ответ Дамели, как всегда, молчала, ее жизнь ничем после замужества не изменилась, единственное – дома ее жалела мама, иногда разрешала немного поспать и отдохнуть, здесь же ее никто не жалел, обращались все с ней, как с прислугой, причем бесплатной.

Так без любви она прожила с Тохтыбаем пять лет, детей у них не было. Не зря в народе говорят, что дети рождаются от любви.

Теперь свекровь ей выговаривала:

– Ты, оказывается, пустая, оставишь наш род без наследника. Зря мы тебя взяли в свой дом, ты все наши надежды разрушила. Гнать тебя нужно в шею, пока не поздно!

– Мама, можно мы с Тохтыбаем съездим в район и покажемся врачу, может, она какое-нибудь лечение назначит? – молила слезно она.

– Ладно, ты сама поезжай, покажись врачу, это ты не можешь понести. Мой сын здоров, в этом я уверена, – ответила зло она.

Дамели съездила в районную больницу, там ей попалась сердобольная врач, она ее обследовала и сказала, что у нее все в порядке, пусть приедет ее муж и тоже пройдет обследование.

Приехав домой, Дамели сказала свекрови:

– Мама, я прошла обследование, у меня все в порядке. Врач сказала, чтобы Тохтыбай тоже приехал на обследование, может, у него там что-нибудь не так, хоть пролечится, и я понесу от него.

– Еще этого не хватало, мой сын здоров, это ты больная какая-то попалась, – ответила зло она.

На следующий день она сказала сыну:

– Давай, отвези домой Дамели со всем ее пустяшным приданым, толку от нее все равно нет, вижу, что не дождусь я от нее внуков. Я тебе здесь другую невесту присмотрела, вон у соседки дочь на выданье, кровь с молоком, она и родит нам наследников.

– Хорошо, мама, – ответил покорно сын и в тот же день отвез Дамели домой.

Дамели этому была несказанно рада, что вырвалась из этого ада, а мужа своего она никогда не любила.

Родители, привыкшие всю жизнь к повиновению, отнеслись к возвращению дочери спокойно, ни в чем ее не упрекали.

Первое время она сидела дома и никуда не выходила, ей было стыдно показаться на люди.

Так она просидела дома месяц, пока мама ей не сказала:

– Доченька, от жизни не спрячешься, все, что было, прошло, забудь, да и кому какое дело до тебя. Живи дальше, а то вон молодость твоя проходит, Бог даст, найдешь еще свое счастье.

– Спасибо, мама, – ответила благодарно дочь.

Как раз шла уборка урожая, Дамели устроилась в местное товарищество убирать картошку.

Рано утром она уходила на работу, поздно вечером возвращалась.

В бригаде работали в основном женщины, бригадиром был мужчина по имени Алмаз. Он был старше Дамели на три года, как про него судачили женщины, был в разводе.

Его жена с ребенком, не выдержав тягот сельской жизни, уехала жить в город к родителям, там выскочила замуж. С ней он познакомился на свадьбе ее родственника, на который она приехала из города. Там у них случилась любовь, затем они поженились. Все уговаривала его уехать жить в город, но он не захотел оставлять родителей одних в селе. Из-за этого у них начались скандалы в семье, в итоге она сама укатила в город и успела выскочить там замуж.

С первых дней Алмаз стал ей оказывать знаки внимания. Дамели старалась их не замечать, у нее еще остался тяжелый осадок от замужества, и она больше не хотела замуж.

Может, оттого, что у них была схожая судьба, оба были в разводе, она потихоньку стала привыкать к нему, в общем, они стали встречаться. Поначалу они просто гуляли за селом, любовались звездами, яркой луной, мечтали. Однажды Алмаз, взяв ее за руку, страстно сказал:

– Дамели, я полюбил тебя, выходи за меня. Я буду всю жизнь любить и оберегать тебя.

– Ты мне тоже нравишься, я согласна, только не обмани меня, этого я уже не перенесу, – ответила радостно она.

После этого молодые наметили день свадьбы и стали готовиться. Но тут случилось несчастье, Алмаз поехал по делам в город и попал в аварию, его в тяжелом состоянии отвезли в больницу, где он и скончался.

Для Дамели это был страшный удар. Она горько плакала, приговаривая:

– В чем я провинилась перед Богом? За что мне такое наказание! Только-только нашла любимого человека, и его у меня забрали!

– Не плачь, дочь, не гневи Бога, – успокаивала ее, как могла, мать.

– Мама, я беременна от Алмаза, кому я теперь нужна такая, что мне теперь делать, не знаю, – говорила плача она.

– Ладно, я тебя отправлю в город к своей родственнице, у нее дочь врач, работает в поликлинике, она поможет тебе сделать аборт, чтобы об этом никто не узнал, – сказала решительно мама.

Мама позвонила своей родственнице в город, объяснила ей ситуацию, та сказала, пусть приезжает, поможем, чем можем. Не откладывая дело в долгий ящик, мама отправила Дамели в город к родственнице.

В городе Дамели встретили радушно, не приставали к ней с расспросами, пока она сама не рассказала о цели своего визита.

– Тетя, мне нужно побыстрей сделать аборт, помогите мне. Отец ребенка, с которым мы собирались пожениться, погиб в аварии, кому я теперь буду нужна с ребенком, – со слезами сказала Дамели.

– Ни в коем случае тебе нельзя делать аборт. Потом у тебя может больше детей и не быть. Дети от Бога, ты что, хочешь убить живое дитя – это большой грех, я в этом не собираюсь принимать участие. Если ты сделаешь аборт, потом об этом сама жалеть будешь и нас винить, – сказала решительно Гульназ, дочь тети.

– Меня об этом просила моя двоюродная сестра, и я не могу ей в этом отказать. Что мне теперь делать прикажешь, – сказала с сожалением мама Гульназ.

– Позвони своей сестре и объясни ей, что нельзя делать аборт, и все, – ответила Гульназ.

– Хорошо, я позвоню сейчас и все сестре объясню, – сказала она и стала звонить сестре.

Они о чем-то долго беседовали. Потом тетя положила трубку телефона и сказала:

– Сестра ни в какую не соглашается, делайте, говорит, аборт и все.

– Ладно, пусть Дамели у нас поживет, пока ее мама не успокоится, а аборт я все равно не дам ей делать, – сказала категорически Гульназ.

– Хорошо, дочка, пусть будет по-твоему, – ответила тетя, которая во всем привыкла слушаться дочь.

Дамели осталась жить у родственников. Когда пришло время, родила мальчика, которого назвали Арман.

К тому времени ее мама успокоилась и уже жалела о том, что заставляла дочь сделать аборт. Как только Дамели родила, она сразу же забрала ее с ребенком домой.

Родители Дамели усыновили его.

Дамели же уехала в соседний район к родственникам матери, там она вышла замуж и родила троих детей.

Арман рос на редкость смышленым и умным ребенком, да и внешность его была какая-то особенная, породистая, не как у аульного мальчика. Высокий ростом, худощавый, светлолицый, с волевыми чертами лица, излучающими уверенность и спокойствие, он был первым помощником родителям, без его совета и участия ничего в доме не делалось, а других детей семейные дела не интересовали. Даже сельчане, у которых возникали какие-то проблемы, приходили посоветоваться с ним.

В селе об умном мальчике поговаривали:

– Надо же, какого умного внука Бог им дал, даже не верится, что он их крови, может, в роддоме перепутали!

После окончания школы Арман поступил учиться на юриста в столичный университет, который окончил с красным дипломом. По рекомендации декана его пригласили работать юристом в крупную частную компанию. В течение трех лет он от рядового сотрудника поднялся до директора юридического департамента.

Арман никогда не забывал о родителях, постоянно высылал им деньги и часто звонил.

Когда Арман женился, то построил себе двухэтажный коттедж и стал звать к себе жить родителей.

– Папа, мама, давайте я вас перевезу жить к себе, места всем хватит. Зачем вам пасти скот, топить печь, отдыхайте, вы и так наработались за свою жизнь, – говорил он им по телефону.

– Спасибо, сынок, за заботу, тут земля наших предков, как мы можем ее бросить. А скотина, она божья тварь, мы пасем ее, потому что так привыкли жить. Теперь мы на пенсии, слава Богу, нам хватает на жизнь. Спасибо, что не забываешь нас, стариков, – отвечали, прослезившись, они.

Тогда он купил родителям новый дом в селе, корову и несколько баранов, чтобы старикам не было скучно. Раз в год во время отпуска Арман со своей семьей обязательно приезжал навестить родителей, а также постоянно звонил и присылал им деньги.

Родные же дети о родителях и не вспоминали…

АГАГУСЕЙН ШУКЮРОВ

ТВОРЧЕСТВО АБАЯ КУНАНБАЕВА В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

В литературе народов мира есть такие исторические личности, которые, будучи представителями одного народа, благодаря дарованному свыше необычайному таланту и богатому общечеловеческими идеями творчеству принадлежат всему человечеству. Подобными гениальными представителями древней и многогранной азербайджанской литературы являются Хагани, Низами, Насими, Физули, Мирза Фатали Ахундзаде и многие другие, в европейской литературе – это Гомер, Шекспир, Данте, Бальзак, Гюго и т.д., в общетюркской литературе – Джалаледдин Руми, Ахмед Ясави, Юнус Эмре, в узбекской литературе – Алишер Навои. Классик общетюркской и мировой литературы Абай Кунанбаев также является одним из таких творцов.

Великий политический деятель, философ и мыслитель, общенациональный лидер азербайджанского народа Гейдар Алиев высоко ценил творчество Абая: *«Абай, его творчество принадлежит всему человечеству, всем народам. Естественно, Абай – гордость казахского народа, счастье казахского народа, ведь у него есть такой великий сын, ученый, просветитель, указавший своему народу правильный путь, ведущий к счастью и благополучию. Наряду с этим, Абай принадлежит всему человечеству, в том числе азербайджанскому народу»*.

Эту мысль можно считать точкой отсчета и методологией исследований по изучению блестящей страницы азербайджано-казахских литературных связей.

Хотя большую часть своей жизни Абай Кунанбаев прожил в XIX веке, с точки зрения и календаря (1904), и влияния творчества он является поэтом XX века. Следует подчеркнуть, что казахская литература XX века дышала Абаем. И богатое наследие классика, и эпопея Мухтара Ауэзова «Абай» («Путь Абая») позволяют нам подробно ознакомиться как с атмосферой, царящей в те годы, так и с личностью Абая, его произведениями и судьбой.

«Абай Кунанбаев – величайший поэт казахской реалистической литературы XIX века. Автор около 200 стихотворений, 3 поэм и 45 прозаических произведений, А.Кунанбаев стал глашатаем демократических идей и в реалистической манере отразил в своих произведениях чаяния и мечты, решимость, волю своего народа к борьбе. Творчество Ч.Велиханова, И.Алтынсарина и А.Кунанбаева заложило крепкий фундамент казахской литературы XX века. Созданные ими традиции были продолжены Акылбаем, Аканом Сери Корамсаулы, Султанмахмутом Торайгыровым, Сабитом Донентаевым, Спандияром Кобеевым, Сакеном Сейфуллиным, Ильясом Джансугуровым и другими» (Quliyev E. «Abay Kunanbayev». c.8-9 Ankara, 2020.).

Сборник произведений Абая Кунанбаева был издан в Азербайджане в 1954 году. Стихотворения Абая переводили на азербайджанский язык такие поэты, как Сулейман Рустам, Мамед Рагим, Мамед Араз, Мирварид Дильбази, Атиф Зейналлы, Адиль Бабаев, Алиага Кюрчайлы, Ахмед Джамиль. В 1954 году в Баку на азербайджанском языке также был издан роман Мухтара Ауэзова «Абай» в переводе Алекпера Аббасова.

В разделе «Казахская литература» учебника «Литература народов СССР», изданного в 1966 году, профессор Панах Халилов отмечал: *«Абай, старавшийся пробудить свой народ от сна, указал также и на врагов народа. В лирике Абая нашли свое художественное отражение не определенная часть казахской жизни, не образы нескольких глав родов и чиновников, а широкие сферы социальной жизни, обществен-*

ные отношения в стране, типичные образы представителей различных слоев и классов. Поэт разоблачил хаос, царящий в феодально-чиновничьем управлении» (P.Xəlilov.«SSRİ xalqları ədəbiyyatı». c. 318 Bakı, 1966).

Казахская литература первой половины XX века развивалась под воздействием просветительских идей таких мыслителей, как Чокан Велиханов, Ибрай Алтынсарин и Абай Кунанбаев. Именно в этот период в казахской литературе произошел переход от просветительского реализма к критическому. Во введении к изданному в Азербайджане сборнику произведений Абая Кунанбаева (Баку, изд. «Мутарджим», 2017) профессор Панах Халилов указывает на три истока творчества Абая: 1) просветительство XIX века; 2) казахский фольклор и акынская поэзия; 3) восточная литература, западная философия и русская литература. Его отец – жестокий феодал, глава рода Тобыкты Кунанбай назвал сына Ибрагимом. Но Ибрагим рос с бабушкой и матерью (у Кунанбая было 4 жены). Мать ласково называла его «Абай». Ибрагим Кунанбаев подписал написанное им в 1896 году произведение «Лето» именем «Абай». В вышеуказанном введении Панах Халилов отмечает: *«Творчество Абая Кунанбаева – зеркало жизни казахского народа, который во второй половине XIX века все еще продолжал жить в соответствии с системой родоплеменного строя. В произведениях красочно изображен своеобразный колорит национальной жизни. Можно ясно увидеть все – от смены времен года в природе Казахстана до быта и хозяйства кочевников, традиций и обычаев, особенностей, присущих этнографии, нравственным качествам и характеру феодальных слоев»*.

Великий просветитель Абай Кунанбаев вел борьбу с противоречиями среды, в которой он жил, с невежеством, фанатизмом и отсталостью. В этом смысле его можно сравнить с выдающимся представителем азербайджанского просветительства Сеидом Азимом Ширвани. Сеид Азим писал:

Народ, молчание разбей!
Тут крик поможет, а не всхлип!
Народ Востока, ты погиб!
Мрачней, забитей с каждым днём –
О чём ты думаешь, о чём?
Печаль и горе – твой ответ!
Но где причина наших бед?
Невежество – вот корень зла!
Наука бы тебя спасла!

Абай Кунанбаев также неоднократно указывал на силу знаний:

Кто ж виновен в том, что невежда я?
Не страдал бы я так, если б был другим.

Или:

Лишь знаньем жив человек,
Лишь знаньем движется век!
Лишь знанье – светоч сердец!

Идеи Абая Кунанбаева и его современников – Чокана Велиханова и Ибрая Алтынсарина были претворены в жизнь в Казахстане лишь в XX веке. Абай видел будущее своего «бедного народа» в просвещении молодого поколения, его правильном обучении.

В азербайджанской и казахской литературе конца XIX – начала XX века прослеживаются параллели. В начале XX века великий азербайджанский поэт Мирза Алекпер Сабир, чье мировоззрение сформировалось под воздействием просветительского движения XIX века, написал ироничное стихотворение «Не пущу!». Среди стихотворений Абая также есть строки, в которых отражена ответственность звания поэта:

Я стихов не пишу для забав людских,
Чтоб побольше собрать небылиц былых,
Я пишу, чтоб чему-нибудь научить
Тех, кто молод и чуток, как сам поэт.
Верхогляду речей моих не оценить,
Только чуткому сердцу я шлю привет.

Современник Абая Кунанбаева Мирза Алекпер Сабир, который был примерно одного возраста с ним, писал:

Стих – это жемчуг драгоценный, его не обесценю ложью.
Не жди похвал – не одописец! Мне льстить и угождать негоже.
Мой стих сатирою прольется – пути иного быть не может.
Пусть мир услышит голос правды: мне истина всего дороже.

Приведенные нами примеры свидетельствуют о том, что и в Азербайджане, и в Казахстане указанный период был эпохой перехода от просветительского реализма к критическому:

Только нет никого, кто бы понял мой труд, –
Что ж, покой обрести я согласен и сам.

Поэзия, поэмы и проза Абая Кунанбаева вобрали в себя образцы устной народной литературы, которые были так необходимы для развития казахской литературы XX века. Поэт собрал переходящие веками из уст в уста образцы фольклора своего родного края, которые передают печаль и горе, радость и счастье народа, и благодаря этому они стали ценным духовным достоянием нового времени. Абай с болью в сердце обращался к своему народу:«О, казахи мои! Мой бедный народ!», старался своим поэтическим чутьем найти силу внутри народа, его мощь и неисчерпаемую энергию.

Абай так же, как и его современники-азербайджанцы (узбеки, туркмены, киргизы, каракалпаки и т.д.), жившие в XIX-XX вв., – Аббасгулу ага Бакиханов, Мирза Фатали Ахундзаде, Гасым бек Закир, Сеид Азим Ширвани, Гасан бек Зардаби, Джалил Мамедгулузаде, Мирза Алекпер Сабир, – искал истину:

Стянет потуже поэт свой стан,
Вдаль посмотрит – назад и вперед –
Каждое слово, как талисман,
К мысли заветной он подберет.

Взглянет он зорче степного орла,
Струны раздумья в душе теребя.
Против невежества, против зла
Он обращает свой гнев, скорбя…

Борьба за правду и справедливость – миссия, возложенная на поэта Творцом.

Стихотворения Абая напоминают образцы тюркского фольклорного жанра – баяты (*мани*), а некоторые лирические произведения созвучны с лирическими жанрами (*рубаи и туюг*) классической восточной, в том числе азербайджанской литературы:

О, не упорствуй так, народ упрямый мой,
Моих речей пойми, подумав, смысл прямой.
Быть может, для себя в них пользу ты найдешь,
Не для забавы здесь я говорю пустой.

Эта стихотворная форма больше схожа с песней, что естественно, так как Абай, как известно, сочинял и мелодии к своим стихам.

В своей статье «А деревья, иссохшие, как старики, тянут к небу безлистые руки ветвей» Народный писатель Азербайджана Анар пишет:

«Говоря о казахской литературе, первым на ум приходит имя Абая Кунанбаева. Если творчество Абая является вершиной казахской поэзии, романы Мухтара Ауэзова «Абай» и «Путь Абая» – это шедевры казахской прозы».

О генетическом единстве азербайджанского и казахского народов Анар отмечает: *«Горести и печали азербайджанских тюрков и казахов схожи так же, как их языки и судьбы. Поэтому и поэты этих народов переживали об одном и том же»*.

Это – прозрачная истина, истоки которой восходят к художественному мышлению тюркских народов. Азербайджано-казахские литературные связи являются отражением общетюркского единства, опирающегося на эту истину и искренность.

Приведенные ниже строки близки нам своей гармонией, своей искренностью:

Всякий подлый, чванливый и мелкий сброд
Изуродовал душу твою, народ,
Не надеюсь на исправленье твое,
Коль судьбу свою в руки народ не берет.

Родич с родичем спорят из-за пустяков.
Богом отнят их разум, удел их таков!
Ни единства, ни чести, везде разлад.
Стало меньше в степях табунов, косяков.

Из-за денег и власти кипит вражда.
Ты бессилен, а спор ведут господа.
Если накипи этой не смоешь с себя,
В унижении, в страхе ты будешь всегда…

Эти строки звучат словно наставление наших мудрых отцов и дедов.

ЗАХИД САРЫТОРПАГ

Будь мужиком!

Рассказ

Перевод П.АХУНДОВОЙ

То, что я мертвец, известно только мне самому. Да, я мертвец, покойник… Не имею ни надгробной плиты, ни памятника, ни тоскующего по мне и оплакивающего меня живого существа. Я покойник, и все тут. Однако никто этого не знает, не видит, не понимает. Так и проходят дни, месяцы, годы, ничего не меняется, ничегошеньки. Так сам и вдыхаешь свой трупный запах, втягиваешь его в свои легкие, как мускус, все внутри расцветает… Джамале этого не знать. Вот точно так же, как и сейчас, как ни глянешь на нее, увидишь в моменты просветления ее чела, в глубине ее бездонных глаз не любовь какую-то, а только два слова, всего-навсего два. Это не те слова типа «я тебя люблю», которые ценились в далеком прошлом, нет, – там крупными буквами, черным по белому, со всей злостью сверкают лишь понятные тебе одному слова: «Будь мужиком!» И каждый раз от этих слов тебя выворачивает, Байрам, сердце обливается кровью… И каждый раз начинаешь винить себя, точно, как сейчас. Это есть не что иное, как твоя участь, и все тут, – подумаешь ты, – ты сам собственноручно, вернее, своими поступками заслужил ее, так чего же теперь изводиться?! Тогда отчего же ты каждый раз, прочитав эти слова, считаешь себя не земным существом, а каким-нибудь неприкаянным духом, и каждый раз прикладываешь руку ко лбу, проверяя температуру? И вот так, дорогой Байрам, так ты и начинаешь осознавать, что уже поздно каяться, сетовать, сокрушаться, беспокойство, пробравшееся тебе под кожу, въевшееся в твои кровь и плоть, стало твоим спутником жизни. Когда-то ты был очень уверен в себе. «Я имею такие терпение и силу воли, что при желании весь мир посажу на колени; если нужно, Луну и Солнце с неба достану и положу себе в карман или разобью его вдребезги, как тарелку». Сейчас же сжался в беспомощный комочек и понял, что никогда не сможешь переварить эти два слова. И впредь проживи ты трижды свою жизнь, каждое из этих слов будет изъедать твою душу, выскабливать тебя, как грубая наждачная бумага, пока не источит вконец. Пока не сотрет всю кожу и плоть до кости. Однако не отмоешься, не очистишься, так и пройдет незаметно вся жизнь, и ты приблизишься к концу пути. И вечно будешь читать на ее челе, в глубине ее глаз те же самые слова и точно, как сейчас, начнешь беспомощно истолковывать, мол «ладно уж, слова «будь человеком» еще как-то можно понять, человек – он и есть человек, по-другому никак его не назовешь; но что значит «будь мужиком»? Это же намек на честь и достоинство. Словом, она дает мне понять, что нет у меня ни чести, ни достоинства, и доселе я был недобропорядочной и подлой скотиной. Но зачем же все эти замечания и упреки высказывать, порой неуместно и несвоевременно, в столь грубой форме? А лучше, знаешь, как? Лучше подойти ко мне, проткнуть мне брюхо кухонным ножом и выпустить мне кишки, чтобы я успокоился раз и навсегда. Почему я должен быть обречен на это на всю жизнь? Ну, тебя не поймешь, Байрам. То ты сетуешь, что «я мертвец», то говоришь, мол, «сдохнуть бы да обрести вечный покой»…

– На ужин ничего нет, Байрам…

Ну, вот, начнет теперь перечислять: картошки нет, масла нет… А до зарплаты еще целая неделя. Я отложил денег только на хлеб, сигареты и бензин, и все, больше

ни копейки. А тут еще и на работе начались сборы денег: большое дело, близится юбилей знаменитого стукача Гасыма! С зарплаты смогу уплатить, только с зарплаты. Пусть подавится. Больно нравится мне этот мерзкий подхалим, вечно извивающийся и виляющий хвостом перед начальством. Никому не понять, не определить – друг он или враг!

– Не забудь и про моющее средство для посуды. Второй день твержу, и все без толку. Поставь крестик на руке, чтобы не забыть…

Самое благое дело слинять, Байрам, беги отсюда. Но куда? На работу, что ли? Там не слаще. Так что ж мне делать-то? Идрисов сегодня припрет меня к стенке, мол, давай, неси, что собрал. Вот и доказывай ему, что в этом месяце навара кот наплакал. Как всегда, начнет тявкать так, что потом и не заткнуть. Глядишь, и он заявит: «Будь мужиком!» Он же мастер потрещать-поверещать, попрекать куском хлеба. Но ты не обижайся на него, Байрам, не обижайся. Ведь ты же до сих пор зарабатывал благодаря ему, с его подачи, вернее, он закрывал глаза на твои делишки, тем самым позволяя тебе зарабатывать: дом свой достроил? – достроил. Дочь Аризу замуж выдал? – выдал. Теймура от армии откосил? – откосил. Выполнил все желания своей безбожной, жестокой жены? – выполнил. И продолжаешь делать это: и в Иран ее свозил, и лечение ей обеспечиваешь беспрерывное. А ведь все это деньги. Разве этот несчастный Идрисов хоть раз упрекнул тебя за твои левые подработки? – нет, не упрекал. Чего же еще он должен для тебя сделать? Броситься тебе под ноги и умереть? По сути ты сам и есть мертвец, при чем же тут начальство?

– Слушай, уже полдень, ты на работу не собираешься?

Вот спрашивается: какое твое дело? Пойду я или нет, тебе-то что от этого?

Я надел очки и собрался поиграть в «игру», которой Теймур меня недавно обучил. Но спина болит неимоверно. Боюсь, засижусь перед компьютером, и боль еще пуще усилится. Как же называется эта чертова штуковина? Это… ммм, да-да, вспомнил – пластырь! Опять я забыл купить эту заразу – эту перцовую липучку, тьфу!.. Сегодня надо купить и приклеить на поясницу, а сверху повязку надеть. А потом думаю, да черт с ним, боль в спине еще кое-как можно перетерпеть… Хребет цел – и слава Богу. Однако, Байрам, какая разница для мертвеца, переломана у него спина или шея, или цела?..

Каждый день выходит и провожает меня. Это отнюдь не от большой любви, просто привычка, оставшаяся с молодости. А глаза горят все тем же жгучим огнем… Вот и мучаюсь потом всю дорогу: что делать, как ее переделаешь, как? Однажды подшофе, в приподнятом настроении ляпнул: «Негоже мужу и жене грызться, как кошка с собакой, Джамаля, негоже!..» И что вы думаете, что она ответила? «Ты пойди, – говорит, – разуй глаза да погляди на следы кошки и собаки на грязи или на снегу: они хоть и враждуют, следами своими словно цветочки выкладывают, цветочки!.. Понимаешь?.. А мы хоть треснем – все одно. Знаешь, на что будут похожи наши следы? На могилу они будут похожи, на могилу!..»

Перед глазами нарисовалась ужасающая картина: сначала я представил на снегу следы босых ног, а потом обутых. И правда, след босой человеческой ноги походил на свежевырытую могилу, обложенную по краям галькой. А след обуви и того страшнее: стопа похожа на надгробную плиту, а пятка – на памятник. Мне стало дурно от ее слов. Что она болтает? Ее покойный отец когда-то был поэтом, это у них в крови, наверное! Что за бред! А однажды, несколько лет назад, повез я ее в деревню, к ее тетке по матери. Проснулись утром, а вокруг все белым-бело в снегу. У тетки ее было много гусей, утром они все прошлись мимо одинокого платана во дворе и отправились к пруду. Моя посмотрела на их следы и вдруг заявила: «Ты обрати внимание на гусиные следы, словно платановые листья нарисованы на снегу… как же похожи… Всю ночь этому обнаженному платану будут сниться его листики…» Вот тогда меня словно озарило, и я неожиданно сказал: «Наверное, во сне листья были

все еще на ветвях, как только зимний ветерок подставил подножку, это несчастное деревце упало наземь, листья пооставляли следы на снегу, а затем поднялось, отряхнулось и осознало, что не-е-ет, дорогой мой, сейчас зима, и нет никаких листьев, и ветви голы, и все это сон…» Да-да, и я тогда не остался в долгу и привел такое вот дурацкое сравнение. Однако тогда Джамаля не смотрела мне в лицо, чтобы я не прочитал того, что написано в ее глазах. Были ли там снова слова «Будь мужиком» или эта чертова фраза все же растаяла в эти романтические мгновения?.. И как вы думаете, что она сказала? «Не суди обо всем по себе. Это ты у нас мастер на подножки. И остальные тоже не такие тюфяки, как я, чтобы сразу спотыкаться и падать…» Даже если она не смотрела мне в глаза, я знал, что тот приговор все еще сверкает в ее глазах. Но я точно убедился в том, что я и правда мертвец, и точка.

Проходят дни, недели и годы… Вот так, дорогой Байрам, вот такие дела.

Сорок девять лет – не мало, честное слово, не мало. Я состарился, поседел. И всему виной Джамаля, это все она. Как же можно быть такой злопамятной, Господи?! Никак не может забыть случившегося и уже давно оставшегося в прошлом. На свадьбе Аризы нас пригласили танцевать. Где же еще танцевать, как не на свадьбе родной дочери? Что может быть прекраснее?.. Но тогда я просто ужаснулся: Джамаля, стоя лицом к лицу со мной и улыбаясь, начала танцевать. Но в глаза мне не смотрела и на улыбающихся губах так и горели те самые слова. Я не знал, как быть, что делать. Внезапно мне показалось, что все могут прочесть написанное на ее губах. «Это же позор!.. – подумал я, – хватит танцевать». Этот человек полон нескончаемой ненависти и злобы ко мне: сам виноват, не отрицаю. Да, изменял, и причем не раз, не раз! Прознала. Выявила. Разоблачила… И что теперь? Ну, не получилось у меня скрыть, что и привело меня к пожизненному наказанию.

– Твой телефон звонит, не слышишь, что ли?

Это стопроцентно Идрисов. Сейчас скажет: «Где ты пропал, кашкалдак?!»

– Бегу, шеф, бегу…

Всего на два года старше меня, а вишь как прозвал…

Это один из моих обычных дней. Если сесть и сосчитать подобные дни моей жизни, хоть руки на себя накладывай. Однако как может мертвец совершить самоубийство? Вот как? Каким образом?

Я вышел из дома, сел за руль своего автомобиля и, как всегда, отправился на работу. Через пятнадцать минут предстану перед Идрисовым. И снова буду вынужден, сгорая от злости и не вправе пикнуть, созерцать ежедневно повторяющиеся в управлении проделки. Продержаться бы еще денька два, затем отправлюсь по объектам, вздохну спокойно, ибо не буду видеть рож директорских лизоблюдов.

Так и проживаешь жизнь, рассыпая дни, как множество купюр, розданных на свадьбе, Байрам, вот такие дела. Но ничего не меняется, ничегошеньки… Только и разводишь трупную вонь вокруг, кажущуюся тебе ароматом роз…

***

– Не волнуйся, утром все будет хорошо. Все будет хорошо, Джамаля …

Снова у нее разболелся желчный пузырь. Она так мучилась от болей, простонала всю ночь, мне было очень жалко ее.

– Не беспокойся, утром все…

– Что ты заладил «утром да утром»?! Что будет утром? Утро – это изнанка ночи. И что?

«Утро – это изнанка ночи…» Наверняка и эти слова достались в наследство от папаши. Это у нее в крови – болтать высокопарно.

Мысли тяжелые, как свинец. «Если она умрет, что же будет со мной? Как мне дальше жить?» Я не впервые задавался этим вопросом. И не находил вразумительного ответа. Упирался в тупик и говорил про себя: «Я наложу на себя руки». Когда

произносил эти слова, напрочь забывал о том, что я давно мертвец. Я рассуждал, как живые люди: на самом деле я не говорил этих слов, не шептал их, нет, я думал об этом глубоко внутри себя. И даже не думал произнести их вслух. Нутром чувствовал, раз на ум пришла мысль о самоубийстве, а потом ты ее произнес, значит, пятьдесят процентов работы сделано: ты уже наполовину мертв.

Я думал об этом, выйдя из дверей с сигаретой в зубах. Перед глазами предстала картина, как меня вынули из петли и уложили на пол, а я молю Аллаха, чтобы на меня глазел кто угодно, лишь бы не Джамаля. Ибо, если даже выпустить ей пулю в лоб, в глазах будет пылать все тот же приговор. Богом клянусь, так и будет! Глазам ее известны два лишь слова: «Будь мужиком!..», и все тут. И их они не шепчут, а извергают…

Оставим мысль о том, что я мертвец. Допустим, я живой. А ведь мысль о самоубийстве в случае, если с Джамалей что-то случится, гложет меня отнюдь не из большой любви, которую я испытывал к ней в молодости. Я просто боюсь остаться без жены в свои уже немалые годы: ведь я ж, бедолага, не то, чтобы стирать, готовить, убирать, а даже стакан чая себе заварить и налить не могу. А от Теймура мне толку не будет, он собрался уехать навсегда в Германию, и решение его окончательное. Бессердечен он малость, в мать пошел. Тот еще упрямец – если решил уезжать, значит, так тому и быть. А Ариза… А что Ариза? Она замужем, у себя дома, занята заботами собственной семьи. Видимся с ней в лучшем случае раз в полтора-два месяца.

Иногда мне в голову приходит такая мысль: допустим, однажды я подойду к гранатовому дереву в нашем дворе и заявлю плоду на его ветке, что ты не гранат, ты мушмула. Ей-богу, будь он даже неспелый, треснет, как засохшая земля, зерна рассыплются, то есть с деревом случится инфаркт! Глаза Джамали вот уже около двадцати лет днем и ночью твердят мне одно и то же: «Будь мужиком!..» А это равносильно тому, как заявить гранату, что он – мушмула. И вот теперь я понимаю, что я очень выносливый человек, сердце мое – сталь. Не то давно бы уже скопытился…

Я в последний раз затянулся сигаретой и, разглядывая пасмурное небо и моросящий дождь, выпустил дым вверх: такие вот дела, Байрам, такие дела. Храни Бог Джамалю. Мы с ней оба несчастные существа.

…Джамаля, помимо того, что вечно глядит на меня сверлящим и жалящим взглядом, порой как истинная дочь поэта заставляет трепетать мое сердце своими поэтическими высказываниями.

– Моей мамы не стало, когда осень сбросила с себя золотой наряд, разостлавшийся у ее ног. Кажется, и меня не станет, когда зима сбросит одежку.

– Не глупи. Пусть умрут твои недоброжелатели!

В этот раз она на меня не взглянула. Но я и без того знал, что написано в ее взгляде, как говорится, знал свое место…

***

Даже если мне осточертели поручения Идрисова, куда мне деваться? Какого черта делать? Проводить целые дни напролет с этим человеком, пышущим ядом, было катастрофой для меня. До его прихода на работу я брал чеки-фактуры и ходил по объектам, которым были розданы товары. Радовался, что хоть пару-тройку дней вздохну от всего. И постоянно думал, размышлял, что вот так, Байрам, такие вот дела, дни идут, месяцы проходят, годы летят… все будет хорошо. Однако ничегошеньки не менялось. Потому что я мертв, и все тут...

Но стоит моргнуть глазом, как происходят другие вещи, совершенно другие вещи...

В тот день, прежде чем посетить объекты, я намеревался осмотреть хозяйственные товары, загруженные со склада в мою машину, и поразмышлять, каков будет мой доход после их раздачи. Для этого остановил машину на обочине одной из

тихих улиц. Только я притормозил и вышел из машины, как вдруг услышал сзади очень нежный, очень знакомый, растекающийся, как масло по всему телу, женский голос:

– Байрам!..

Это была она – Мушкю! Да, точно она. Она шла навстречу, но отчего-то подволакивала ногу, прихрамывала. Сердце сжалось. «Что же теперь делать? Как отделаться от нее? Что говорить?»

– Байрам, как хорошо, что я тебя встретила, погляди, я не могу ходить…

Ну, вот, сейчас скажет: «У меня болит нога, отвези меня домой…» Так и получилось. Хочу я того или нет, уселась в машину, и все.

– Поехали!

Мушкю – моя давняя знакомая. И причем очень любимая мною знакомая, я прямо-таки дышал ею. Встречались с ней через день. Потом Джамаля устроила мне такой ад, что я от всех отдалился, и от Мушкю в том числе. Вот уже долгие годы избегаю ее, прячусь, как могу.

– Куда?

– Как это куда? – помотала она головой, рассмеявшись. – Куда же нам еще ехать? Ты что, не видишь, как я хромаю? Хочешь, я выйду из машины?

Ах, эта недотрога Мушкюназ, ах! Совсем не изменилась! И что же теперь? Я должен бросить все дела и заняться тобой? Неет! Идрисов шкуру с меня спустит! И товары залежались в машине. Да, товары… У меня есть выход: я должен доставить товары на объекты, и все тут!

– Печально выглядишь, Байрам. Кажется, Джамаля держит тебя в ежовых рукавицах, по струночке у нее ходишь. Что это с тобой?

Ах, Мушкю, ах! Почему же ты видишь, что я мертвец, почему?

– Все в порядке, не беспокойся.

– Все трое моих внучат заболели коклюшем. Я заказала ослиное молоко. Вот уже два дня хожу на базар, продавец все за нос меня водит, никак не принесет молоко. Иначе какого черта мне делать на улице в таком состоянии?

Ох, Господи, оно мне надо? Начнет сейчас балаболить... Дальше я ее уже не слушал, только и думал о том, как бы поскорее высадить ее в их квартале и смыться к чертовой матери. Былое даже и вспоминать не стал. Побоялся расчувствоваться, расклеиться, связаться с ней и позабыть о делах.

Я остановил машину у их дома.

– Даже не спросишь, что с моей ногой?

Я рассмеялся.

– Чего смеешься?

– Да так, ничего…

Она тоже засмеялась.

– Ты не подумай ничего другого. А то я ж тебя знаю. Как начнешь придумывать себе, фантазировать. Те времена уже позади, дорогой мой. Ногу я просто подвернула.

Отчего-то я снова засмеялся. Когда завел машину и начал было отъезжать, она заглянула в окно с невинным личиком и прошептала:

– Байрам, не тупи! Я вывихнула не бедро, а стопу…

Мушкю стареет, это было очевидно. Ей, как и мне, было сорок девять лет, но казалось, что все шестьдесят-шестьдесят пять. Ее пьяница-муж давно помер. Дочь развелась и с тремя детьми вернулась в отчий дом. Сын не собирался возвращаться из России. Сама она все еще работала медсестрой в ближайшей частной клинике. Видимо, после развода дочери положение ухудшилось, жизнь ее как следует потрепала. Но как бы старо она ни выглядела, от нее не несло мертвечиной, – запах мертвеца исходил от меня, исключительно от меня…

Я тронулся в путь. «Да, было время, Мушкю, ты самого дьявола совратила бы…», – подумал я. Я не стал себя корить за холодное отношение к ней. Меня беспокоил один лишь вопрос: интересно, она поняла, что я мертвец? Трупный запах почуяла?..

Спустя всего лишь несколько дней со мной случилась еще одна история: возвращался я домой после раздачи товаров. Был небольшой навар, настроение было приподнятым. Купил все, что Джамаля поручила, хорошенько отоварился для дома. Хотя я не был опытен в этих делах, этими делами всегда занималась Джамаля. Однако в последние дни ее боли обострились, и я знал, что на рынок и по всем остальным делам все равно придётся идти мне. Вот и направился в маркет и когда загружал купленное в багажник машины, почувствовал, что кто-то остановился возле меня. Повернулся, и как вы думаете, кого я увидел? Я своим глазам не поверил…

Я верю, что беды и напасти написаны у меня на лбу с самого рождения. Я уже не говорю о прошлом, оставим его в покое. Но то, что происходит со мной в последние годы, непонятно даже мне самому. И в особенности в последние дни. Ты же ведь мертвец, Байрам, мертвец! Разве мертвецам может везти по жизни? Где это видано? Как такое возможно? И где? А вот здесь, прямо возле маркета. Это была она. Та, с кем я расстался много лет назад и пытался забыть о ее существовании. Это была Гюльдесте. Откуда она взялась? Откуда появилась? Ведь говорили же, что она переехала в Узбекистан? Что стряслось? Вернулась, что ли? Я из-за нее в свое время чуть семьи не лишился.

Мы долгое время молча смотрели друг на друга. Зашли в маленькую кафешку на противоположной улице, заказали чай. Наболело у нее, скажу я вам...

– Бросил меня…. Зохраб развелся со мной… Ты не поверишь, человек, который ради меня собирался броситься с моста, повеситься, убиться, взял и развелся со мной. Вот так просто. Даже причины не мог найти, просто поступил по-скотски и прямо в лицо мне заявил: «ты не можешь родить мне детей». Хотя мы обследовались чуть ли не пятьдесят раз, у меня целый чемодан справок: детей у нас не было из-за него, он и сам прекрасно знал, что я тут ни при чем…

Гюльдесте была младше меня лет на десять-двенадцать. Когда-то работала в соседней компании. Было время, мы часто встречались с ней в доме в Бинагады, который достался ей от дедушки. Тогда Зохраб еще не вышел из тюрьмы, он сидел за то, что сбил насмерть пешехода. Тогда у Гюльдесте было много воздыхателей. А она приткнулась ко мне. Кто-то донес Джамале, мол, приструни Байрама, иначе пропадет… Так она устроила мне такую взбучку и добавила: «Скажи спасибо нашим двоим детям, иначе дня бы с тобой не осталась». И плюс еще эти два кричащих слова с тех пор горят факелом в ее глазах, прожигая меня насквозь…

Припоминаешь ли ты, Байрам, последнюю ночку с Гюльдесте? Странная была ночь. Ты был смешон. Ты был пьян, хоть и не вдрызг, но, тем не менее, хорошо поддатый. Электричество отключили. Вы встали с постели и сидели друг против друга. Ты, пряча глаза, молча уставился на округлую тень керосиновой лампы на столе. Той ночью ты был несчастным влюбленным, вокруг пламени которого, как говорит поэт, кружилась не бабочка, а жужжала муха. Помнишь? И так мучился, так страдал, что Меджнун нервно курил в сторонке. Той ночью ты бранил и корил себя непрестанно… И в конце плюнул на муху, схватил лампу и разбил вдребезги. И орал во всю глотку: «Ничего, Гюльдесте, ничего. Впредь ты меня не увидишь!.. Я мертвец, понимаешь, мертвец?!» Ты что, позабыл все это? Позабыл, Байрам?.. Однако ж после взбучки Джамали как будто перевернулся на сто восемьдесят градусов, по-другому запел, начал днем и ночью крыть на чем свет стоит не только себя, но и Гюльдесте. Как будто любовь твоя исчезла, Байрам, и стала ненавистью…

– Идрисов все еще шефствует?

– Да…

В то время я знал, что Идрисов также имеет виды на Гюльдесте. Однако он был также увлечен и помощницей бухгалтера Светочкой. Видимо, поэтому или Бог знает отчего, с Гюльдесте особо не заморачивался.

Хоть я поначалу и подумал: «Бог мой, откуда она взялась?», потом я смягчился. Она расспросила меня кое о чем, мы обменялись номерами телефонов, невольно беседа затянулась… и я был в шоке от услышанного. Такое ощущение, что отворил дверь, годами закрытую на замок, и выпустил ее на свободу. За какие-то несколько минут чего она мне только ни поведала, чего только ни рассказала! Господи!.. Я не мог смотреть в ее полные печали и боли глаза и потому уставился на кактус на подоконнике. Я был просто ошарашен. Наверное, если бы в этот момент кто-то треснул меня по лицу этим кактусом, я бы вообще ничего не почувствовал, не пикнул бы даже. Кровь в жилах стыла. Оказывается, Зохраб каждый день всевозможно издевался, измывался над этой несчастной. Угрожал ей, что если она кому-то расскажет о его зверствах, то он убьет ее. Оказывается, этот подонок каждый день приходил домой пьяный в хлам, избивал что есть мочи эту несчастную сироту, частенько заставлял лежать до утра под кроватью. А сам разваливался на кровати и до утра без умолку болтал и хохотал по телефону со своей любовницей. А утром закрывал дверь квартиры на замок и уходил. Порой по нескольку дней не появлялся дома. Бедная Гюльдесте, без телефона, без какой-либо связи с внешним миром, изможденная от голода и страданий, днями напролет сидела под замком…

Однако странно было то, что Гюльдесте сетовала сейчас на то, что он развелся с ней. Вместо того, чтобы радоваться, она как будто жаловалась на судьбу…

«Ты же мертвец, Байрам, мертвец! Как же может везти мертвецу? Где это видано? – я был так расстроен, что сам бы сейчас залепил судьбе пощечину. Да что же это за мучения, которым подверглась бедняжка Гюльдесте? Что за варварство? Да разве можно на нее обижаться, избегать? Это же не по-мужски… Попался бы Зохраб в мои руки, я бы плюнул ему в лицо. Если бы даже и не плюнул, то с такой ненавистью посмотрел бы на него, он бы понял, что к чему. Как Джамаля, взглядом дал бы ему понять, мол, «Будь мужиком!..»

– Где ты живешь?

– У дедушки… Тетя Сенем тоже живет вместе со мной.

Вот это уже нехорошо, совсем нехорошо… Тетушка Сенем… То есть она дала знать, что живет не одна. Ну что ж, в другой раз… «В другой раз?» Ты что, спятил, Байрам? Какой это другой раз? Опять начал? Снова бес тебя в ребро ткнул? Не боишься, что Джамаля шкуру с тебя спустит?

Чуть было не проехал на красный свет светофора. Так нажал на тормоза, что машина позади чуть было не врезалась в мой багажник, еле-еле притормозила. Вдобавок я почувствовал, что загруженное в багажник развалилось. Я подал машину на обочину и притормозил. И правда, яйца разбились, продукты все повалились, порассыпались. Такой уж ты есть, Байрам, такой уж ты есть… Проезжать на красный свет – это у тебя в крови. И не только в езде. Ты и по жизни вечно ни в чем не различал красного света, никогда! Вот и расплачивайся теперь.

– Я сойду впереди.

Глаза Гюльдесте были наполнены слезами. Чем же она была так расстроена?

– Почему же ты сходишь? Давай довезу тебя.

Она была очень задумчива.

– Нет, Байрам, нет… У меня дела. Созвонимся.

Ну, вот, наконец-то я услышал свое имя из ее уст. В прошлом она называла меня «Бябир», то есть пантера. А сейчас сказала «Байрам». Что она еще сказала? Созвонимся? Уж лучше я ее заранее предупрежу, чтобы знала, что к чему. А то вдруг надумает позвонить, Джамаля прознает, камня на камне не оставит.

– Я сам тебе позвоню.

После того, как она ушла, я чувствовал себя не в машине, а в гробу. Я мертвец, мертвец я. «Я сам тебе позвоню...» Да разве ж это по-мужски, Байрам? Что же она теперь подумает о тебе? Не скажет ли, какая же ты пантера? Не скажет ли, что ты теперь не пантера, а какой-то жалкий котенок? Не Бябиш – а киса. Скажет, конечно же, скажет. Она уже надышалась трупным запахом, исходящим от меня. Подругому и быть не может. Наверное, не выдержала этой вони, потому и прослезилась, потому и поспешила удалиться...

Добрался до дома, сам не знаю как.

Той ночью вся моя прошлая жизнь пронеслась перед глазами, как фильм. Мушкю, Гюльдесте, Сева... и еще многие, многие, многие... Что же за жизнь я прожил? Разве ж это по-мужски было столько изменять такой достойной женщине, как Джамаля, выростившей и воспитавшей двоих наших детей? И что же, по-твоему, в таком случае должны извергать ее глаза? Может, «Спасибо тебе, Байрам!», так что ли, Байрам?

Лежа в постели, я невольно повернулся лицом к Джамале и прошептал: «Родная моя, прости...» Кажется, я произнес это не в душе, а вслух, и она услышала меня. Может, толком и не разобрала моих слов, но заерзала. Кажется, неверно меня поняла, сказала: «Спи, я неважно себя чувствую...» Да разве ж мертвец может спать, Джамаля?! Мертвец он и есть мертвец... Разве каменное изваяние может видеть сны? Я же сплю, как каменное изваяние, да... Хоть снов и не вижу, но сплю...

Я на цыпочках тихонечко улизнул наружу. Стараясь не шуметь, спустился во двор. Кто повесил замок на дверь погреба? Ключ... ключ здесь, на гвоздике на стене... Слава Богу, Джамаля смазала маслом дверную петлю, она уже не скрипит. Бедняге так осточертел скрип этой двери, что она смазала дверь кукурузным маслом. Родная моя Джамаля... Свет не стану включать, нет, на что мне свет? Мертвецу нужна темень, а не свет... Гюльдесте! Паразитка! Не звони! Нет! Я не хочу! В уши мертвеца закладывают вату, я все равно не услышу звонка... Где? Где веревка? Должно быть, в ящике, да, в ящике... Нет, скорее всего, она в бочонке. Да, кажется, она здесь. Нет, Байрам, включи свет, иначе ничего не получится. А вот и свет... Ну, мертвец, открывай же глаза. Осторожненько... подкатывай бочонок осторожненько к себе. Нет... бочонок не подойдет... да, лучше ящики тащи сюда, ящики. Вот так, Байрам, вот так, умница... А теперь полезай на ящики. Полезай, будь мужиком, давай! А вот и я. Ага, явился... Куда? Рано еще. Подвязывай веревку к бревну. Вот так... Делай петлю, живее, смелее, петлю делай... Это еще что за шорох?.. Кажется, крыса. Пока дверь открыта, прогоню-ка к чертовой матери... Иначе перегрызет все добро. Где же? Куда запропастилась гадина? Ты не отвлекайся, петлю готовь. Вот так, не спускайся с ящиков, не смотри, что качаются, пока их не пнешь, не свалятся... Вот так... Надевай петлю на шею... не бойся. Не бойся, будь мужиком! «Будь мужиком!» Ты что, боишься, Байрам? Ладно, тогда надевай ее просто так, нацепи ее, посмотрим, что будет. Вот так. Да, только я ее пока не затянул и ящиков из-под ног не спихнул. Однако эта сухая веревка натирает мой подбородок и шею. Напрасно я сегодня побрился, вот напрасно, ну, откуда же мне было знать, что так сложится?.. Сухая веревка, чистая кожа, конечно, будет натирать... Там, где-то в углу, должно быть моторное масло, дай-ка я смажу эту веревку, а дальше видно будет... Осторожно! Осторожненько... Ты же ящик свалил, растяпа! Джаа-мааа-ляяя! Хххххх! Джааа-мааа-ляяяя! Ххххх!..

Никогда не знал, насколько сильна Джамаля.Она так обхватила меня за ноги и приподняла кверху, что петля освободила мою шею, но дыхание, кажется, остановилось, веревка сделала свое дело, сколько ни дергай, ни тяни – все без толку...

Я никогда не слышал голос Джамали звучащим так громко:

– Тееееймууууур! Тееееймууууур! Беги скорее сюдаааа! В пооогрееееееб! Беги в пооооогрееееб!!!

Теймур так обхватил мои ноги и поднял вверх, что я чуть не стукнулся о бревна потолка. Джамаля живо перевернула ящик на бок, поднялась на него и, потянув, сняла петлю с моей шеи… Там же уложили меня наземь… усиленно массировали мне руки и ноги, мощными толчками делали массаж сердца и искусственное дыхание… Я начал постепенно приходить в себя, вернее, дыхание начало восстанавливаться. Когда открыл глаза, лежал на боку в нижнем белье на голом полу погреба. Взгляд мой был устремлен в угол. Там, в уголке, под сломанным столом, заставленным пустыми банками, рядом с кучей старых тапок съежилась в комок давешняя крыса и уставилась на меня. Но ее блестящие, как бусинки, глаза ни о чем не говорили. Когда упал свет, я внезапно почувствовал себя бессильным и ничтожным перед этими блестящими глазками и заплакал навзрыд … Я знал, что слезы из глаз не текут, а только рыдал. Несчастная моя доля, разве же я когда-нибудь мог плакать? Кого было просить научить мои глаза плакать? Джамалю, что ли?

Меня притащили в дом и уложили в постель. Ни о чем не говорили, ни о чем не разговаривали. И мать, и сын – оба сидели рядом со мной. Я не мог смотреть им в глаза. Разве я понимал, что происходит?

Затем, кажется, Теймур пошел спать в свою комнату.

Джамаля выключила свет и, не проронив ни слова, легла рядом со мной. Мы оба лежали на спине, лицом к потолку. Сейчас я не знал, что написано в ее глазах, клянусь, не знал. Возможно, было написано: «Байрам, я люблю тебя», все может быть, не знаю.

Я не мог уснуть, и она не спала. Невольно коснувшись ее кончиками пальцев, я, как чужой ей человек, отпрянул, мурашки побежали по коже. Почему? В чем дело, Байрам, что случилось, чего тебе не хватает? Жестокая женщина лежала, словно каменное изваяние, от которого разило холодом. Когда мы уснули, не знаю.

Утром проснулся на звонок телефона. Джамали не было в постели, кажется, она была на кухне.

«Кто это звонит ни свет, ни заря?» Я посмотрел на настенные часы, было около полудня. Кажется, кожа шеи была натерта, очень сильно саднило. А телефон продолжал разрываться.

– Алло… – голос мой совсем плох. Так прохрипел, что сам еле услышал.

Назойливый голос Идрисова царапнул мой слух:

– Ну, куда ты запропастился, кашкалдак?!.

Джамаля зашла в комнату. Я даже не посмотрел на нее. Потому что и без того знал, о чем кричат ее глаза…

ГЮЛЮШ АГАМАМЕДОВА

Устрашение

В реальном бою на поле боя, или на спортивной арене, одной из главной задач противников является устрашение. «Бойся меня!»

Такой посыл действует деморализующим образом. Боец, потерявший боевой дух, даже если он сильнее физически и более ловок, чем его соперник, зачастую проигрывает. Он подсознательно готов к поражению. Тому способствует множество факторов, но один из основных – страх. Устрашение противника – старая традиция. Боевая раскраска лица и тела американских индейцев тому яркое подтверждение. Символика современных брутальных скинхедов, братков: тату, цепи, кожаные куртки в заклепках, вписывается в старую традицию. Идея проста: напугал соперника, считай, победил.

Подобным образом ведут себя не только отдельные личности и организованные банды, но, как ни странно, и некоторые государства.

Что мы и наблюдаем сегодня в войне в Украине.

Российская администрация, начиная с чиновников самого высокого ранга и заканчивая простыми обывателями, угрожает, устрашает не только Украину, но и Европу, США, Великобританию. Угрозы сыплются, как из рога изобилия. Главное – напугать все эти страны, чтобы граждане государств потребовали от своих правительств согласиться на претензии российской власти и принудили Украину смириться с потерей оккупированных земель.

Политикой устрашения российская администрация занимается не первый год. Чего стоила телепередача «Вести недели», вышедшая в эфир в 2019 году с пропагандистом Киселевым, где он подробно объяснял, демонстрируя виртуальные картинки на экране, за сколько минут российская гиперзвуковая ракета «Циркон» может взорвать правительственные объекты США. Устрашение превратилось в основной лейтмотив внешней политики России. Сказать, что зрелище устрашающе для половины земного шара, мало; покажется удивительным, но такое зрелище действует наркотически на российское население. «Вот какие мы сильные и могучие, какое у нас замечательное правительство, заботящееся о нашей безопасности, когда кругом одни враги».

Государство, потрясающее дубинкой и строящее свою политику на угрозах и шантаже, рано или поздно переходит красную линию виртуальных угроз и начинает настоящую войну, или «спецоперацию». Так же, как в боях без правил, соперники сначала делают угрожающие заявления, оскорбительные по сути, а зачастую и по форме, так же поступает государство, выбравшее себе судьбу агрессора. Сначала заявить о том, что украинцы не являются нацией, а Украина государством, что все они нацисты, наркоманы и террористы, а затем перейти от угроз к войне.

Характер военных действий в Украине, и это совершенно очевидно, устрашающий.

Бомбежка жилых кварталов, убийства гражданских, насилие, мародерство и являются тем инструментом, с помощью которого российские власти пытаются напугать до смерти украинцев. Для того, чтобы граждане страны обратились к своему правительству с требованием уступить агрессору и прекратить войну. Безусловно, в какой-то мере, подобная тактика удается агрессору, тем более, такому кровожадному. Миллионы украинских беженцев рассеялись по всему миру. Кровавые события в Буче, Ирпене, Гостомеле, Мариуполе…несомненно, увеличили поток беженцев.

В первой карабахской войне наши армянские соседи прибегли к такой же тактике. Тактике устрашения. Об этом открыто заявил бывший президент Армении Серж Саркисян в интервью Томасу де Ваалу. «До Ходжалы азербайджанцы думали, что с нами можно шутки шутить, они думали, что армяне не способны поднять руку на гражданское население». Название города Ходжалы (город и сегодня под контролем российских миротворцев) стало символом национальной трагедии. После освобождения ряда районов в Карабахе было обнаружено массовое захоронение азербайджанцев в селе Фаррух. Не исключено, что это не последнее массовое захоронение. Миллионы азербайджанских беженцев хлынули в другие, не оккупированные области страны. Помощи извне ждать не приходилось.

У Украины есть союзники. Это радует.

Самым главным аргументом российской власти в войне в Украине является устрашение применением атомной бомбы.

В российском информационном поле беспрерывно муссируется российская угроза атомной войны. Ее повторяют на разные лады, на разных уровнях с завидным постоянством. Перечислить всех российских деятелей, угрожающих Украине, Европе, США, Великобритании атомной бомбой, не представляется возможным. Такое число влиятельных и не очень российских персон, жаждущих превратить многие государства в ядерную пыль, наводит на грустные размышления. Задаешься вопросом, почему российский истеблишмент угрожает уничтожить многие государства. Разве Россия подверглась агрессии? Ведь очевидно, что в случае ядерного удара со стороны России, ей не удастся избежать печальной участи, и она также подвергнется атомной бомбардировке.

Зампред Совета безопасности РФ Дмитрий Медведев в одном из своих многочисленных заявлений пообещал Киеву судный день в случае нападения на Крым. Судный день все авраамические религии рассматривают как конец света. Когда на суд божий будут призваны все люди. И агрессоры, и жертвы агрессии. Все. Неужели российскому политику не терпится приблизить судный день?

А что россияне? Как они реагируют на столь устрашающие заявления своей администрации? Большинство с трепетом, не лишенным гордости за «силу и мощь» отечества, безмолвно одобряют своих, воспетых родной пропагандой, властителей. «Всех победим!» – девиз безмолвствующей массовки. Какой финал ожидает сеющего угрозы агрессора, известно. Неизвестно сколько времени и жертв поглотит страшная война. Азербайджану потребовалось почти 30 лет, чтобы освободить большую часть оккупированных территорий. Отмечу, что наша страна долгое время не могла объяснить мировой общественности, кто агрессор, а кто жертва. Будем надеяться, что Украине в недалеком будущем удастся дать отпор агрессору.

МАРАТ ШАФИЕВ

Краткая история русскоязычной бакинской поэзии

«Я – комплексная вселенная…»

В своей автобиографии он написал: *«В ночь с 3-его на 4-ое октября/ 1973 года нашей эры/ Лукомников Геннадий Ильич/ бросил курить. Адрес: Л. Шмидта,/ 8, кв. 78, возраст – 34 года, в 1939 г./ родился, место рождения – г. Баку,/ место проживания – г. Баку, специальность – миллиардер./ 24.57 – 12.45 = 12.12/ Не курю 2 суток /17 ч. 20 м./ Не курю 2 суток/ 18 час. 30 мин.»* Почему миллиардер? Он с лёгкостью и щедро оперировал огромными цифрами (*«я рождён для богатства и прочих роскошных явлений»*): *«мильонэтажный солнцеглаз»*, *«позади мильардная галактика»*, рисовал денежные купюры в биллиард или квадрильон рублей. Каждое стихотворение, помноженное на 37 (почему 37 – поймёте дальше), действительно, он был баснословно богат.

Недописанный мемуарий звучит так: *«Погиб 24. 08. 1977, 38-летним, сорвавшись с балкона, прячась в очередной раз от прибывших на дом санитаров»*. Дело в том, что уже в детстве ему диагностировали шизофрению, вся его жизнь прошла между квартирой мамы (что такое еврейская мама по отношению к единственному сыну – знает каждый) и психбольницей: *«А то маячат длиннющие списки/ Инсулином, сульфазином и порошком горьким»*.

Он работал мало: чертёжником, картографом, фотографом, рабочим сцены и декоратором в Бакинском театре оперы и балета; крохотную пенсию за инвалидность 2-й группы принимал как гонорар за нигде не публикуемые стихи – «стихи за 37 рублей». Далеко после смерти четыре его стихотворения напечатали в антологии «Самиздат века» (1977) и в сборнике «Русские стихи 1950-2000 годов» (2010).

Он сам себя издавал в единичных рукописях, иллюстрированных цветными карандашами. Показателен его научно-фантастический роман «Горящие глаза», сейчас бы это назвали комиксом: межгалактические приключения советских космонавтов. На каждой странице описывается жизнеустройство разных планет – экстравагантные и поэтические миры при определённом понимании предстают как вполне логичные и куда более красивые, и достойные, чем его повседневное существование. А вот с местной Девичьей башни, к которой приткнулась московская Спасская, сигает балерина в пачке и с толстыми икрами – картинки его тождественны словесным текстам: маргинальное, интуитивное искусство (***ар-брют*** – *направление в изобразительном искусстве середины XX века. Понятие ар-брюта было введено французским художником Жаном Дюбюффе в 1945 году для обозначения собранной им коллекции картин, исполненных душевнобольными, детьми, внеевропейскими «дикарями» и примитивистами.*), то есть работы в высшей степени спонтанные, не считающиеся с правдоподобием, не признающие разграничения реального и фантастического, и, тем не менее, максимально честное.

Он неровно дышал к Маяковскому, ко многим его стихам подошёл бы эпиграф из кумира: «Я сразу смазал карту будня, плеснувши краску из стакана», но если литературная провокация раннего Маяковского серьёзна, эпична, во весь голос, то Лукомников – намеренно дурашлив: «*Как и все, я не признанный бренною жизнию гений,/ Исполняю заветы грядущие, как коммунизмы*». Да и злополучный буржуй, подвергнутый Маяковским радикальному порицанию и отбрасываемый как пережиток, у Лукомникова исподволь приходит в новый пореволюционный мир: *«Новые вселенные рубя топором,/ Мчим сквозь века и расстояния,/ Икра, шашлык и кубинский ром,/ Серп, и молот, и мечтания»*. Но Хлебников, которого он знал фрагментарно, – вот кто мог бы стать близким

другом. Они чуть не совпали в пространстве, но звездочёты-странники – юродствующие, страдающие, – совпадают во времени, когда оно не горизонтально, а вертикально. Макро- и микрокосмос, электроны в мозге, социалистическая идеология – вот темы, думать над которыми можно не уставая. И даже намеренная бессмыслица у обоих выступает в синонимии с советской действительностью. У Лукомникова: *«Драднибра/ кребус/ клобусончик/ Сверхжутко/ съездил/ по стране…»*

Аутсайдер, шагающий не в ногу на параде, вызывает у зевак смех и презрение. Кто там шагает правой? Левой, левой, левой!.. 1980–1990-е годы стали периодом «институционального прорыва» аутсайдеров – они оказались среди «инсайдеров» искусства и включены в выставочные планы музеев, для них открываются в 1995 году в Балтиморе масштабный Музей визионерского искусства, а в Лилле – Музей современного искусства. Мир периодически выпадает в зону турбулентности – в гениальное помешательство. И не был ли Лукомников тем сверхбыстрым муравьём из своей басни, за которым, пытаясь угнаться, умер слон-государство?

Жизнь его сына была более удачлива: 10 поэтических книг, персональная выставка. Но как признался Герман: лишь в 23 года (12 лет спустя после смерти отца), перебрав доставшийся ему в наследство чемодан, он взлетел на качественно новый уровень: *«Для меня в папином творчестве важно ощущение, что всё можно найти в себе самом»*.

В Москве Герман работал дворником (*«Поэт в России/ Он ещё и дворник»*), сторожем. Приобрёл известность, став чемпионом Москвы в поэтическом слэме. В 2014-м победил во Всероссийском турнире и поехал на Всемирный слэм в Париж. В первом Российско-Украинском слэме во Львове в 2007 году он вдруг крикнул тогда ещё никому не понятное – пророческое: «Отче! Бучу отчебучу».

Первый его сборник «Вѣшнія воды» 1993 года вышел с подзаголовком: «Сборник срамной лирики» (что вы хотите – деструктивные, дурные 90-е). К последней его книжице «Почти детские стихи» (Самокат, 2019) картинки рисовал мальчик-аутист Коля Филиппов. И ещё важное: Герман Лукомников стал составителем первой «Антологии русского палиндрома» – интернет-версия 1991-1993 годов, а в 2001 году уже и «бумага» (издательство Гелиос АРВ). И это высокое напряжение, возбуждённое от Хлебникова, ударило его через отца.

ГЕННАДИЙ ЛУКОМНИКОВ

Песнь о собственном чуде

Жизнь развивается и ищет
Иные формы бытия,
Смерть – это где-то странный прыщик
Владельцу не даёт житья.
Смерть – это хохот над вселенной,
Жизнь – это страшный океан,
Сколько товаров так надменны!
Не ухватить их толстый стан.
Везде «яхшы», а дома лучше,
Звенит стиха тугой набат,
Мебель, как здания на суше,
Я от поэзии горбат.
Мясо лиризма жру, потея,
Лечу на планере рубля,
Я в положении Антея
Мчусь над вселенною, трубя.

И этот пирожок не горький,
Стихи за тридцать семь рублей,
Забыл я школьные уроки,
Мозг мира, радость только сей!
«Пышны, душисты розы счастья,
Воркую, словно соловей...»
Но ждут пиита лишь напасти
Безгрешной Родины моей.
Да, я согласен, я отрава,
Яд, змей, колючий острый ёж,
Но почему такая слава?
Страна, где бог лишь медный грош...
Обжору славных томных звуков,
Речитативов языка,
Какая сила, злая мука,
Меня распяла на века?!

****

Величавой игрой фантазёрства наполнено сердце,
И влюблённую душу послал я без почты – любимой,
Не пойму, почему вся вселенная оченно сердится,
Я корплю над стихом беззаветно и неутомимо.

О, рыдван моей жизни, когда ты найдёшь утешенье
В этом хаосе бед, и несчастий, и разных безумий?
Всё, что есть в бытие, для меня лишь одно приключенье,
Ничего нет изменчивей счастья, богатства и суммы.

Ничего не купил, кроме странствий далёких и долгих,
И любвей миражи, и другие недолгие муры,
Охраняют меня материнства огромные доги,
Но клюют моё сердце огромные хищные куры.

Океан путешествий, и в нём города, словно рыбы,
Стайки зданий, домов и народов плывут хаотично,
Я – невинная жертва миров развороченной глыбы,
Но пока что во мне и на мне кое-что симметрично!

Я рождён для богатства и прочих роскошных явлений,
Я плыву ко второму ко берегу суетной жизни,
Как и все, я не признанный бренною жизнию гений,
Исполняю заветы грядущие, как коммунизмы.

Так до нас достигает звезды предалёкой сиянье,
Все дела и заботы – всю жизнь беспокойная муха,
Через все расстоянья доходит любви обаянье.
Улетучился сон, снова в бой за великое дело,
За великое дело отцов, за миров созиданье,
Выплывает из Леты пиита пронзенное тело,
Смотрит фарами окон тупое бездушное зданье.

Зданье жизни беспечной, бездумной, безликой...

Страна глаз

Затерялся я в стране голубых твоих очей,
Душу утопив в вине, лью огонь своих речей.
Резво мысль бежит струёй, как заплаканный ручей,
Если я сейчас не твой, то тогда не знаю, чей.
В голубых твоих глазах нет ни края, ни конца,
Я влюблённый, как монах, жду и краха, и венца.
Ты стыдлива словно лес, что хранит мильоны тайн,
На груди твоей воскрес я – вселенной капитан.
Нега страсти не уйдёт, в сердце будет жить всю жизнь,
Всех великих чтит народ, слава по добру ложись.
А не то пройду, как снег, как улёгшийся буран,
Ураганом страсти нег, смерчем войн, глубоких ран,
Из пещеры бытия лью стихов своих коран,
Убеждённо знаю я, без меня ты пыль, туман.
Мчится поезд по глазам моей бешеной любви,
Шлю тебе поклон, салам, свой воздушный селяви.
Пусть скрежещет злобный враг, полный зависти и зла,
Но найду я твой овраг, где уместится скала.
Как дорога, ты длинна, так длинна твоя коса,
Глаз твоих моя страна – я там буду, как лиса.
Ждёт меня мой самолёт, где всё видно без конца,
Я люблю тебя – народ, поставщик стихов сырца.
Как Отчизну не любить? От любви красны глаза!
Вечно буду рифмой бить, пока льёт стихов слеза.
Век – продукция моя, я один тащу прогресс,
Я сверкаю, как маяк, сквозь любви огромный лес.

Гимн труду

Деталь вытачивая сложную,
Кладя с цементом камень в здание,
Иль, выпекая слов пирожные,
Страны своей влачу задания.
Рыдван судьбы толкаю просекой,
Неужто в мире всё материя?
Пиано звуки льются россыпью,
В грядущем заново уверен я.
Сто гладиаторов политики
Врубились в тушу человечества,
Они богатыри – не нытики,
Каждый дерётся за отечество.
Я созидаю, строю, взвинчиваю
Ракету мира в небо штопором,
Всех Леонардо я довинчиваю,
Хоть путь в печать мурой застопорен.
Рыданья в цирке макрохохота
Под поездом в кино валяются,
В наш век энергии и грохота
Алфавит новый где-то шляется.

Баллада о палате

Скачь, конь моей любви,
Сердце обливается слезами,
Песню под бутылкой утопи
Ярыми налитыми глазами.

Месть пыжится в окне,
Солнце окатило всех жарою,
В красном чуть подслащенном вине
Счастье наконец своё открою.

Мир делом озарен,
О тебе одной пою я песню,
Будет день негодный возмещен,
Как когда-то кто-то делал Пресню.

Царь песен и стихов —
Дикие мечты я обезглавил,
В пьяном куралесии грехов
Я тебя одну со мной оставил.

Трезв воздух ледяной,
Я иду сквозь снег, буран и вьюгу,
Вижу я свой памятник стальной
И под ним любви моей подругу.

Бит миг, что я в аду,
Отряхнув пылинки благочестья,
В райском элегантнейшем саду
Издаю стихов я перелесье.

Дань огненной любви
Шляется по звёздному базару,
Всей своей ценою улови —
Где, когда, какую дали кару.

Пляж мается вдали,
Окати стихов волной планету,
Рыжею лисицею любви
Двое неизвестные согреты.

Я в знанье перспектив,
За моей спиной стоят мильярды,
Твёрдый словно пень стоит штатив,
Строф лукавых злые леопарды.

Сгинь, смрад иных времён,
Я отягощён одною мыслью —
Сбросить притаившийся мильон —
Диалектик медленные Вислы.

АЛИ БЕК АЗЕРИ

Рассказы

Ошибка учителя

Осенью, в один из приятных дней Тахмасиб ехал на своей машине по недавно асфальтированной улице «Артезиан». Это была одна из старинных улиц поселка. По слухам, первый артезианский колодец был вырыт именно на этой улице, поэтому она так и называлась. Посреди улицы жители построили родник, а также вырыли канаву для течения воды. Вдоль канавы были посажены разные сорта деревьев. Когда деревья подросли, они откидывали тень. По обеим сторонам тротуара были поставлены скамеечки, где в основном собирались пожилые люди и узнавали новости о жизни друг друга.

Тахмасиб, только что научившийся управлять машиной, смотрел только вперед, временами поглядывая то влево, то вправо. И вдруг он случайно заметил человека, который показался ему знакомым. Уменьшив скорость машины, он внимательно рассмотрел его. Это был его учитель по начальным классам. Быстро остановив машину на правой обочине дороги, он с хорошим настроением вышел из машины и подошел к старому учителю.

– Привет моему дорогому учителю Хилалу!

– Привет! – поприветствовал его в ответ старик, удивленно разглядывая незнакомца снизу вверх.

– Вы меня не узнали? – спросил он учителя, который удивленно продолжал смотреть на него. – Я был вашим учеником. Вы научили меня тому, как правильно держать ручку, читать и писать, и многому еще другому.

– У меня было очень много учеников... очень... Жаль, что только некоторые из них иногда вспоминают меня. Остальные же, наверное, давно уже забыли про меня, потому что заняты своими делами и проблемами.

Старик глубоко вздохнул.

– Вы на самом деле не помните меня? – спросил вновь Тахмасиб. – Вы же…

– Вспомнил, – ответил нехотя старик, качая головой. – Очень давно, когда ты учился в третьем классе. – На одно мгновение Тахмасиб замер, не зная, что и сказать, как продолжить разговор. «А-хх… будь проклят тот день…» – А сейчас ты чем занимаешься? – продолжал говорить старик. – Вижу, у тебя хорошая, дорогая машина, костюмчик... Наверное, и дела идут хорошо, а-а… Бизнесом занимаешься? Ну, ладно… Как получилось, что ты вдруг вспомнил своего старого, забытого всеми и никому не нужного учителя? Как так получилось, что не забыл меня, как многие другие?

– Я о вас никогда не забывал, учитель. На самом деле я тоже стал учителем. Преподаю в одной из городских школ. Я приехал в поселок для того, чтобы продать отцовский дом, выплатить кредит за машину и больше сюда не возвращаться. – Тахмасиб немного помолчал, а затем продолжил. – Тогда вы на меня так сильно повлияли, что я решил стать учителем, чтобы воспитывать подрастающее поколение...

– Ага... – Старик вдруг взбодрился, гордо расправил плечи. – Интересно, расскажите, что произошло тогда? Как я мог так повлиять на ваш выбор?

– Вы действительно ничего не помните или шутите надо мной?

– Многое чего я повидал на своем веку. Долгое время работал учителем и часто становился свидетелем интересных событий. Но то, что произошло с вами, я никак не могу вспомнить.

– Тогда позвольте освежить вашу память.

– Пожалуйста, попробуйте.

– В нашем классе учился один мальчик из состоятельной семьи. Звали его Васиф, его перевели к нам из другой школы. Учился он слабо, но одевался лучше всех. Мы хорошо учились и получали четверки, а ему ставили одни пятерки. Все завидовали ему. Однажды он надел очень дорогие часы, подаренные ему родителями на день его рождения. Во время занятия он заигрался со своими часами, и тогда вы сделали ему замечание. Он снял часы и положил их под парту. И тогда я решил подшутить над ним. Полез под парту, протянул руку, взял часы и положил их в карман. Васиф был занят другими делами и ничего не заметил. На перемене Васиф обнаружил, что часы пропали, и пожаловался на это вам. Вы не разрешили нам выйти на перемену. Сначала вы сказали, чтобы мы по-хорошому отдали часы его владельцу, и все это превратится просто в шутку. Я постеснялся своего поступка, сильно покраснел, но не решился вернуть часы. Побоялся, что вы все это примете не за шутку, а всерьез. Увидев такое положение дел, вы построили мальчиков у доски, а девочек лицом к стене за партами. Вы это сделали для того, чтобы никто никого не видел. Затем сделали следующее объявление: «Я проверю ваши карманы, но только с одним условием, что вы закроете глаза, и пока я не закончу проверку, вы их не откроете. Никто не должен узнать, у кого в кармане были часы...» Все закрыли глаза и стали ждать. Шли минуты. Когда ваши руки проверяли мои карманы и вынули часы, стыдливый пот потек по моему телу. Я подумал, что сейчас вы опозорите меня и даже побьете, но вы этого не сделали. После этого вы еще продолжали поиски, переходя от одного ученика к другому. Когда закончилась проверка карманов учеников, нам разрешили открыть глаза. Вы, учитель, тихо вернули часы Васифу и предупредили его, чтобы он больше не носил их в школу. Кроме того, вы ничего не сказали мне, не опозорили меня около учеников и не назвали вором. По истечении времени я нашел ответы на все волнуюшие меня вопросы. Вы – настоящий учитель, настоящий интеллигент, у вас большое доброе сердце. Вы не захотели испортить жизнь ребенку, личность которого еще не сформировалась. Поэтому я высоко оценил это и стал учителем. Стал учителем потому, чтобы стать вашим последователем.

– Ага... – старый учитель принял строгий вид, якобы что-то вспомнив... – Значит, это вы тогда сперли часы Васифа?

– Да... Это было мое первое и последнее «воровство», – спокойно вздохнул Тахмасиб, будто тяжелый груз свалился с его плеч и удивленно спросил: – А вы что, забыли об этом происшествии и ни разу о нем не вспомнали?

– Дело в том, что я проверял ваши карманы с закрытыми глазами.

– Это невозможно, вы же были самым памятливым учителем школы. Все об этом говорили. Ваша память была настолько блестящей, что вы точно знали, как ученик ответит вам урок, когда вы вызовете его к доске. Ваши слова стали крылатыми: «Сейчас звякну, Наби, Наби, сразу ответит, что, что... Если позову, Вали, Вали, ответит, да, да!»

– Когда я вас построил перед доской с закрытыми глазами, то посчитал справа налево. Потом закрыл глаза и начал проверять карманы слева направо и ошибся.

– Значит, так?! – удивленно воскликнул Тахмасиб, глубоко пожалев о своем признании.

– Значит, так! – учитель Хилал тоже не удержался от удивления. – Ты украл часы Васифа, а я за это отругал Велияддина.

– Ах, даже так... – покачал головой Тахмасиб и пошел в сторону своей машины, даже не попрощавшись со стариком...

– Э-х-х... ты... – покачал головой старик. – Ты думаешь, что я как слепой боец проморгнулся...

Птичье молоко

«Говорят, что в Москве кур доят»
Поговорка

Зимнее солнечное тепло, как и сама зима, бывает быстротечно. Солнце быстро восходит, а затем также быстро заходит. Вечером только и думаешь о том, как бы поскорее закончить свою работу, прибежать домой и приготовить ужин.

У зимних вечеров есть свои особенности. Как только приходишь домой холодным зимним днем, чтобы не заболеть гриппом, сразу же пьешь много горячего чая с вареньем. Так у нас уж поведено.

В один из таких вечеров мой брат Гара пришел к нам домой, чтобы повидаться с «нене», приехавшей из района. У нас в районе многие маму называют «нене», то есть бабушка. А я всегда называю ее по имени. Еще покойный отец научил нас называть ее Лале, но я зову ее, как и мой отец, «Лала».

Лала и Гара сидели в гостиной, беседуя, и смотрели телевизор. Вюсал готовился к завтрашним урокам. Я готовила ужин на кухне. Чай уже был почти готов, я только что его крепко заварила, и стоял на плите, чтобы не остыть. Я ждала возвращения Гюнель из университета, чтобы мы могли все вместе почаевничать.

Гюнель была разборчивой, знала вкус хорошей еды. Я знала, что она обязательно зайдет в магазин и купит что-нибудь вкусненькое к чаю. Сказать по правде, дома у меня есть много разного варенья. Летом и осенью я готовлю его и разливаю по банкам. Мы попробовали все виды варенья: вишневое, абрикосовое, кизиловое, чернослывовое, земляничное, малиновое, ежевичное и даже брусничное. Я подумала, что если Гюнель не купит ничего к чаю, я достану свое варенье и подам на стол.

Гара тоже принес с собой пироги, такие вкусные, теплые и свежие. Лала обожала пироги, и мы тоже.

Гюнель что-то опаздывала, и я уже начала волноваться. «Она никогда так не задерживалась. Куда она могла подеваться? После университета только в магазин заходит, и то на пять-десять минут».

В это время открылась дверь, и на пороге, улыбаясь, показалась Гюнель.

– Всем привет! – по обыкновению поприветствовала всех она, сняла куртку, повесила на вешалку и сняла обувь. – А-а-а… дядя Гара тоже у нас.

Гюнель зашла в гостиную и поздоровалась с дядей.

– Все за стол! – позвала я. – Чай готов.

Семья собралась за столом. Я налила чай и подала на стол. Только я хотела принести варенье, как тут-же Гюнель вынула из сумки конфеты и положила в сахарницу.

– «Птичье молоко», московское, – сказала она. – Новое, привозное. Знаете, какая в магазине очередь? Поэтому и опоздала.

– «Птичье молоко?» Что это такое? – спросила Лала.

– «Птичье молоко», да… то есть молоко птицы, – объяснила Гюнель. – До того вкусное, что человек не может насладиться их вкусом.

– Разве у птицы бывает молоко? – повторила свой вопрос Лала.

– Почему не бывает? – ответила я. – Если государство захочет, то и у птицы может появиться молоко.

Все стали пить чай.

Кажется, Лале понравилось «птичье молоко», и она выпила чай с двумя конфетами. Когда она взяла третью конфетку, я спросила ее:

– Лала, налить еще чаю?

– Нет, хватит, – ответила она.

Затем, освободив третью конфету от бумажки, положила ее в рот.

– Нене, ну, как? – спросила Гюнель. – Вкусно?

– Вкусно, Гюнель, очень вкусно. – Лала выразила свое довольство и удостоверила кивком головы .

Я собрала пустые стаканы, но никто не вставал из-за стола, ждали ужина.

Лала, закончив сосать конфету во рту, взяла четвертую из сахарницы и начала с ней играть.

– Гюнель отлично знает вкус хорошей еды и ничего не купит просто так, – сказала я. – Лала, о чем здесь думать, съешь конфету.

– Нет, наелась уже, больше не хочу.

Я подумала, что Лала постеснялась, ведь в этом возрасте они, как дети, очень застенчивые.

– Что, не понравилась? – спросила я.

– Понравилась, Алмаз, было очень вкусно.

– Тогда о чем ты думаешь?

– Думаю, как это они ловят этих птиц и доят их.

– Никогда не слышала, что ли? Птичье молоко, яйцо джейрана…

– Слышала, – неохотно ответила Лала. – Но это же неправда.

– Кто это говорит? Это – чистая правда.

– Я тоже думаю об этом. И еще думаю о том, что если государству будет нужно, то начнут доить птиц и даже джейрана заставят нести яйца.

– Не здесь, а в Москве, – добавила я. – Конфеты московские здесь пока не научились делать.

И Гара, и дети потом долго смеялись над словами Лалы.

Разве земля крутится?

Это было давно, в девяностые годы XX века. После распада большой советской семьи появилась еще одна проблема: Нагорно-Карабахский конфликт перешел в фазу войны с Арменией. Армянские бандформирования, несмотря ни на что, упорно наступали и каждый раз захватывали все новые и новые азербайджанские земли.

После очередного захвата армянами наших земель мы, как и все остальные сельчане, стали беженцами-переселенцами. Все разъехались кто куда. Те, у которых была родня в городе, переехали туда, остальные же стали жить в палаточном городке, построенном в степи Мугана.

Мы переехали в город Сумгайыт и расположились в квартире моего брата Гара. Его квартира находилась на третьем этаже пятиэтажного дома, расположенного на берегу моря. В это время Гара со своей семьей жил на дачном участке.

Гара работал в городской болнице врачом-хирургом, считался уважаемым человеком. Через несколько дней, договорившись с главврачом, он устроил меня на работу в ту же больницу, так как я закончила медтехникум и за плечами имела больше десяти лет опыта работы.

Семья у меня была неполная, с мужем разошлась еще пять лет назад. Мама-пенсионерка жила с нами. Дети ходили в школу, сын Вюсал в седьмой класс, а дочка Гюнель – в четвертый. Так как я стала ходить на работу, детьми заниматься мне было некогда, и поэтому я попросила маму присматривать за ними, контролировать их уроки.

Детство моей мамы проходило также накануне войны, и она никогда не рассказывала нам, училась ли она в школе. Великая Отечественная война отняла у нее право на учебу, тогда повсеместно закрывались школы и учителей отправляли на фронт. Несмотря на то, что она не училась, она была шустрой женщиной, на лету все схватывала, во всем сама разбиралась и быстро ориентировалась.

Только по субботам я могла интересоваться учебой детей.

Однажды, проверяя дневник, я увидела двойку. Что это такое? Гюнель получила двойку? Ума не приложу, как Гюнель могла получить двойку по природоведению. Я рассердилась не на шутку. Если бы она получила двойку по английскому или русскому языку, я еще могла бы как-то понять, но по природоведению, где все написано «черным по белому» на родном языке, понять этого было невозможно. Как это могло произойти? Гюнель – старательная девочка, училась на хорошо. Почему же она получила двойку?

– Мама! – закричала я, даже вздрогнув от своего собственного голоса. – Как это так получилось? Я же попросила тебя следить за уроками детей...

– Да, ты просила, – подтвердила спокойно мама. – Они оба тщательно готовились к урокам.

– Тогда что это такое? – я показала дневник, где была поставлена красной ручкой двойка.

– Учитель незаслуженно поставила ей двойку, – ответила спокойным голосом мама, настаивая на своем. – Учитель – сумасшедший, его надо выгнать из школы. Он сам не знает, что преподает.

– Мама, он учитель. Как он не знает, что преподает?!

– Ты лучше у Гюнель спроси, она тебе сама все расскажет .

– А ну-ка рассказывай, – велела я Гюнель. – Как это произошло?

– Я учила урок, – Гюнель спокойно начала рассказывать. – Подошла бабушка и велела мне громко читать, чтобы она тоже могла послушать, о чем идет речь. И я начала громко читать. В книге было написано, что Земля круглая, как шар, крутится вокруг своей оси и вокруг Солнца. Бабушка же сказала, что это неправильно. Я ответила, что в книге так написано и учитель тоже так рассказывал. Бабушка же сказала, что и учитель, и автор книги – оба сумасшедшие. Кто мог такое понаписать? Они не видят, что Земля не круглая, а плоская. Если Земля была бы круглая, как сказал учитель, она не могла бы крутиться. Как рванулась бы с места, так мы сразу и упали бы в море или повисли в воздухе, который вы называете Галактикой. Земля не круглая, и она не крутится, а стоит на месте. Солнце, Луна крутятся вокруг Земли. Земля – самая большая планета в мире.

Внимательно выслушав рассказ Гюнель, я не хотела выслушивать оправдания мамы и сказала:

– Лучше бы ты не вмешивалась, мама. Гюнель бы ответила то, что написано в книге, учителю и получила бы свою оценку.

Я отчитала маму.

Бедная женщина сидела, слушала, но ничего не отвечала. Сидела молча, смотрела в какую-то точку на стене, не отводя глаз и даже не моргнув.

Она долгое время сидела молча и вдруг заговорила:

– Алмаз, ты всерьез веришь в то, что Земля круглая и крутится вокруг своей оси и Солнца? Ты же ученая, техникум закончила, не такая безграмотная, как я.

– Мама, это не я говорю. Это написано в учебнике. Весь мир так думает и верит в это.

– Хорошо, я согласна с тобой. Тогда скажи мне, пожалуйста. Если Земля крутится, тогда почему каждый день балкон соседа смотрит в сторону моря. Пускай хотя бы один день наш балкон будет смотреть на море...

Мы все захохотали, и напряжение было снято...

САФА ГАЛЕЕВ

Дураки бывают разные. Иногда человека так гложет зуд обличения, что он рядится в платье шута или юродивого, чтобы даже в самый деспотичный век, поставив свою жизнь на кон, выговорить толпе ей нелицеприятное.

Интересно – сегодня, когда свобода слова узаконена и провозглашена одним из столпов нового порядка, примитивного юмора много, но нет сатиры. Где громокипящий, эпический, убийственный смех Рабле, Свифта, Мольера, Вольтера? Постмодерная цивилизация вернулась по спирали к библейской мысли: всё тщета, и даже пошла дальше: мир вообще иллюзорен.

Ирония – последнее прибежище разочарованного и печального рыцаря; это те остаточные камушки от прежних океанских островов, по которым ещё возможно перебегать молчаливую и мрачную пустотность.

34-летний Сафа Галеев перепробовал много профессий, пока не прибился рабочим к бакинскому ипподрому. О человеческом отношении к лошадям писали скандинавские саги, Некрасов, Маяковский, Слуцкий. Эти безропотные, безобидные, потому и вымирающие животные тоже иногда взбрыкиваются, вспоминая свою дикую стать, и ржут по ночам, убегая в снах в бескрайние прерии.

Иронические стихи Сафы – нашего полку стихотворцев прибыло. С дебютом!

***

Коль не чистить пустоту,
заведутся в ней объекты:
колченогий стол иль стул,
эволюция как вектор.
И тогда опять бедлам,
беспокойное хозяйство,
без эпических бы драм –
мне б с собою разобраться.
Потому в неделю раз –
генеральная уборка,
медицинский спирт как раз –
годность у него без срока.
После с пустотой сидим –
оба пьяненькие в дым.

Селёдка

Юная селёдка
во море жила,
и подводной лодкой
в глубине плыла,
радовалась жизни
и, само собой,
говорила с ближним
о любви большой.
Рифы и кораллы,
гладкая вода –

рыбенке казалось,
будет так всегда.
Чешуя на солнце
серебрилась вся.
Где теперь селёдка,
милая моя?
Выловлена сетью,
на своей войне
умирает смертью
на лихом огне.
Лопаются очи
и кишки – горой.
Умирает молча,
как большой герой.
Где твои проклятья,
гимны о любви?..
Кушайте котлетки
рыбные свои.
И вином запейте,
пьяный человек,
и светло запойте
головою вверх.

Карась

Отыскать чтоб друга,
плыл я за моря;
натянулась туго
удочка моя.
Ах, какое чудо –
золотой карась!
испеку я блюдо
вкусное как раз.
Широченный костью,
равный мне в гульбе –
потолкуем просто
о шальной судьбе.
И молчаньем честным
помогаешь ты
мне достичь сердечной
своей чистоты.
Оседают беды
медленно на дно...
Шелуху обеда
выброшу в окно.

****

Трудно дышит марсианин
средь садовой резеды,
напустить сюда б метана –
чище стала бы среда.

***

В Баку лучше
бить баклуши.

***

Богослов –
бог ослов.

***

Пьяный в лом бард
гитару сдал в ломбард.

***

И сказал кок: «Верь, Мишель,
это точно – вермишель».

***

Адмирал Врангель
втирал в рану гель.

***

Муж с муллой
сыт мушмулой.

***

Человек не обезьяна,
но и он – не без изъяна.

***

На покупку панталон
предъявите, пан, талон.

***

Добираясь на попутке,
прижимал к груди поп утку.

***

К юбилею «пи» – сто лет –
купил физик пистолет.

***

Три кота же
в трикотаже.